

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

43 2025
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (594) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Антонио Гауди* (1852–1926), испанский архитектор.

Антони Пласид Гильем Гауди и-Корнет (именно так звучит полное имя архитектора) — коренной каталонец. Он родился в 1852 году в маленьком испанском городке Реусе (по другой версии — в Риудомсе). Когда ему исполнилось шестнадцать, он вместе с семьей перебрался в Барселону и начал подготовку к поступлению в Высшую архитектурную школу. И только спустя пять лет он, наконец, стал ее студентом.

Во время учебы молодой зодчий подрабатывал чертежником в мастерских известных испанских архитекторов Эмилио Сала и Франциско Вильяра, а также выполнял мелкие заказы: от проектирования витрин магазинов до создания эскизов газовых фонарей на нескольких городских площадях и улицах. Кстати, парочку причудливых светильников Гауди, украшенных змеями и крылатыми шлемами, можно увидеть на Королевской площади Барселоны и поныне.

Судьбоносным, как ни странно, оказался совсем небольшой проект — оформление витрины для магазина аксессуаров в Барселоне. С помощью обыкновенной проволоки Гауди создал из перчаток фигуры людей, экипажи с лошадьми и даже котиков. Все это настолько впечатлило известного каталонского предпринимателя Эусеби Гуэля, что он заказал у него проект усадьбы, а впоследствии еще целого ряда зданий, которые стали знаковыми памятниками Барселоны. Многочисленные коллаборации с Гуэлем сделали Антонио самым модным архитектором в Испании и открыли путь к более масштабным заказам, которые прославили его на весь мир.

При жизни к Гауди относились по-разному. Одни называли его гением и восхваляли его работы за красоту и сложность исполнения. Другие считали зодчего чудакватым и даже сумасшедшим, а его творения — слишком экстравагантными и непрактичными. В 1910-х годах на смену модерну, к которому тяготел Гауди, пришел модернизм, ставивший во главу угла функциональность, лаконичность и отказ от использования приемов старых стилей. Популярность архитектора на этом фоне начала угасать.

В молодости Гауди выглядел как денди, носил дорогие костюмы, его стрижка и борода всегда были безупречны. Он был гурманом, постоянно посещал театр и оперу, а строительные участки объезжал в собственном экипаже. В зрелом возрасте архитектор перестал следить за своей внешностью, неопрятно одевался и питался очень скромно. На улице его иногда принимали за нищего.

Гауди полностью посвятил себя архитектуре и всю жизнь был один. Известно, что он оказывал знаки вни-

мания только одной женщине — Жозефе Моро, которая работала учительницей в рабочем кооперативе в Матаро; это было в 1884 году. Она не ответила взаимностью. После этого Гауди с головой ушел в католичество. Считается, что архитектор был замкнутым и неприятным в общении человеком, грубым и высокомерным. Однако те, кто был с ним близко знаком, утверждали, что Гауди был верным другом, дружелюбным, вежливым и обходительным.

К концу жизни из блестящего франта Гауди превратился в отшельника. Жил он предельно скромно и уединенно, а все время и силы посвящал последнему проекту и делу всей своей жизни — строительству собора Саграда Фамилия. На 73-м году жизнь Гауди трагически оборвалась из-за нелепой случайности: его сбил первый пущенный по новой ветке трамвай. Говорят, очевидцы не узнали в скромном старике, похожем на бедняка, гениального архитектора, извозчики отказались его везти в больницу, опасаясь, что им никто не заплатит. В конце концов архитектора все-таки доставили в больницу для нищих, где ему оказали примитивную медицинскую помощь. Лишь на следующий день его нашёл и опознал капеллан храма Саграда Фамилия Мосен Хиль Парес-и-Виласау. К тому времени состояние Гауди уже ухудшилось настолько, что даже лучшее лечение не могло ему помочь.

Существует легенда, что такси в Барселоне имеют преимущественно чёрную окраску (с добавлением жёлтого цвета — цвета траура и стыда) в память о Гауди, которого извозчики отказались везти в больницу.

Настоящее признание к зодчему пришло после его смерти. С угасанием популярности модернизма творчество Гауди начали переосмысливать. Оказалось, что за экстравагантным декором скрываются нестандартные и инновационные инженерные решения. Например, архитектор использовал наклонные колонны и опоры, которые более равномерно распределяли нагрузку и при этом создавали эффектный вид.

Сегодня работы Гауди признаны национальным достоянием Испании. Барселона прочно ассоциируется с его витиеватыми причудливыми зданиями, а его главная работа — собор Саграда Фамилия — по праву признана одним из главных символов столицы Каталонии.

С 1992 года ведётся кампания в поддержку причисления Гауди к лику святых. 14 апреля 2025 года Папа Римский Франциск присвоил Антонио Гауди статус досточтимого слуги Божьего, что является первым шагом на пути к канонизации.

В 2013 году день смерти Гауди (10 июня) был объявлен ежегодным Всемирным днем модерна.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алешина С. А.

Понятие, сущность и виды обязательных требований в государственном управлении 69

Алиева Т. Х.

Проблемы и перспективы социализации молодежи в России: теоретико-правовой аспект 71

Алиева Т. Х.

Механизмы реализации государственной политики по содействию занятости молодежи 75

Бакулин Д. О.

Особенности расследования взяточничества ...79

Битюцкий Е. В.

Особенности освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации 82

Бондарь С. О.

Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение.....83

Василенко М. О.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России 86

Высочкина А. А., Сапрыкина Т. Д.

Наследование цифровых активов в международном частном праве: проблемы квалификации и определения применимого права 88

Галеева Н. Р.

Договорное регулирование отношений в сфере SaaS-технологий: анализ преобладающих моделей 90

Гераскина Д. С.

Распространение наркотиков с использованием сети Интернет: вопросы, касающиеся действий соучастников 94

Гилязетдинов Э. Ф.

Условия возмещения убытков как меры гражданско-правовой ответственности 97

Гогаев Д. А.

Проблемы квалификации договора финансовой аренды (лизинга) в российском гражданском праве 100

Гогаев Д. А.

Ответственность сторон по договору финансовой аренды (лизинга): пробелы законодательства и парадоксы правоприменения 103

Гусак П. В.

Различия между коммерческими и некоммерческими организациями 106

Гусак П. В.

Понятие и элементы правового статуса коммерческой организации 108

Давиденко Н. А.

Специфика правового регулирования указания данных о потребителе (пациенте) и заказчике при заключении договора об оказании платных медицинских услуг 110

Дмитриева С. В.

Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности как средства обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации..... 112

Дяговец И. Р.

Способы защиты прав работника при незаконном увольнении: восстановление на работе и компенсация 114

Евдокимова А. А.

Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: проблемы разграничения 116

Елисеев Р. Р., Павлов В. В.

Проблемы законодательной регламентации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ) 119

Ипатов Н. И.

Проблемы квалификации деятельности по перевозке пассажиров без лицензии 120

Ипатов Н. И.

Ответственность
за причинение вреда при использовании
высокоавтоматизированных транспортных
средств 123

Исаева Л. Б.

Классификация и функции источников
конституционного права 125

Исаева К. К.

Особенности первоначального этапа
расследования неуплаты средств
на содержание несовершеннолетних детей ... 130

Йеман Б. Б.

Финансирование третьими лицами
в международном арбитраже: революция
в доступе к правосудию в Африке 131

Ковалевский Д. Г.

Юридическая характеристика и сфера
применения смарт-контрактов 133

Коваленко О. Ю.

Мошенничество с использованием
информационных технологий: к вопросу
о проблемах квалификации 136

Конев Н. А.

Правовые проблемы системы регионального
законодательства в сфере обращения
с отходами 139

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие, сущность и виды обязательных требований в государственном управлении

Алешина Светлана Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

Актуальность исследования обязательных требований в области государственного управления обусловлена необходимостью обеспечения эффективного функционирования государственной системы и исполнения её функций в условиях современного общества. Государственное управление как отрасль знания и практической деятельности требует чёткого понимания обязательных норм и требований, регулирующих взаимодействие между государственными органами, гражданами и юридическими лицами. В условиях динамичных изменений в правовой среде и политической ситуации, разработка и внедрение эффективных обязательных требований становится важным аспектом обеспечения законности, правопорядка и социальной стабильности.

Обязательные требования в государственном управлении представляют собой набор норм, правил и стандартов, обязательных для исполнения всеми государственными органами и учреждениями, а также для граждан и организаций, взаимодействующих с ними [1, с. 19–25]. Эти требования направлены на обеспечение правопорядка, защиту прав граждан и законных интересов, а также на эффективное функционирование государственного аппарата. Обязательные требования могут включать законы, подзаконные акты, регламенты и стандарты, касающиеся различных сфер деятельности государства.

Сфера обязательных требований охватывает все уровни государственного управления — от федерального до местного. В каждом из этих уровней существуют специфические требования, касающиеся управления, контроля, отчётности и взаимодействия с населением.

Сущность обязательных требований заключается в их роли как инструмента регулирования и контроля в сфере государственного управления. Они призваны создать правовые рамки, в которых государственные органы осуществляют свою деятельность, определяя порядок действий, стандарты качества и допустимые пределы принятия решений [4, с. 49–53]. А также в обеспечении эффективного функционирования государственной машины, про-

зрачности и подотчётности органов власти, защиты прав и свобод граждан, и что важно стабильности и развития общества в целом.

Обязательные требования не только устанавливают основу для работы государственных органов [3, с. 8–11], но и способствуют повышению прозрачности и ответственности в их действиях. Важность обязательных требований проявляется в их способности предотвратить произвол и коррупцию, обеспечивая гражданам уверенность в том, что их права защищены.

Обязательные требования в области государственного управления можно классифицировать на несколько видов:

1. **Нормативные требования** — это обязательные правила, предусмотренные законодательством. К ним относятся законы, подзаконные акты и распоряжения, которые регулируют различные аспекты государственного управления, такие как бюджетное законодательство, административный процесс и трудовые отношения.
2. **Стандарты и инструкции** — это требования, разработанные для обеспечения единства и согласованности в действиях государственных органов и служащих. Например, существуют стандарты оказания государственных услуг, которые определяют сроки, качество и порядок их предоставления.
3. **Процедурные требования** — касаются порядка выполнения конкретных действий в рамках государственного управления, например, порядок проведения закупок товаров и услуг для нужд государства.
4. **Этические нормы** — это требования, касающиеся поведения государственных служащих, например, нормы о предотвращении коррупции и конфликта интересов.

Обязательные требования в области государственного управления подразделяются на виды в зависимости от сферы их действия и уровня нормативного регулирования:

1. **Конституционные требования:** закреплены в Основном Законе государства и определяют фундаментальные принципы организации и деятельности государственной власти, гарантируют права и свободы граждан.

2. Законодательные требования: устанавливаются федеральными законами, а также законами субъектов Российской Федерации в пределах их компетенции. Они регламентируют конкретные аспекты государственного управления, такие как структура органов власти, процедура принятия решений, порядок осуществления контроля.

3. Подзаконные акты: издаваемые в рамках полномочий, предоставленных законодательством, правительственными органами и должностными лицами. К ним относятся постановления правительства, приказы министров, инструкции, положения.

Кроме того, обязательные требования могут быть классифицированы по области применения:

1. Обязательные требования к деятельности органов государственной власти: регламентируют процедуру принятия решений, организацию работы, взаимодействие с гражданами и организациями.

2. Обязательные требования к гражданам и организациям: определяют порядок взаимодействия с органами власти, обязанности по соблюдению законов и нормативных актов.

Обязательные требования оказывают значительное влияние на работу государственных органов и их сотрудников. Они формируют правовую основу для всех действий, определяя границы допустимого поведения и обязательный порядок действий. Служащие, обязанные следовать установленным требованиям, становятся более ответственными и подотчётными. Это одновременно способствует улучшению качества предоставляемых услуг и повышению доверия к государственным институтам со стороны граждан.

Однако жёсткие рамки обязательных требований могут также ограничивать гибкость в принятии решений и реагировании на изменяющиеся обстоятельства. Поэтому важно находить баланс между строгим соблюдением требований и необходимостью адаптации к реальным условиям.

С учётом современных вызовов — таких как глобализация, технологические изменения и потребности граждан — обязательные требования в государственном управлении продолжают эволюционировать [2, с. 19–

23]. Актуальность таких требований возрастает в условиях стремительного роста информационных технологий и цифровизации, что требует новых подходов к регулированию.

Обязательные требования в области государственного управления имеют ключевое значение для функционирования государственной системы и обеспечения законности в обществе. Они защищают интересы граждан, обеспечивают прозрачность действий государственных органов и способствуют повышению качества управления. На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что:

– Разработка и реализация обязательных требований должны учитывать динамичные изменения в обществе и технологии.

– Необходимо активное сотрудничество между государственными органами и гражданским обществом для улучшения государственных стандартов и процедур. — Проведение регулярного анализа обязательных требований способствует выявлению их недостатков и разработке рекомендаций для их улучшения.

Важность соблюдения обязательных требований в области государственного управления не подлежит сомнению. Несоблюдение этих требований может привести к нарушению прав граждан, коррупции, неэффективному использованию бюджетных средств, дестабилизации общественных отношений.

Перспективы развития обязательных требований заключаются в их адаптации к новым реалиям, улучшении механизмов контроля и повышении критериев оценки их эффективности. Это позволит не только повысить качество управления, но и создать более благоприятные условия для взаимодействия государства и граждан, увеличивая уровень доверия и сотрудничества в обществе.

Таким образом, обязательные требования не только способствуют улучшению государственного управления, но и обеспечивают баланс между интересами власти и общества. А осознание и неукоснительное соблюдение обязательных требований в области государственного управления является залогом стабильности, прозрачности и эффективности деятельности государства, а также защиты прав и свобод граждан.

Литература:

1. Ноздрачев, А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования / Ноздрачев, Ф. А. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. — 2022. — № 3. — С. 19–25.
2. Переседов, А. М. Ретроспективный анализ института обязательных требований / А. М. Переседов. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. — 2024. — № 10. — С. 19–23.
3. Сморчкова, Л. Н. Развитие административно-правового института обязательных требований / Л. Н. Сморчкова. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. — 2023. — № 12. — С. 8–11.
4. Сморчкова, Л. Н. Правовой режим обязательных требований как средства административно-правового регулирования экономических отношений / Сморчкова, Л. Н. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2021. — № 1. — С. 49–53.

Проблемы и перспективы социализации молодежи в России: теоретико-правовой аспект

Алиева Товрат Хасановна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются актуальные проблемы социализации молодежи в современной России в контексте теоретических и правовых аспектов. Анализируются ключевые факторы, влияющие на процесс социализации, такие как трансформация социальных институтов, ценностные ориентации современной молодежи, роль государства и гражданского общества. Особое внимание уделяется правовому регулированию социализации молодежи, выявлению пробелов и противоречий в законодательстве, а также определению перспективных направлений совершенствования правовой базы. Исследуются вопросы обеспечения прав и законных интересов молодежи в процессе социализации, включая образование, трудоустройство, участие в общественной жизни и защиту от негативного воздействия социальных факторов.

Ключевые слова: социализация молодежи, правовое регулирование, молодежная политика, социальные институты, социальная адаптация, социальные риски, государственная поддержка.

Problems and prospects of youth socialization in Russia: theoretical and legal aspect

The article examines the current problems of youth socialization in modern Russia in the context of theoretical and legal aspects. The key factors influencing the process of socialization are analyzed, such as the transformation of social institutions, the value orientations of modern youth, the role of the state and civil society. Special attention is paid to the legal regulation of youth socialization, the identification of gaps and contradictions in legislation, as well as the identification of promising areas for improving the legal framework. The article examines the issues of ensuring the rights and legitimate interests of young people in the process of socialization, including education, employment, participation in public life and protection from the negative effects of social factors.

Keywords: socialization of youth, legal regulation, youth policy, social institutions, social adaptation, social risks, government support.

Социализация молодежи является одним из ключевых факторов стабильного и устойчивого развития любого общества. Молодое поколение, усваивая социальные нормы и ценности, приобретая знания и навыки, необходимые для полноценной жизни, формирует будущее страны. В современной России, находящейся в стадии активных социально-экономических и политических трансформаций, процессы социализации молодежи приобретают особую актуальность. От того, насколько успешно молодое поколение интегрируется в общество, зависит не только его собственное благополучие, но и перспективы развития российского государства в целом.

Вместе с тем процессы социализации молодежи в России сталкиваются с рядом серьезных проблем. Экономическая нестабильность, социальное неравенство, кризис идентичности, девальвация традиционных ценностей, негативное влияние информационного пространства — все эти факторы оказывают деструктивное воздействие на формирование личности молодого человека, препятствуют его полноценной интеграции в общество и создают предпосылки для маргинализации и девиантного поведения [5].

В связи с этим особую значимость приобретает комплексное исследование процессов социализации молодежи в современной России, выявление основных проблем и определение перспективных направлений го-

сударственной политики и общественной деятельности по созданию благоприятных условий для полноценной социализации молодого поколения.

Социализация — это процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей, установок и ролей, необходимых для успешной адаптации и функционирования в обществе. В процессе социализации человек приобретает знания и навыки, формирует мировоззрение и систему ценностей, определяет свое место в обществе и выстраивает взаимоотношения с другими людьми [5].

Теоретические подходы к изучению социализации разнообразны и включают в себя психологические, социологические и педагогические концепции. В психологии, например, рассматриваются механизмы усвоения социальных норм и ценностей в процессе взаимодействия с другими людьми, формируются представления о личности и ее развитии. Социология анализирует социальную структуру общества, выявляет факторы, влияющие на процессы социализации, и изучает социальные институты, участвующие в формировании личности. Педагогика разрабатывает методы и технологии воспитания и обучения, направленные на формирование у молодого поколения необходимых знаний, навыков и ценностей.

Классические социологические теории социализации, представленные работами Э. Дюркгейма, М. Вебера,

Т. Парсонса и других ученых, акцентируют внимание на роли социальных институтов (семья, образование, государство, религия) в формировании личности. В рамках этих теорий социализация рассматривается как процесс усвоения индивидом норм и ценностей, принятых в данном обществе, и адаптации к социальной системе [6].

Современные теории социализации, такие как теория социального научения А. Бандуры и теория символического интеракционизма Дж. Мида, подчеркивают активную роль индивида в процессе социализации. Согласно этим теориям социализация не является односторонним процессом, а представляет собой взаимодействие индивида и общества, в ходе которого происходит взаимное влияние и изменение [6].

Правовое регулирование социализации молодежи в Российской Федерации осуществляется на основе Конституции Российской Федерации [1], федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере молодежной политики, является Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [2]. Данный закон определяет понятие молодежи, устанавливает цели, принципы и направления государственной молодежной политики, а также полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в данной сфере. Закон также закрепляет право молодежи на участие в общественной жизни, поддержку предпринимательской деятельности, образование и трудоустройство.

Важную роль в обеспечении социализации молодежи играет законодательство в сфере образования. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3] устанавливает принципы государственной политики в сфере образования, определяет структуру системы образования, права и обязанности обучающихся и педагогических работников, а также регулирует отношения между участниками образовательного процесса.

Законодательство в сфере социальной защиты населения также направлено на поддержку процессов социализации молодежи. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4] устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, в том числе право на защиту от насилия, жестокого обращения и эксплуатации, право на образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

Кроме того, важную роль в правовом регулировании социализации молодежи играет законодательство в сфере культуры, спорта и молодежного самоуправления.

Вступление в зрелость в современной России — сложный и многофакторный процесс, сопряженный

с рядом проблем, детерминированных глубокими социально-экономическими и политическими трансформациями, произошедшими в стране за последние десятилетия. Социализация молодежи, понимаемая как усвоение социальных норм, ценностей, ролей и установок, необходимых для успешной интеграции в общество, претерпевает значительные изменения, сталкиваясь с новыми вызовами и противоречиями.

1. Девальвация традиционных ценностей и формирование ценностного вакуума [7].

Крах советской идеологии и последующее внедрение рыночных отношений привели к существенному переосмыслению ценностных ориентиров в российском обществе. Традиционные ценности, такие как коллективизм, приоритет общественного над личным и патриотизм, оказались в значительной степени дискредитированы, уступив место индивидуализму, потребительству и культу успеха. Формирование ценностного вакуума создает ситуацию неопределенности для молодежи, лишая ее четких нравственных ориентиров и затрудняя процесс самоидентификации.

Особенно остро эта проблема проявляется в сфере трудовых отношений. Молодые люди зачастую сталкиваются с противоречием между стремлением к материальному благополучию и необходимостью соблюдения этических норм. Коррупция, недобросовестная конкуренция и другие негативные явления, широко распространенные в российском бизнесе, могут оказывать разлагающее воздействие на моральные принципы молодежи, формируя циничное отношение к труду и социальной ответственности.

2. Проблемы образования и профессиональной ориентации [7].

Система образования в России, несмотря на предпринимаемые реформы, продолжает испытывать ряд серьезных проблем, негативно влияющих на процесс социализации молодежи. Недостаточное финансирование, устаревшая материально-техническая база, низкий уровень заработной платы преподавателей и неэффективные образовательные программы приводят к снижению качества образования и утрате доверия к институту образования как социальному лифту.

Проблемы профессиональной ориентации усугубляют положение. Молодые люди часто выбирают не перспективные и востребованные на рынке труда специальности, а профессии, кажущиеся престижными или легкими в освоении. Это приводит к несоответствию между уровнем образования и потребностями экономики, что затрудняет трудоустройство выпускников и способствует возникновению у них чувства разочарования и неуверенности в будущем.

3. Социальное расслоение и неравенство возможностей [8].

В современной России наблюдается значительное социальное расслоение, которое создает существенные препятствия для успешной социализации молодежи из

разных слоев общества. Дети из малообеспеченных семей, проживающие в сельской местности или депрессивных регионах, имеют значительно меньше возможностей для получения качественного образования, доступа к культурным ценностям и развития своих талантов.

Неравенство возможностей становится особенно ощутимым при трудоустройстве. Молодые люди из состоятельных семей чаще имеют возможность получить престижное образование, пройти стажировку в ведущих компаниях и установить полезные связи, что значительно повышает их конкурентоспособность на рынке труда. В то же время молодежь из социально незащищенных слоев общества вынуждена начинать свою трудовую деятельность с низкооплачиваемых и неквалифицированных работ, не имея перспектив для карьерного роста.

4. Интернет и социальные сети: новые вызовы социализации [8].

Бурное развитие информационных технологий и широкое распространение интернета и социальных сетей оказывают огромное влияние на процесс социализации молодежи. С одной стороны, интернет предоставляет молодежи доступ к огромному объему информации, расширяет возможности для общения и саморазвития. С другой стороны, бесконтрольное пребывание в интернете и зависимость от социальных сетей могут приводить к негативным последствиям, таким как снижение уровня социальной активности, замкнутость, развитие психических расстройств, подверженность кибербуллингу и распространение деструктивных идеологий.

Особенно опасным является влияние социальных сетей на формирование ценностей и мировоззрения молодежи. Реклама, пропаганда насилия, сексуальная эксплуатация и другие негативные явления, широко распространенные в интернете, могут оказывать разлагающее воздействие на психику молодых людей, формируя искаженные представления о мире и отношениях между людьми.

5. Политическая апатия и низкий уровень гражданской активности [7].

Низкий уровень доверия к политическим институтам, разочарование в перспективах демократического развития и отсутствие позитивных примеров гражданской активности приводят к политической апатии среди молодежи. Многие молодые люди не интересуются политикой, не участвуют в выборах и не считают необходимым выражать свою гражданскую позицию.

Политическая апатия является серьезной проблемой для российского общества, поскольку она препятствует формированию активного и ответственного гражданского общества, способного влиять на принятие политических решений и контролировать деятельность власти. Без участия молодежи в политической жизни страны невозможно построить демократическое правовое государство.

Преодоление проблем и создание благоприятных условий для полноценной социализации молодежи в России требует комплексного подхода, включающего

в себя реализацию эффективной государственной политики, активизацию деятельности социальных институтов и поддержку инициатив гражданского общества.

В условиях стремительных социальных, экономических и политических изменений понимание перспектив социализации молодого поколения приобретает особую актуальность. Эта перспективность, с одной стороны, опирается на накопленный исторический опыт, культурное наследие и традиционные ценности, а с другой — испытывает мощное влияние глобализационных процессов, информационных технологий и новых общественных вызовов [6].

Одним из ключевых факторов, формирующих будущее социализации российской молодежи, является образование. Современная система образования, несмотря на предпринимаемые реформы, сталкивается с рядом проблем, включая недостаточную связь с потребностями рынка труда, устаревшие образовательные программы и неравный доступ к качественному образованию в различных регионах страны. Перспективным направлением представляется развитие STEAM-образования, ориентированного (согласно аббревиатуре) на развитие научных, технологических, инженерных, творческих и математических компетенций, необходимых для инновационной экономики. Необходимо также уделять больше внимания развитию критического мышления, креативности и коммуникативных навыков, которые позволят молодежи успешно адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Важную роль играет внедрение цифровых технологий в образовательный процесс, создание онлайн-платформ для обучения и обмена знаниями, расширение возможностей для дистанционного образования [9].

Необходимо увеличить финансирование системы образования, модернизировать материально-техническую базу, повысить уровень заработной платы преподавателей и разработать эффективные образовательные программы, отвечающие потребностям современной экономики.

Вторым важным аспектом является рынок труда и экономические возможности. Молодежь, вступающая во взрослую жизнь, сталкивается с проблемами трудоустройства, низкой заработной платой, отсутствием перспектив карьерного роста. Неравномерное развитие регионов приводит к оттоку молодежи из сельской местности и малых городов в крупные мегаполисы, усугубляя проблему кадрового дефицита в провинции. Для решения этих проблем необходимо создавать благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса, поддерживать молодежные стартапы, развивать программы переквалификации и повышения квалификации, ориентированные на потребности региональных рынков труда. Важно также обеспечивать равный доступ к возможностям трудоустройства для молодежи из разных социальных групп, бороться с дискриминацией на рынке труда и поддерживать развитие трудовой мобильности [10].

Третий фактор, оказывающий существенное влияние на социализацию молодежи, — это ценностные ориен-

тации и гражданская позиция. В условиях информационного перенасыщения и размывания традиционных ценностей молодежь часто испытывает дефицит идентичности и теряет ориентиры в жизни. Растет уровень цинизма, апатии и отчуждения от общества. Формирование гражданской позиции, развитие патриотизма, укрепление моральных и нравственных принципов — задачи, требующие комплексного подхода. Необходимо поддерживать молодежные инициативы, направленные на развитие волонтерства, благотворительности, экологической культуры. Важно создавать условия для участия молодежи в общественной и политической жизни страны, развивать институты молодежного самоуправления, поддерживать конструктивный диалог между молодежью и властью. Особое внимание следует уделять профилактике экстремизма, радикализма и других негативных явлений в молодежной среде.

Четвертым ключевым элементом является информационная среда и цифровые технологии. Интернет и социальные сети оказывают огромное влияние на формирование мировоззрения молодежи, ее ценности и поведение. С одной стороны, они предоставляют неограниченные возможности для получения информации, общения и самореализации. С другой стороны, они несут в себе риски дезинформации, кибербуллинга, зависимости от социальных сетей и негативного влияния на психическое здоровье. Необходимо развивать цифровую грамотность молодежи, обучать критическому мышлению при работе с информацией, создавать безопасную онлайн-среду, защищающую молодежь от негативного контента. Важно также использовать цифровые технологии для развития социальной активности молодежи, создания онлайн-платформ для волонтерства, краудфандинга и других социальных проектов [11].

Пятый, но не менее важный аспект — семейные ценности и роль семьи в процессе социализации. Семья оста-

ется одним из важнейших институтов социализации, формирующим базовые ценности, нормы поведения и модель отношений. Однако современная семья испытывает ряд трудностей, связанных с экономическими проблемами, ростом разводов и снижением рождаемости. Необходимо поддерживать институт семьи, создавать благоприятные условия для рождения и воспитания детей, оказывать помощь молодым семьям, развивать программы поддержки отцовства и материнства.

В заключение нужно сказать, что перспективы социализации российской молодежи зависят от комплексного решения вышеперечисленных задач. Успешная социализация молодого поколения — залог стабильного и процветающего будущего России. Для этого необходимо объединить усилия государства, общества, семьи и самой молодежи, создавая благоприятную среду для развития личности, реализации потенциала и активного участия в жизни страны. Только тогда можно будет обеспечить достойное будущее для российской молодежи и для всей России в целом.

Социализация молодежи является сложным и многогранным процессом, определяющим будущее России. Преодоление проблем и создание благоприятных условий для полноценной социализации молодого поколения требует комплексного подхода, включающего в себя эффективную государственную политику, активизацию деятельности социальных институтов и поддержку инициатив гражданского общества. Реализация предложенных мер позволит создать условия для того, чтобы молодое поколение стало активным и ответственным участником общественной жизни, способным внести свой вклад в развитие российского государства. Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на изучение эффективности существующих механизмов социализации и разработку новых подходов и технологий, отвечающих современным вызовам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). — Текст : электронный // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 22.10.2025).
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.10.2025).
4. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 23.10.2025).
5. Девярых, С. Ю. Половая социализация молодежи в условиях социокультурной трансформации семьи / С. Ю. Девярых. — Москва : Юрайт, 2023. — 188 с.
6. Евтушенко И. В. Профориентация и социализация обучающихся со сложными нарушениями развития : учебное пособие / И. В. Евтушенко, В. В. Ткачева, М. В. Жигорева. — Москва : Инфра-М, 2023. — 198 с.

7. Сосновский Б. А. Социальная психология / Б. А. Сосновский, Ф. Г. Асадулина. — Москва : Юрайт, 2024. — 161 с.
8. Социализация детей в дошкольном возрасте / под ред. С. А. Козловой. — Москва : Юрайт, 2023. — 196 с.
9. Столяренко, Л. Д. Социальная психология личности и групп : учебник / С. И. Самыгин, Л. Д. Столяренко, Н. С. Пичко. — Москва : Феникс, 2024. — 320 с.
10. Фуряева, Т. В. Социализация и социальная адаптация лиц с инвалидностью / Т. В. Фуряева. — Москва : Юрайт, 2024. — 190 с.
11. Мишин, Л. В. Управление общественной активностью студенческой молодежи в цифровом социокультурном пространстве : магистерская диссертация / Л. В. Мишин. — Екатеринбург, 2021. — 175 с.

Механизмы реализации государственной политики по содействию занятости молодежи

Алиева Товрат Хасановна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются механизмы реализации государственной политики по содействию занятости молодежи. Анализируются нормативно-правовые акты, программы и проекты, направленные на повышение конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда, снижение молодежной безработицы и обеспечение оптимального соответствия между потребностями работодателей и компетенциями выпускников образовательных учреждений. Особое внимание уделяется эффективным практикам, используемым в различных регионах Российской Федерации, а также проблемам и перспективам совершенствования системы содействия занятости молодежи. Проводится оценка влияния демографических, экономических и социальных факторов на занятость молодых людей. Предлагаются рекомендации по оптимизации государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: занятость молодежи, государственная политика, рынок труда, молодежная безработица, профессиональное образование, профессиональная ориентация, стажировка, программы содействия занятости, трудоустройство выпускников, мониторинг занятости.

Mechanisms for the implementation of state policy to promote youth employment

The article discusses the mechanisms for the implementation of state policy to promote youth employment. Regulatory legal acts, programs and projects aimed at increasing the competitiveness of young professionals in the labor market, reducing youth unemployment and ensuring optimal compliance between the needs of employers and the competencies of graduates of educational organizations are analyzed. Special attention is paid to effective practices used in various regions of the Russian Federation, as well as to the problems and prospects of improving the youth employment assistance system. The impact of demographic, economic and social factors on the employment of young people is being assessed. Recommendations on optimizing government policy in this area are proposed.

Keywords: youth employment, public policy, labor market, youth unemployment, vocational education, vocational guidance, internship, assistance programs.

Молодежь представляет собой социально-демографическую группу людей в возрасте от 14 до 35 лет, выделяемую на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующуюся специфическими интересами и ценностями.

В современном обществе занятость молодежи является одним из ключевых факторов социально-экономического развития и благополучия нации.

Молодые люди представляют собой трудовой потенциал будущего, и их успешная интеграция на рынок труда имеет решающее значение для инновацион-

ного развития экономики, повышения производительности труда и обеспечения социальной стабильности общества.

Однако молодежный рынок труда характеризуется специфическими проблемами, такими как недостаток опыта работы, низкая конкурентоспособность, профессиональная невостребованность и высокая мобильность [8].

Эти проблемы требуют комплексного и системного подхода со стороны государства, направленного на создание благоприятных условий для трудоустройства молодежи и раскрытия ее потенциала.

Государственная политика по содействию занятости молодежи является неотъемлемой частью социальной политики государства и направлена на решение задач, связанных с обеспечением равных возможностей для трудоустройства молодежи, повышением ее конкурентоспособности на рынке труда, снижением уровня молодежной безработицы и созданием условий для профессиональной самореализации.

Реализация этой политики предполагает использование различных механизмов, охватывающих правовое регулирование, финансовую поддержку, институциональное обеспечение, информационное сопровождение и программно-проектную деятельность [8].

Государственная политика занятости представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение эффективного использования трудовых ресурсов, создание условий для полной, продуктивной и свободно избранной занятости населения.

Теоретические основы государственной политики занятости базируются на различных экономических концепциях, включая кейнсианские, неоклассические и институциональные подходы [9].

Кейнсианская теория занятости акцентирует внимание на регулирующей роли государства в стимулировании совокупного спроса и обеспечении полной занятости. В рамках данного подхода государство использует инструменты фискальной и монетарной политики для поддержания экономического роста и создания новых рабочих мест.

Неоклассическая теория рассматривает занятость как функцию рыночного равновесия между спросом и предложением труда. При этом роль государства ограничивается созданием благоприятных условий для функционирования рыночных механизмов и устранением административных барьеров.

Институциональный подход подчеркивает важность институциональных факторов, таких как трудовое законодательство, система социального партнерства и образовательные учреждения, в формировании политики занятости. Согласно данному подходу, государство должно создавать и поддерживать эффективные институты, способствующие развитию трудовых отношений и повышению конкурентоспособности рабочей силы [10].

Реализация этой политики осуществляется посредством разнообразных механизмов, которые можно классифицировать по нескольким ключевым направлениям: законодательное обеспечение, экономическое стимулирование, образовательные программы, информационно-консультационная поддержка и развитие социального партнерства.

Законодательное обеспечение выступает фундаментом государственной политики. Оно включает в себя разработку и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей трудовые отношения с участием молодежи. Ключевыми элементами здесь являются законы и подзаконные акты, устанавливающие права и обязанности ра-

ботодателей и работников, возрастные ограничения, особенности трудоустройства несовершеннолетних, а также меры по защите прав молодежи на рынке труда.

Важным аспектом является также разработка и внедрение правовых механизмов, предотвращающих дискриминацию по возрасту при приеме на работу и обеспечивающих равные возможности для молодых специалистов [2].

В 2021 году Правительством РФ принята Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года [4], направленная на обеспечение условий для раскрытия профессионального, трудового и предпринимательского потенциала лиц в возрасте от 14 до 35 лет. Для этого будут решаться задачи по формированию карьерных стратегий подрастающего поколения в соответствии с личностно-профессиональными наклонностями и потребностью рынка труда; по обеспечению адекватности получаемого образования требованиям работодателей и предпринимательской деятельности; по созданию условий для профессионального развития и дополнительных механизмов снижения рисков незанятости. Ежегодно программа должна охватывать до 200 тыс. человек. В результате принятия всех мер ожидается существенное снижение молодежной безработицы (до 5 % к 2030 году).

В 2024 году распоряжением Правительства РФ утверждена обновленная Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года [5]. К числу ее приоритетных задач относятся: содействие трудоустройству несовершеннолетних граждан и зрелой молодежи, которая испытывает сложности в поиске работы; развитие цифровых систем в сфере труда и занятости; повышение профессионального мастерства молодых работников. При этом выделено еще одно новое направление — стимулирование трудовой миграции молодежи на приоритетные территории Арктики и Дальнего Востока из других регионов России.

Среди большого количества федеральных проектов («Карьерное сопровождение молодежи», «Страна мастеров» и др.) выделяется образовательная программа «Профессионалитет» [6]. Она предполагает создание образовательно-производственных центров (кластеров), представляющих собой интеграцию колледжей и техникумов, которые готовят кадры, и организаций реального сектора экономики. Участникам программы доступно обучение по различным отраслям: атомная промышленность, легкая промышленность, информационные технологии, искусство и креативная индустрия, педагогика и др. [7]

Законодательное обеспечение предусматривает также механизмы контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства в отношении молодежи, а также систему ответственности за его нарушения.

Экономическое стимулирование предполагает создание условий, при которых работодателям становится выгодно нанимать молодых специалистов. Это достигается различными способами, например:

1. Государство предоставляет финансовую поддержку предприятиям, создающим новые рабочие места для молодежи, особенно для выпускников учебных заведений и лиц, испытывающих трудности в трудоустройстве.

2. Предприятиям, активно трудоустраивающим молодежь, могут предоставляться налоговые льготы, снижающие их налоговую нагрузку и стимулирующие расширение штата за счет молодых сотрудников.

3. Молодым людям, желающим открыть собственный бизнес, государство оказывает финансовую и консультационную поддержку, предоставляя им льготные кредиты, гранты и помощь в разработке бизнес-планов.

4. Для определенных категорий молодежи (например, для инвалидов или выпускников детских домов) устанавливаются квоты на трудоустройство на предприятия различных форм собственности.

Согласно исследованиям Международной организации труда, качественное образование выступает ключевым фактором успешного трудоустройства молодых специалистов, позволяя им эффективно конкурировать на современном рынке труда.

Комплексные образовательные программы, разработанные с учетом актуальных требований работодателей, формируют у выпускников востребованные профессиональные компетенции и практические навыки.

Профессиональная подготовка молодых специалистов реализуется через государственные программы обучения и переквалификации, нацеленные на формирование актуальных профессиональных компетенций.

Практическая составляющая образовательного процесса включает производственные стажировки, обеспечивающие непосредственное знакомство с рабочими процессами и применение академических знаний.

Профориентационная работа со школьниками и студентами способствует осознанному выбору ими карьерного пути с учетом личных склонностей и запросов рынка занятости. Синергия образовательных учреждений и производственных площадок создает эффективную систему подготовки квалифицированных кадров, соответствующих современным профессиональным стандартам.

Информационно-консультационная деятельность обеспечивает всестороннее информирование молодых специалистов и представителей бизнеса о вакансиях, трудовых правах, социальных гарантиях и государственных программах поддержки занятости населения.

Консультанты проводят регулярные встречи, организуют тематические семинары, предоставляют актуальные данные через информационные порталы и специализированные издания, разъясняют механизмы участия в региональных программах трудоустройства.

Современные информационные порталы и специализированные базы данных активно развиваются для поддержки молодых специалистов. Цифровые платформы аккумулируют актуальные сведения о рабочих местах, образовательных программах и возможностях профессиональной переподготовки.

Регулярные карьерные мероприятия создают благоприятную среду для прямого диалога соискателей с представителями компаний. Профессиональные консультанты помогают молодым специалистам грамотно составлять резюме, готовиться к собеседованиям и эффективно демонстрировать свои навыки потенциальным работодателям.

Компании получают подробную информацию о государственных программах поддержки бизнеса, включая налоговые преференции и субсидии при трудоустройстве молодежи. Квалифицированные эксперты проводят индивидуальные консультации по стратегиям поиска работы и развития профессиональных компетенций.

Формирование эффективного социального партнерства базируется на комплексном взаимодействии между государственными структурами, представителями бизнес-сообщества, профессиональными союзами и некоммерческими организациями, направленном на решение проблем трудоустройства молодого поколения [11].

Государственные органы совместно с работодателями, профсоюзами и образовательными учреждениями заключают соглашения по развитию молодежной занятости. Межведомственные рабочие группы разрабатывают комплексные меры поддержки трудоустройства выпускников.

Специализированные комитеты координируют реализацию проектов по снижению безработицы среди молодых специалистов. Регулярные круглые столы позволяют обсуждать актуальные проблемы занятости молодежи, выработывая практические решения.

Представители государственных структур, бизнеса и образования совместно формируют программы повышения конкурентоспособности молодых кадров на рынке труда. Многосторонние партнерские инициативы способствуют эффективному трудоустройству выпускников учебных заведений.

Комплексная реализация молодежной политики занятости требует согласованных действий государственных структур, бизнес-сообщества и образовательных учреждений, направленных на создание эффективной системы трудоустройства молодых специалистов.

Регулярный анализ результативности принимаемых решений в сфере трудоустройства молодых специалистов требует гибкого подхода к формированию государственных программ занятости населения.

Грамотная адаптация механизмов поддержки начинающих работников к актуальным требованиям рыночной экономики создает прочный фундамент для планомерного роста благосостояния граждан и укрепления национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Анализ механизмов реализации государственной политики по содействию занятости молодежи свидетельствует о том, что в России проводится значительная работа по созданию благоприятных условий для трудоустройства молодых людей. Однако эффективность принимаемых мер не всегда соответствует ожиданиям и существует ряд проблем, требующих решения.

К основным проблемам государственной политики в сфере занятости молодежи относятся [12]:

1. Недостаточная координация между различными ведомствами и организациями, участвующими в реализации политики.

2. Низкая информированность молодежи о существующих программах и проектах, направленных на содействие трудоустройству.

3. Недостаточное финансирование программ и проектов по содействию занятости молодежи.

4. Дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда, приводящий к тому, что выпускники образовательных организаций не могут найти работу по специальности.

5. Низкий уровень мотивации работодателей к трудоустройству молодых специалистов из-за недостатка их опыта работы и необходимости их обучения.

Для совершенствования государственной политики по содействию занятости молодежи рекомендуется принять следующие меры [14]:

1. Усилить координацию между различными ведомствами и организациями, участвующими в реализации политики.

2. Разработать и реализовать комплексную информационную кампанию, направленную на повышение информированности молодежи о существующих программах и проектах, направленных на содействие трудоустройству.

3. Увеличить финансирование программ и проектов по содействию занятости молодежи.

4. Совершенствовать систему профессионального образования с целью устранения дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда.

5. Разработать систему стимулов (налоговые льготы, субсидии и другие меры поддержки) для работодателей, трудоустраивающих молодых специалистов.

6. Расширить практику стажировок и практик для студентов и выпускников образовательных организаций.

7. Активно привлекать общественные организации и объединения работодателей к реализации государственной политики по содействию занятости молодежи.

8. Усилить контроль за эффективностью использования бюджетных средств, выделяемых на реализацию программ и проектов по содействию занятости молодежи.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность государственной политики по содействию занятости молодежи и создать благоприятные условия для трудоустройства молодых людей, что, в свою очередь, будет способствовать социально-экономическому развитию страны и повышению уровня жизни населения.

Содействие занятости молодежи является важной задачей государственной политики, решение которой требует комплексного и системного подхода.

Совершенствование механизмов реализации государственной политики в данной сфере (включая правовое регулирование, финансовую поддержку, организационное обеспечение и социальное партнерство) позволит повысить эффективность действующих программ и инструментов, снизить уровень молодежной безработицы и создать благоприятные условия для реализации потенциала молодого поколения.

Необходимо продолжить работу по развитию системы профессионального образования и обучения, обеспечению соответствия образовательных программ требованиям рынка труда, поддержке молодежного предпринимательства и совершенствованию трудового законодательства. Реализация предложенных мер позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны и повысить качество жизни молодежи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). — Текст : электронный // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 22.10.2025).
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.10.2025).
4. Распоряжение Правительства РФ № 3581-р от 14.12.2021. — Текст : электронный // Правительство России : [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANoHZSUnnpE6.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).
5. Распоряжение Правительства РФ № 45-р от 17.01.2024. — Текст : электронный // Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/408411117/> (дата обращения: 22.10.2025).
6. Федеральный проект «Профессионалитет». — Текст : электронный // Минпросвещения России : [сайт]. — URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения: 22.10.2025).
7. Кириллова, А. Д. Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности / А. Д. Кириллова, А. В. Попов // Russian Journal of Economics and Law. — 2024. — № 3. — С. 686–698.

8. Левин, Д. А. Политика содействия занятости молодежи в современных условиях / Д. А. Левин // Human Progress. — 2023. — Т. 9, № 5. — С. 8.
9. Фоминых, Е. С. Трудоустройство молодежи: проблемы взаимодействия и пути их решения / Е. С. Фоминых // Молодой ученый. — 2024. — № 7 (506). — С. 44–45.
10. Теняева О. В. Молодежь на региональном рынке труда: проблемы и пути преодоления / О. В. Теняева, О. Ю. Филькина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 12 (138). — URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.144> (дата обращения: 10.02.2025)
11. Колесникова Ю. С. Молодежный рынок труда и содействие трудоустройству / Ю. С. Колесникова, А. В. Камашева, А. Л. Халиков // Экономические науки. — 2013. — № 109. — С. 54–57.
12. Забелина, О. В. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи / О. В. Забелина, А. М. Асалиев, Е. С. Дружинина // Экономика труда. — 2021. — Т. 8, № 9. — С. 985–1002.
13. Леонидова Г. В., Димони К. О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. — 2021. — Т. 25, № 6. — С. 7–31.

Особенности расследования взяточничества

Бакулин Денис Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Жамбалов Дмитрий Баирович, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (г. Улан-Удэ)

Коррупция в России один из самых разрушающих факторов, который дает пагубные последствия практически во всех сферах жизни. Существует несколько основных причин появления этого в мировом сообществе: нигилизм населения, Человеческая жадность, нерегулированная система получения государственных услуг и назначения на должности. Это обуславливает особенности проведения оперативно-розыскных действий при расследовании подобных преступлений.

Ключевые слова: взяточничество, расследование, правовые особенности, коррупция.

Features of investigation of bribery

Bakulin Denis Olegovich, master's student

Scientific advisor: Zhambalov Dmitry Bairovich, phd in law, associate professor
East-Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude)

Corruption in Russia is one of the most destructive factors, which has detrimental consequences in almost all spheres of life. There are several main reasons for the appearance of this in the world community: nihilism of the population, human greed, an unregulated system of obtaining public services and appointments to positions. This determines the peculiarities of conducting operational-search actions in the investigation of such crimes.

Keywords: bribery, investigation, legal features, corruption.

Коррупция — одно из негативных явлений Российского и мирового сообщества, имеющих за собой ряд разрушающих последствий во всех сферах общества.

Под коррупцией понимается превышение служебных полномочий должностными лицами с целью получения личной выгоды. Чаще всего это выражается в виде получения денежного или иного вознаграждения за определённую услугу [3].

Негативные проявления коррупции делят на несколько групп, основные из них: политические, общественные, экономические, экологические [4].

Одной из приоритетных задач Российского государства в реализации политики является антикоррупционная деятельность. Обширное законодательство, высококвали-

фицированные специалисты антикоррупционных подразделений, информационная пропаганда — основа данной деятельности [3].

В рамках исследования были проанализированы труды Российских ученых и практиков в сферах криминалистики и криминологии, а также изучена нормативно-правовая база, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, Кодексы и другие правовые акты.

Основой антикоррупционного законодательства является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который определяет понятия «коррупции», «антикоррупционной деятельности» и др. [2]

Данный закон выражает категории о своевременном выявлении и устранении первопричин коррупции; борьбе

с коррупцией, включающей выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование правонарушений, а также ликвидации или минимизации последствий коррупционной деятельности.

Наказание предусматривается Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) и Administra-

тивными Кодексами Российской Федерации. Административное и уголовное преследование грозит не только коррупционеру, человеку, который берет взятку, но и лицу, давшему ее [1].

Важно отметить, что наказание дифференцировано относительно суммы взятки, что мы видим в Таблице 1.

Таблица 1. Размер взятки и предусмотренное законодательством наказание за ее получение

Взятка	Размер взятки (тыс. руб.)	Штраф
В значительном размере	От 25 до 150	От 30 до 60 сумм взятки
В крупном размере	От 150 до 1 000	От 70 до 90 сумм взятки
В особо крупном размере	Свыше 1000	От 80 до 100 сумм взятки; лишение свободы от 8 до 15 лет

Обратимся к статье 290 УК РФ, которая предусматривает ответственность за получение взятки должностным лицом. Взятка может быть в виде денег, имущества, услуг или нелегальных выгод. Наказание зависит от размера взятки и может быть разным: штраф, исправительные работы, принудительные работы или лишение свободы.

Юридические аспекты расследования взяточничества охватывают:

- изучение и применение опыта выявления и проведения расследований по делам о даче и получении взяток;
- роль законодательных норм, научных теорий и рекомендаций;
- анализ кейсов из судебной практики [5].

Проанализировав законодательство и опираясь на юридические аспекты расследования взяточничества, можно выделить ключевые проблемы в расследовании коррупционных дел: неполноту теоретической и практической базы, недостаточные знания и навыки у участников расследования, потребность в совершенствовании методик расследования и повышении квалификации специалистов.

Структура и содержание криминалистической характеристики взяточничества

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных со взяточничеством, состоит из следующих ключевых аспектов:

1. Персональные данные о преступнике: возраст; уровень и направление образования; профессиональная деятельность; семейное положение; причины, побудившие к совершению преступления.
2. Характеристика взятки: её размер; форма (материальные блага, услуги или льготы).
3. Обстоятельства и условия совершения преступления: типичные места; временные рамки; способы передачи взятки.
4. Описание типичной процедуры взяточничества: подготовительный этап; непосредственное совершение преступления; методы сокрытия преступных действий.
5. Механизмы образования следов преступления: материальные и идеальные следы; следы в электронном виде, хранящиеся в памяти компьютерных устройств и систем [7].

Особенности проведения предварительной проверки по факту взяточничества и рекомендации по совершенствованию этой деятельности.

Существуют характерные черты предварительной проверки в случаях взяточничества.

В первую очередь осуществляется анализ деталей передачи взятки, служебного действия, ставшего предметом коррупции, смягчающих и отягчающих обстоятельств для каждого участника преступления.

Также отметим, что важную роль играет приоритетное рассмотрение типичных версий событий и проведение начальных следственных мер:

- задержаний, обысков;
- арестов собственности — а также допросов ключевых свидетелей и подозреваемых.

Тактика проведения следственных мероприятий в делах о взяточничестве требует особых подходов, учитывающих характерные черты таких преступлений [5].

К основным следственным действиям относятся:

- осмотр мест происшествия;
- освидетельствование;
- обыск;
- допросы подозреваемых, обвиняемых и свидетелей;
- назначение экспертиз;
- предъявление для опознания;
- проведение следственных экспериментов.

При задержании подозреваемых (или обвиняемых) необходимо соблюдать общие тактические правила, применять современные технико-криминалистические средств, использовать специальные тактические методы, тщательно подготавливать и осуществлять задержание с личным, включая оперативные мероприятия и процессуальные действия.

Обыск проводится с соблюдением криминалистических методик с целью обнаружения и изъятия улик, указывающих на виновность.

Допросы подозреваемых и обвиняемых в коррупционных преступлениях требуют учета психологических особенностей личности, адаптации к возможным тактикам уклонения от ответственности, глубокого анализа позиции обвиняемых по установлению истины [3].

Особенностью расследования дел о взяточничестве является применение специализированной методики, адаптированной под особенности преступлений, связанных с злоупотреблениями, коммерческим подкупом и неправомерным использованием служебного статуса.

Стоит отметить, что при расследовании взяточничества, рассматриваются два аспекта преступления: получение выгоды злоумышленника, нанесение материального или иного вреда организации.

Основные отличия расследования дел о взяточничестве от других заключаются в следующих особенностях:

- учет криминалистической характеристики таких преступлений;
- акцент на дополнительных (факультативных) признаках объективной и субъективной сторон состава преступления;
- особое внимание к мотивам и целям, которые преследуют коррупционеры при совершении правонарушений.

Это позволяет более глубоко и систематически подходить к расследованию преступлений о взяточничестве.

Для оптимизации процесса борьбы со взяточничеством необходимо:

1. Укрепить сотрудничество между правоохранительными структурами и другими государственными институтами.
2. Провести повышение профессиональных навыков персонала в органах правопорядка.
3. Разработать и внедрить современные методики и технологии для выявления коррупционных деяний.

4. Усилить контроль за соблюдением законодательных норм, направленных против взяточничества, среди должностных лиц.

5. Регулярно проводить мониторинг расследований по фактам взяток:

- анализировать успешность и проблемы в процессах;
- разрабатывать рекомендации для улучшения практики выявления и пресечения коррупционных преступлений.

Таким образом, в заключение можно сказать, что расследование дел о взяточничестве сопряжено с рядом специфических сложностей, обусловленных как природой преступления, так и особенностями правоприменительной практики. Ключевыми проблемами являются затруднения в выявлении фактов получения или дачи взятки, а также сбор достаточных и убедительных доказательств вины. Дополнительный фактор, усложняющий процесс, — наличие иммунитета у некоторых должностных лиц, что ограничивает возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий и досудебного расследования.

Для достижения успеха в расследовании коррупционных преступлений требуется не только глубокое знание уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и высокий уровень профессионализма следователей, умение применять современные методы доказывания и эффективно преодолевать возникающие правовые и процессуальные барьеры. Необходима комплексная работа, включающая в себя сбор информации из различных источников, проведение оперативных мероприятий, допросы свидетелей и подозреваемых, а также тщательный анализ собранных материалов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. «О противодействии коррупции» Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (с изменениями на 03.04.2017 года) (редакция, действующая с 28.06.2017 года)
3. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Служебное право: Учебник для юридических вузов. М.: Дашков и К, 2023. С. 16.
4. Минеева, В. Н. Проблема коррупции в России на современном этапе / В. Н. Минеева. — Текст непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 276–278. — URL: <https://moluch.ru/archive/392/86732/> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Паулов П. А. Факторный анализ современного Российского законодательства (методологический и практический аспекты) // Кандидатская диссертация URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30344413>.
6. Пудаков Е. Р. Государственная политика Российской Федерации по противодействию коррупции, 2015.
7. Фабричный С. Ю. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореферат дис. на соиск. уч.ст. д-ра юрид. наук. М., 2005. — 67 с.

Особенности освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

Битюцкий Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Пензенский государственный университет

В статье рассматриваются особенности элементов состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, их влияние на квалификацию действий виновного лица, а также основания освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к указанной статье.

Ключевые слова: оборот наркотических средств, нарушение правил оборота наркотических средств, наркотические средства, Уголовный кодекс РФ.

Институт уголовной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, повлекшее их утрату, появился почти 22 года назад, когда был принят Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ [1], дополняющий Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) статьей 228.2. Уже в первоначальной редакции законодатель четко очертил круг субъектов преступления в виде лиц, в чьи обязанности входит соблюдение указанных правил.

Субъективная сторона данного преступления, в отличие от иных наркопреступлений, характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. При этом форма вины как обязательный признак субъективной стороны преступления обязательно должна быть указана при описании преступного деяния. Так, апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 22 марта 2018 года был отменен ранее вынесенный обвинительный приговор ввиду того, что в указанном приговоре не была указана форма вины осужденной, разбившей ампулу с наркотическим средством, что повлекло противоречия в определении субъективной стороны преступления [2].

Зачастую субъектами данных преступлений выступают работники сферы здравоохранения, в том числе оказывающие медицинскую помощь паллиативным больным, то есть людям с неизлечимыми заболеваниями, которым требуется комплексная поддержка для облегчения боли и других симптомов. В этой связи неоднократно возникали дискуссии относительно необходимости внесения изменений в положения статьи 228.2 УК РФ. Причины подобных обсуждений заключались в специфике объективной стороны рассматриваемого преступления, уголовная ответственность за совершение которого наступала лишь при наличии установленного события утраты наркотических средств или психотропных веществ, вне зависимости от того: был ли установлен факт их перехода из легального в нелегальный оборот или нет. Например, даже случайная утрата наркотических препаратов, произошедшая по неосторожности, квалифицировалась как преступление, предусмотренное ст. 228.2 УК РФ, что нередко приводило к уголовному преследованию врачей, фармацевтов и других представителей медицинского персонала, несмотря на отсутствие в их действиях преступного умысла [3].

Итогом подобной дискуссии стало обращение учредителя благотворительного Фонда помощи хосписам «Вера» Анны Федермессер в июне 2019 года к Президенту РФ во время «Прямой линии». Суть обращения заключалась в необходимости освобождения медицинских работников от уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ, то есть необходимости декриминализации их действий, формально составляющих объективную сторону состава рассматриваемого преступления. Глава государства в январе 2020 г. поручил Правительству Российской Федерации обеспечить внесение изменения в законодательство, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности лиц (работников медицинских организаций), допустивших утрату наркотических и психотропных лекарственных препаратов, когда такая утрата не связана с их умышленным выведением в нелегальный оборот и при условии комиссионной фиксации подобной утраты [4].

Важным аспектом в регулировании уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ стало дополнение её примечанием, согласно которому были декриминализованы нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенные по неосторожности при осуществлении медицинской деятельности и повлекшие их утрату, если такая утрата не причинила вреда охраняемым уголовным законом интересам. В то же время данным актом была установлена необходимость фиксации факта подобной утраты комиссией. Вступление в силу указанных поправок стало важным шагом к декриминализации отдельных аспектов работы с наркотическими средствами и психотропными веществами в медицинской сфере.

Новые нормы существенно изменили ситуацию, установив критерии, при которых подобное происшествие не будет влечь за собой уголовную ответственность. Ключевым условием стало именно наличие неосторожности в действиях лица. Подобное указание означает, что утрата наркотических средств и психотропных веществ должна произойти не в результате умышленного действия или халатности, граничащей с преступным бездействием. Важно отметить, что «неосторожность» — это не просто отсутствие умысла, а состояние, при котором лицо не предвидело возможности наступления вредных последствий и по обстоятельствам не должно было их предви-

деть. Это достаточно узкое понятие, которое требует профессиональной оценки со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, законодатель предусмотрел проведение детальной проверки обстоятельств каждого случая утраты наркотического средства. При утрате наркотических средств или психотропных веществ медицинский работник обязан направить на имя председателя постоянно действующей комиссии письменное заявление. В данном заявлении должны быть указаны: наименование препарата, вид, лекарственная форма, дозировка, обстоятельства, причины утраты и другие имеющие значение для рассмотрения факта утраты сведения. Заявление должно быть передано в 12-часовой период с момента обнаружения утраты наркотического средства (психотропного вещества) или с момента установления события, которое повлекло данную утрату.

В случае утраты нескольких препаратов заявление должно быть составлено по каждому. Комиссия рассматривает заявление в течение 1 рабочего дня со дня фиксации его поступления и оформляет акт, который содержит наименование препарата, обстоятельства утраты, сведения о наличии либо отсутствии признаков умышленности действия (бездействия) работника, которые привели к утрате, и др. Акт должен быть составлен на каждый утраченный препарат.

В случае фактического уничтожения препарата (в том числе в случае частичного или полного повреждения ампулы с препаратом), акт в течение 2 рабочих дней со дня оформления должен быть направлен в территориальный

орган Росздравнадзора. Если же утрата наркотического средства или психотропного вещества может привести к его попаданию в незаконный гражданский оборот (например, если обстоятельства пропажи ампулы не установили), акт не позднее чем в течение 12 ч с момента подписания должен быть передан в территориальный орган МВД России, сотрудниками которого будет даваться правовая оценка действиям медицинского работника. В том случае, если будет установлено, что утрата произошла из-за грубого нарушения указанных правил, например, в результате систематической небрежности, ненадлежащего хранения, отсутствия должного контроля или умышленного сокрытия факта недостачи, наступает уголовная ответственность.

Представляется, что дополнение ст. 228.2 УК РФ указанным примечанием не может решить весь комплекс проблем правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере легального оборота наркотиков, однако данные поправки, безусловно, являются важным шагом к смягчению уголовно-правового давления на медицинских работников, так как призваны выступать в качестве своеобразного инструмента правового разграничения для фактов некриминального и криминального характера. Вместе с тем, данные изменения не должны служить способом уклонения от уголовной ответственности для тех медицинских работников, кто намеренно использует свое служебное положение для налаживания каналов поставки препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, из легального в нелегальный оборот.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Парламентская газета. N 231. 11.12.2003.
2. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 16.07.2018 по делу N 44у-131/2018 // Оренбургский областной суд [официальный сайт]. URL: https://oblsud—orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1393524&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения — 20.10.2025).
3. Приговор Сорочинского районного суда Оренбургской области от 30 января 2018 года по делу № 1- 11/2018 // Сорочинский районный суд Оренбургской области [официальный сайт]. URL: https://sorochinsky—orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17504698&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения — 20.10.2025).
4. Перечень поручений по итогам встречи с представителями общественности в городе Светлогорске Калининградской области // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62571> (дата обращения — 20.10.2025).

Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение

Бондарь Светлана Олеговна, студент
Московский университет «Синергия»

Данная статья предполагает изучение института рецидива преступлений как одного из важных элементов уголовного права Российской Федерации, который регулируется ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Понятие рецидива раскрывается как обстоятельство, которое характеризует лицо, совершившее умышленное

преступление, являющееся осужденным за совершение предыдущего умышленного преступления и не освобожденным от наказания. В статье подчеркивается эволюция института рецидива от советского законодательства к современному УК РФ 1996 г., с учетом изменений (например, Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ), и отличает его от смежных понятий, таких как повторность преступлений (ст. 16 УК РФ).

Ключевые слова: рецидив преступлений, уголовное право, Уголовный кодекс, наказание, институт рецидива, обстоятельство, умышленное преступление

Институт рецидива преступлений играет большое значение в уголовном праве Российской Федерации (далее — РФ), являясь важным механизмом индивидуализации ответственности и обеспечения общественной безопасности. В условиях повышенной криминальной активности, главным образом, в постпандемийный период, рецидив является наиболее актуальным, т. к. отображает повторение противоправного поведения лица, который уже подвергся уголовному наказанию. Относительно статистики Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), доля рецидивистов среди осужденных в 2022–2024 годах составила около 25–30 %, что предполагает необходимость глобального анализа рассматриваемого феномена.

Актуальность темы определена не только криминологическими вызовами, но и необходимостью гармонизации отечественного законодательства с учетом международных стандартов, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, в которой рецидив раскрывается как фактор риска для общества.

Сущность рецидива в уголовном праве России закреплена в статье 18 УК РФ, определяющей его как осуществление умышленного преступления лицом, который уже имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление, если такая судимость не является погашенной или не снятой к моменту совершения нового преступления. Данное определение характеризует субъективный аспект, т. е. рецидив раскрывает личность преступника, а не само преступление, отличая его от объективных обстоятельств (например, повторности по ст. 16 УК РФ) [1].

История института рецидива рассматривается от до-революционного этапа через советское законодательство к современному. В Уголовном уложении 1903 г. рецидив раскрывается какотягчающее обстоятельство, которое усиливает наказание. В РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1960 г. данное понятие эволюционировало в самостоятельный вид обстоятельств, воздействующих на квалификацию совершенного лицом преступления (ст. 48 УК РСФСР 1960 г.). Современный УК РФ 1996 г. рассматривает рецидив как квалифицирующий признак, с учетом изменений, которые уточняют критерии погашения судимостей [3].

Отличительными признаками рецидива являются [5]:

— Умышленный характер, т. е. рецидив вероятен только для умышленных преступлений, кроме неосторожных;

— Наличие судимости, т. е. предыдущая судимость должна быть действующей (не погашенной по ст. 86–88 УК РФ);

— Последовательность, т. е. новое преступление совершается после того как преступник отбыл или снят с предыдущего наказания, однако до погашения судимости.

Важно отличать рецидив от повторности преступлений (ст. 16 УК РФ), в котором упор делается на множественность в пределах одного эпизода без учета имеющихся у лица судимостей. Например, кража двух предметов подряд может квалифицироваться как повторная, все-таки не рецидив, если нет судимости. Аналогично, он не является тождественным опасности рецидива (как в ст. 57 УК РФ), фокусирующейся на исключении условного осуждения [1].

В доктрине рецидив характеризуется как индикатор криминальной зрелости личности, который отражает неэффективность наказания или ресоциализацию. Криминологический аспект обладает социальными факторами, такими как: низкий уровень образования, алкоголизм, экономическая нестабильность.

Классификация рецидивов представлена в ч. 2 ст. 18 УК РФ и разделяет их на три следующих вида: общий, опасный и особо опасный [1]. Данная градация образована за счет числа судимостей, их характера иотягчающих обстоятельств, что разрешает дифференцировать степень общественной опасности совершенного преступления. На основании Постановления Пленума ВС РФ № 58 от 22.12.2015 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) приводятся следующие критерии [2]:

1. Общий рецидив образуется при наличии двух и более судимостей за умышленные преступления, если судимость за первое преступление не погашена. Данный базовый вид не требует значительныхотягчающих факторов. Например, лицо, которое осуждено за кражу по ст. 158 УК РФ, после того как отбыл наказание, совершает мошенничество по ст. 159 УК РФ. Последствиями являются ужесточение наказания с учетом санкций статьи, без автоматической квалификации как тяжкого преступления.

Согласно судебной практике, общий рецидив значительно чаще встречается в мелких имущественных преступлениях. Относительно статистики ВС РФ их количество составляет 40 % случаев за 2023 г.). Он показывает начальную повторяемость, но не предполагает повышенную опасность.

2. Опасный рецидив предполагает три или более судимостей за умышленные преступления, или две судимости, если хотя бы одна — за тяжкое или особо тяжкое преступление (ч. 3 ст. 18 УК РФ). Дополнительными критериями

являются совершение нового преступления в ходе испытательного срока условного осуждения или до истечения срока погашения судимости за тяжкое преступление.

Например, три судимости за кражи и грабежи (средней тяжести) или две судимости, одна из которых за убийство (особо тяжкое), а вторая за разбой.

Опасный рецидив исключает назначение условного осуждения (ст. 73 УК РФ) и требует минимального срока наказания (не ниже 1/3 максимума).

Согласно статистике ФСИН, 35 % рецидивов являются опасными, с превалированием насильственных преступлений.

3. Особо опасный рецидив — это наиболее строгий вид, который возникает при четырех или более судимостях за умышленные преступления, в том числе хотя бы одну за тяжкое или особо тяжкое. Условиями являются не менее двух судимостей за тяжкие или особо тяжкие преступления, или совершение нового в группе по предварительному сговору (ст. 18 УК РФ).

Например, четыре судимости: две за разбой, одна за убийство, новая — за вымогательство. Другой пример, рецидив с участием организованной группы (ст. 35 УК РФ).

Последствиями являются обязательное реальное наказание, минимальный срок которого не ниже 2/3 максимума (ст. 62 УК РФ). Подобный вид характеризует преступление как особо тяжкое независимо от категории (исключение для преступлений небольшой тяжести). В доктрине особо опасный рецидив рассматривается как индикатор организованной преступности. В 2024 г. ФСИН зафиксировала повышение особо опасных рецидивов на 7 %, которые связаны с транснациональными группировками [4].

Рецидив имеет многогранное значение в уголовном праве, воздействуя на квалификацию, назначение наказания и профилактику. Во-первых, он имеет квалифицирующий признак, который изменяет категорию преступления, т. е. опасный и особо опасный рецидивы сводят деяние в разряд тяжких или особо тяжких (ст. 15 УК РФ), что увеличивает санкции (например, за кражу — до 10 лет лишения свободы вместо 2 лет).

Во-вторых, рецидив является отягчающим обстоятельством при назначении наказания (ст. 63, 68 УК РФ). Суд должен учитывать его для индивидуализации назна-

ченного наказания, т. е. исключить смягчающие нормы, повысить нижний предел. Постановление Пленума ВС РФ № 58 рассматривает приоритет рецидива над смягчающим фактором, если они не доминируют. Данное обстоятельство раскрывает принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) [1].

В-третьих, значение рецидива в профилактике повторного совершения преступлений заключается в том, что он стимулирует процесс ресоциализации лица, совершившего преступление, в обществе. Федеральным законом № 141-ФЗ от 28.06.2021 введен электронный мониторинг для рецидивистов, сокращая риск на 15 %. Кроме того, рецидив воздействует на гражданско-правовые последствия (ограничения в профессиях, ст. 47 УК РФ).

Криминологическое значение данного понятия заключается в том, что рецидив показывает эффективность пенитенциарной системы. Высокий уровень (25 %) характеризует пробелы в реабилитации, вызывая интеграции с социальной политикой. В международном контексте отечественный подход репрессивен по сравнению с Европейской конвенцией о правах человека (ст. 3 — запрет пыток в тюрьмах), где упор делается на ресоциализацию лица в обществе.

Несмотря на развитость института рецидива преступлений, имеются определенные проблемы. Во-первых, нечеткое погашение судимости для иностранных граждан (мигранты с рецидивом оцениваются в 10 % случаев). Во-вторых, отсутствует градация по социальному вреду, т. е. все виды рецидива являются равнозначными, кроме мотивов (экономического и насильственного). В-третьих, существуют недочеты в цифровизации, т. е. Единый реестр судимостей (с 2017 г.) не всегда интегрирован, вызывая ошибки (5–7 % дел) [3].

Таким образом, рецидив преступлений является фундаментальным институтом уголовного права России, который обеспечивает баланс между репрессией и профилактикой повторной преступности. Сущность рецидива как характеристики личности, его виды (общий, опасный, особо опасный) и значение в квалификации и наказании содействуют осуществлению принципов справедливости и защиты общества. Все-таки, для роста эффективности необходима модернизация, которая учитывает социальные и технологические вызовы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»
3. Бахтеева Е. И. Особые виды уголовного судопроизводства: учеб. пособие / Е. И. Бахтеева, И. В. Сошникова. — Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2022. — 110 с.
4. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под редакцией В. Б. Боровикова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 265 с.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А. А. Бимбинов, С. А. Боженков, В. Н. Воронин и др.; под ред. И. Э. Звечаровского. — Москва: Проспект, 2023. — 584 с.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России

Василенко Михаил Олегович, студент
Московский университет «Синергия»

Коррупция, как негативное явление современной действительности, существовала и продолжает существовать во всех государствах, став глобальной проблемой, анализом которой занимаются как на государственном, так и на международном уровне. Однако, анализом причин и следствий, а также проблем борьбы с коррупцией, научное сообщество стало заниматься только в течение нескольких предыдущих десятилетий.

Непосредственными причинами коррупции, как общественно опасного незаконного деяния, заключающегося в нарушении норм права, на территории Российской Федерации являются:

- человеческий фактор, т. к. субъектами коррупционных преступлений могут быть, «во-первых, физические лица, которые наделены должностными, служебными или иными полномочиями на осуществление властных, организационно-распорядительных, административно-хозяйственных или иных функций, а, во-вторых, физические лица, дающие или передающие государственному служащему, должностному или иному лицу, обладающему указанными выше полномочиями, тех или иных материальных и (или) нематериальных благ с целью получения различного рода материальных и (или) нематериальных преимуществ для себя или для третьих лиц [3];

- наличие норм антикоррупционной законодательной базы не гарантирует их исполнение, т. к. даже ужесточение наказания за совершение коррупционного преступления не снизило ни количество уголовных дел, ни количество осужденных.

Следствием вышеизложенных причин стало формирование следующих реалий общественной действительности:

- терпимое отношение населения к коррупции;
- юридическая неграмотность населения;
- «недостаточная прозрачность процедур закупок и распределения ресурсов;
- слабая персональная ответственность руководителей подразделений;
- формальный характер антикоррупционного контроля [2].»

Данные аспекты подтверждаются социологическими исследованиями, проводимыми на территории Россий-

ской Федерации, например, «согласно социологическим исследованиям 2019 г. Фонда, «Общественное мнение», более половины россиян (54 %) к коррупции относятся толерантно и сами участвуют в коррупционных практиках [4]», что так же отражается в комплексных ежегодных эмпирических исследованиях коррупции, осуществляемыми международной неправительственной организацией Transparency International — по индексу восприятия коррупции за 2024 год Российская Федерация занимает 154-е место среди 180 исследуемых стран.

Благоприятные условия для возможностей создания коррупционных практик были созданы за счет юридической неграмотности населения, проявляющейся в следующей последовательности, представленной на рисунке 1.

Кроме этого, необходимо учитывать факт наличия у должностного лица выбора варианта поведения, когда он может решить поставленный перед ним вопрос как положительно, так и отрицательно, т. е. отсутствие должного контроля со стороны руководства за поведением должностного лица.

Получается, что проблемы борьбы с коррупцией таятся не только в противозаконной деятельности должностных лиц, но и в отношении граждан к коррупции, т. е. очень часто граждане ставят свои личные предпочтения выше, чем интересы государства и общества, желая удовлетворить свои собственные интересы неправомерным путем, что констатирует факт существования низкого уровня правовой культуры у всех субъектов коррупционных отношений.

«Деградация моральных принципов, норм нравственности приводит к разрушению гражданского общества в целом, к упадку авторитета государства, к разладу между социальными группами и в итоге, к низкому уровню жизни. А низкий уровень жизни влечет распространение коррупции [5]».

Основным нормативно-правовым актом в сфере противодействия коррупции является Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции», сущность которого заключается в установление основных принципов и организационно-правовых основ противодействия коррупции в России.

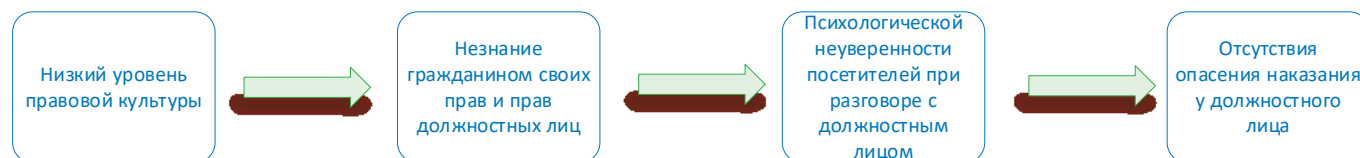

Рис. 1. Условия формирования благоприятных коррупционных практик

Хотя, «с 2023 по 2025 годы был принят ряд дополнений, усиливших внутренний контроль за конфликтом интересов и закрепивших обязанность руководителей федеральных органов ежегодно представлять публичные отчеты о мерах по предупреждению коррупции [2]», но многие отчеты остаются закрытыми для граждан, что снижает уровень доверия к системе.

Кроме этого, в соответствии с действующими нормами законодательства — внутренние антикоррупционные подразделения действуют практически во всех министерствах и службах, но эффективность их работы часто зависит от отношения руководства организаций к ним, т. е. «когда контроль воспринимается как элемент репутационной политики, а не как инструмент реального надзора, борьба с коррупцией теряет смысл [2]», что подтверждается данным Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым значительная часть нарушений выявляется не в результате внутреннего контроля, а в процессе прокурорских проверок. Можно сказать, что ведомственные механизмы самоконтроля не всегда эффективны.

«Ответственность за коррупционные преступления в последние годы ужесточена: наряду с уголовными санкциями усилилось административное давление и дисциплинарная ответственность [2]», но снизить уровень коррупционных преступлений на данный момент времени не получается.

Однако, государство активно борется с коррупцией, раскрывая коррупционные преступления, что подтверждается данными Генеральной прокуратуры РФ: «В первом квартале 2025 года было выявлено почти на четверть больше коррупционных преступлений, чем в первом квартале 2024-го, сообщили РБК в Генпрокуратуре [1]». Кроме этого, всего за 2024 году было выявлено

38 500 коррупционных преступлений, а в 2023 году 36 400 коррупционных преступлений, т. е. рост составил 5,7 %.

Получается, что в Российской Федерации создана большая нормативно-правовая база в сфере борьбы с коррупцией, но сохраняется проблема реализации организационно-правовых основ противодействия коррупции в России. Например, все еще «не выработан устойчивый механизм независимого мониторинга эффективности антикоррупционных мер внутри федеральных ведомств [2]».

Таким образом, коррупция является одной из ключевых проблем современного российского государства. Несмотря на многочисленные усилия государственной власти по борьбе с коррупцией — уровень коррупции остается высоким, а основными проблемами, препятствующими эффективной борьбе с коррупцией в Российской Федерации, являются:

— низкий уровень правовой культуры населения, т. е., с одной стороны, часто граждане ставят свои личные предпочтения выше, чем интересы государства и общества, желая удовлетворить свои собственные интересы противозаконным способом, а с другой стороны, должностные лица злоупотребляют своим положением, используя служебные полномочия для личной выгоды;

— недостаточно эффективное регулирование деятельности государственных служащих, т. е. существует проблема реализации организационно-правовых основ противодействия коррупции в Российской Федерации на практике, что раскрывается не только через недостаточную прозрачность принятия решений, но и отсутствия эффективно функционирующего механизма независимого мониторинга эффективности антикоррупционных мер внутри организаций, создавая благоприятные условия для коррупции.

Литература:

1. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России/ РБК: [сайт]. — [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d> (Дата обращения 23.10.2025);
2. Актуальные вопросы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти / Ассоциация юристов России: [сайт]. — [Электронный ресурс] <https://alrf.ru/articles/aktualnye-voprosy-protivodeystviya-korrupsii-v-federalnykh-organakh-ispolnitelnoy-vlasti/> (Дата обращения 23.10.2025);
3. Кцоева, Л. Г. Специальный субъект в преступлениях коррупционного характера / Л. Г. Кцоева, З. В. Караева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 15 (253). — С. 111–114. — URL: <https://moluch.ru/archive/253/58079> (Дата обращения 23.10.2025);
4. Максименко А. А. Отношение россиян к коррупции / А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Д. В. Крылова, Л. Н. Духанина // Вестник СПбГУ. — 2020. — № 4. — с. 407–428. — С. 412. — [Электронный ресурс] URL: <https://sociologyjournal.spbu.ru/issue/view/566> (Дата обращения 23.10.2025);
5. Сопочкин М. П. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России / М. П. Сопочкин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 9–5 (96). — С. 211–214. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-borby-s-korrupsiey-v-rossii> (Дата обращения 23.10.2025).

Наследование цифровых активов в международном частном праве: проблемы квалификации и определения применимого права

Высочкина Анастасия Александровна, студент;

Сапрыкина Татьяна Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Брыкина Софья Александровна, ассистент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем международного частного права, возникающих в сфере наследования цифровых активов. Автор исследует доктринальные и практические подходы к квалификации цифровых активов в качестве объектов наследственного правопреемства в сравнительно-правовом аспекте.

Ключевые слова: международное частное право, наследование, цифровые активы, криптовалюта, коллизионные нормы, квалификация, применимое право, трансграничное наследство.

Стремительное развитие цифровой экономики привело к появлению нового класса экономических благ — цифровых финансовых активов, криптовалют, токенов (включая NFT), цифровых прав требования, аккаунтов в социальных сетях и виртуальных мирах. Их трансграничная и зачастую децентрализованная природа создает значительные вызовы для традиционных институтов международного частного права, в особенности в сфере наследования. Отсутствие единообразного понимания правовой сущности цифровых активов и их локализации порождает правовую неопределенность в вопросах юрисдикции и применимого права.

Первоначальной и фундаментальной проблемой в международном частном праве является квалификация правоотношения и его объекта. От того, как будет квалифицирован цифровой актив — как движимое имущество, бестелесное имущество, обязательственное право или некая особая категория — напрямую зависит выбор коллизионной привязки и, в конечном счете, применимое право.

В российском праве цифровые активы получили легальное определение в рамках Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» [1]. Согласно ст. 1 указанного закона, цифровые активы признаются имуществом. Исходя из системного толкования ст. 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) [2], цифровые активы могут быть отнесены к категории «иного имущества». Как отмечает А. Г. Лисицын-Светланов, «для целей наследования квалификация цифровых активов в качестве имущества позволяет распространить на них общий режим наследования... однако проблема их идентификации и управления ими сохраняется» [3, с. 48]. Следовательно, для целей ст. 1224 ГК РФ они должны рассматриваться как движимое имущество.

Эта статья устанавливает правило, согласно которому отношения по наследованию регулируются правом той страны, гражданство которой имел наследодатель на момент смерти, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации. Если же наследодатель являлся лицом без гражданства или постоянно проживал за пределами своей страны происхождения,

применяется право места последнего постоянного проживания умершего лица.

Таким образом, данная норма направлена именно на определение применяемого права в отношении по наследству, а не на установление юрисдикции органов власти государств по ведению наследственных дел или разрешению споров.

Важно отметить также особенности российского правопорядка, где правила международного частного права позволяют применять иностранное законодательство, однако суд или нотариус вправе отказать в применении иностранного закона, если оно противоречит основам правопорядка Российской Федерации.

Классической проблемой международного частного права является коллизионный вопрос, возникающий при наследовании с иностранным элементом.

Типичная ситуация — когда наследодатель владеет недвижимостью в Германии, банковским счетом в Испании и ценными бумагами во Франции. После его смерти встает сложный юридический вопрос: правопорядок какой страны должен регулировать распределение этого разбросанного по миру наследства?

Традиционный подход, основанный на локализации отдельных активов, приводил к «дроблению» наследственной массы и применению нескольких правовых систем, что порождало правовую неопределенность и судебные споры.

Ответом на эти вызовы в праве Европейского Союза стало принятие Регламента ЕС № 650/2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений и принятии официальных документов по вопросам наследования (далее — Регламент о наследовании) [5]. Этот акт ввел революционный для международного частного права подход — принцип универсальности. В его основе лежит идея о подчинении всего наследственного имущества, независимо от локализации активов, единому правопорядку. Это позволяет рассматривать наследство как единое целое, предотвращая его коллизионное дробление.

Для обеспечения последовательной реализации этого принципа на всей территории ЕС был создан централизованный механизм контроля. Суд Европейского Союза об-

ладает исключительным правом давать автономное (независимое от национальных законов) толкование понятиям Регламента.

Вопрос квалификации активов, имеющих решающее значение для определения юрисдикции и применимого права, также решается на уровне этой наднациональной трактовки. Таким образом, Регламент о наследовании устанавливает целостный и единообразный подход, обеспечивая правовую определенность и предсказуемость в наследственных отношениях через механизм жесткой, императивной гармонизации.

Однако современная эпоха порождает новые, нетрадиционные виды активов, такие как криптовалюты, токенизированные активы и иные формы цифрового имущества. Их ключевая особенность — расположение в децентрализованной сети, не имеющей четкой национальной принадлежности, что создает значительные трудности для их квалификации в рамках классических коллизионных норм. Жесткие регулятивные акты, подобные Регламенту ЕС о наследовании, сталкиваются с проблемой адаптации к этим быстро эволюционирующим реалиям.

Именно для заполнения подобных правовых пробелов на международной арене активно используются инструменты «мягкого права». Примером служат Принципы УНИДРУА по цифровым активам и частному праву [4]. Эти документы, носящие рекомендательный характер, предлагают модельные подходы и унифицированные понятия, служа ориентиром для национальных законодателей, судов и участников оборота.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современное международное частное право развивается по двум взаимодополняющим направлениям, формируя гибридную систему регулирования.

Для традиционных, устоявшихся отношений (таких как наследование) применяется жесткая гармонизация через регламенты и конвенции, которые вводят единые коллизионные принципы и создают централизованные механизмы их толкования. Для регулирования стремительно развивающихся сфер (таких как цифровые активы), где жесткое регулирование пока невозможно или неэффективно, используются гибкие инструменты «мягкого права». Они выполняют опытно-конструкторскую функцию, подготавливая почву для возможной будущей кодификации.

Таким образом, наблюдается диалектическое взаимодействие двух подходов: императивные нормы обеспечивают стабильность и правовую определенность в устоявшихся областях, в то время как рекомендательные акты предоставляют необходимую гибкость и способность права реагировать на новые технологические и экономические вызовы. Эта дуальная система является адекватным ответом на возрастающую сложность трансграничных частноправовых отношений в XXI веке.

Наиболее адекватным решением в рамках действующего международного частного права представляется

последовательное применение привязки к праву последнего привычного места жительства наследодателя. Этот подход: обеспечивает единообразие и предсказуемость; соответствует тенденции унификации наследственного права, выраженной в Регламенте ЕС № 650/2012, а также позволяет избежать искусственной и нестабильной локализации.

Для преодоления коллизионных трудностей в доктрине предлагается введение специальной коллизионной нормы. Например, можно предложить следующую формулировку: «Право наследования цифровых активов, понимаемых как имущество в электронной форме, существование и передача которого обеспечиваются распределенными реестрами или иными аналогичными технологиями, определяется по праву страны последнего привычного места жительства наследодателя».

Таким образом, наследование цифровых активов выявляет системные пробелы и архаизмы в современном международном частном праве. Квалификация цифровых активов в качестве движимого или бестелесного имущества для целей наследования является преобладающей, хотя и не вполне адекватно отражает их специфику.

Анализ коллизионных проблем показывает, что классическая привязка к закону последнего места жительства наследодателя является на сегодняшний день наиболее обоснованным и практичным критерием для определения применимого права к наследованию цифровых активов. Она позволяет избежать искусственного «расщепления» наследства и проблем с локализацией децентрализованных активов.

Для долгосрочного решения проблемы необходима разработка унифицированных материально-правых и коллизионных норм на международном уровне. До достижения международного консенсуса судам и правоприменителям следует придерживаться широкого толкования понятия «движимое имущество» в целях применения ст. 1224 ГК РФ и аналогичных норм в других правовых порядках, что будет способствовать защите прав наследников и стабильности трансграничного наследственного оборота в цифровую эпоху.

Изучение положений доктрины, нормативных актов и международных соглашений показывает, что в случае нахождения на территории России движимого имущества лица, постоянно проживающего за рубежом, российские нотариусы обладают полномочиями инициировать процедуру оформления наследства и осуществлять дальнейшее ведение дела относительно данного имущества согласно абзацу второму статьи 1115 Гражданского кодекса РФ, если международные договоры Российской Федерации не предусматривают иного порядка действий. Вопрос выбора подлежащего применению права решается в отсутствие соответствующих международных договоров в порядке, установленном статьей 1224 ГК РФ. Такой порядок правового регулирования не противоречит Конституции и учитывает интересы граждан России, являющихся наследниками.

Для исправления сложившейся ситуации неверного толкования нотариусами и судебными органами пункта первой статьи 1224 ГК РФ при определении компетентного учреждения (нотариуса) и недопущения отказов в применении в данном контексте второго абзаца статьи

1115 ГК РФ, а также предупреждения дальнейших нарушений прав российских наследников считаем необходимым пересмотреть содержание пунктов 2.3 абзаца второй и пункт 13.4 методических рекомендаций, вводящих нотариусов и судей в заблуждение.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 (ред. от 28.12.2024) № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018; 2024. — № 53 (Часть I). — Ст. 8532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4933.
3. Лисицын-Светланов, А. Г. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 41–55.
4. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год). Закон. — № 12. — 1995.
5. Регламент (ЕС) № 650/2012 Европейского парламента и Совета от 4 июля 2012 года о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений и принятии и исполнении официальных документов по вопросам наследования, а также о введении Европейского свидетельства о наследовании // Официальный журнал Европейского союза L 201. 2012. С. 107–134.
6. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт. — Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Гарант.ру»: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 13.10.2025).

Договорное регулирование отношений в сфере SaaS-технологий: анализ преобладающих моделей

Галеева Надежда Руслановна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Активное развитие цифровой экономики и стремительный рост рынка облачных технологий обуславливают возникновение новых правовых отношений, требующих адекватного гражданско-правового регулирования. В частности, сегмент SaaS (Software as a Service) демонстрирует исключительную динамику: только за 2023 год рынок SaaS-услуг в России вырос на 40 %, что превышает средние темпы роста в ИТ-сфере [1]. Несмотря на это, в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует точное определение и специальные нормы, регулирующие SaaS-технологии, что создает значительную правовую неопределенность.

SaaS (Software as a Service) — это модель, когда разработчик предоставляет доступ к программе через интернет. Особенность данной облачной модели в том, что она предоставляется через интернет пользователю, а программные сервера расположены у провайдера.

Отсутствие легальной дефиниции и прямой законодательной регламентации порождает на практике дискуссии о правовой природе отношений между провайдером услуги и конечным пользователем. Как следствие, центральной проблемой становится выбор корректной договорной модели, которая бы не только соответствовала существу возникающих обязательств, но и минимизировала правовые и налоговые риски сторон.

Проводя анализ договоров, используемых при облачных услугах, можно выделить несколько возможных вариантов их правовой квалификации. Отсутствие единого подхода порождает большое количество споров среди юристов, главная причина которых заключается в правильном определении типа договора, к которому относятся облачные технологии в целом [2; 3].

Исходя из проведенного анализа соглашений, используемых в различных отраслях, между поставщиком SaaS-услуг и пользователем можно выделить самые распространенные типы договоров: это лицензионный договор, договор на оказании услуг и договор аренды программного обеспечения [2; 4].

1. Лицензионный договор как доминирующая модель регулирования

Самым распространенным видом договора при заключении SaaS-услуг является лицензионный договор, что подтверждается рядом зарубежных и отечественных специалистов [3; 4]. С точки зрения правового обеспечения SaaS-отношений у российских практикующих юристов и в судебной практике доминирует точка зрения, отдающая приоритет лицензионному соглашению как способу регулирования отношений между пользователем и поставщиком услуги.

Исходя из текста статьи 1236 ГК РФ [5], лицензионный договор может существовать в двух формах. **Первая**

форма — это простая (неисключительная) лицензия, которая подразумевает предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД), но не исключает возможность передачи аналогичных прав другим лицам. **Вторая форма** является исключительной лицензией, главное отличие которой заключается в том, что лицензиар не может предоставить право пользования конкретным РИД другим лицам, так как пользование предоставляется на исключительных условиях.

Стоит обратить внимание на пункт 5 статьи 1286 ГК РФ, в которой указывается, что для простой (неисключительной) лицензии может быть заключен лицензионный договор в упрощённом порядке на использование программ для ЭВМ или баз данных. Договор, заключенный в упрощённом порядке, называется договором присоединения, главной особенностью которого является конклюдентное действие. Это означает, что факт использования программы, которым может быть установка, запуск программы или введение серийного номера, является юридически значимым актом, и с этого момента договор считается заключенным в надлежащей письменной форме.

В соответствии с пунктом 6 статьи 1235 ГК РФ к существенным условиям лицензионного договора относятся его предмет и способы использования результата интеллектуальной деятельности. Наряду с этим, в научной доктрине и правоприменительной практике широко распространена позиция, согласно которой условие о размере и порядке выплаты вознаграждения также обладает признаками существенного условия.

Раскрывая содержание указанных условий, необходимо обратиться к положениям п. 6 ст. 1235 ГК РФ. Так, при формулировке предмета договора необходимо осуществить указание на конкретный результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, а также приводить реквизиты документа, подтверждающего исключительное право. В свою очередь, подп. 2 п. 6 ст. 1235 ГК РФ императивно устанавливает обязанность сторон закрепить в тексте соглашения исчерпывающий перечень способов использования, соответствующего РИД. В статье 1270 ГК РФ перечисляются способы распространения РИД, которые включают в себя, среди прочего, воспроизведение, распространение, публичный показ, сообщение в эфир, перевод или иную переработку, а также **доведение до всеобщего сведения** — предоставление произведения в интерактивном режиме через Интернет. Стоит обратить внимание, что те способы, которые не прописаны в лицензионном договоре, считаются не предоставленными пользователю-лицензиату.

Основной аргумент в пользу данного вида договора заключается в том, что согласно статье 1270 ГК РФ, использование программы для ЭВМ включает в себя и её воспроизведение. Исходя из этого, не существует принципиальной разницы в том, находится ли программа на удалённом сервере поставщика услуги, и пользователь начинает использовать её на своем мониторе, или программа установлена на его компьютере. В обоих случаях факт со-

вершаемых действий попадает под определение использования программы для ЭВМ.

Следующим аргументом является критерий идентичности программы. Если возможности использования программного комплекса, установленного на сервере, и программного комплекса, установленного на компьютере пользователя, одинаковые, то правомерно ли использовать разные договорные конструкции для регулирования отношений? Для наглядного сравнения анализируются традиционная офисная программа для компьютера MS Office и её облачный аналог Office 365. Их функции и решаемые задачи с помощью них одинаковые, что порождает вопросы в обоснованности использования к ним разных видов договоров.

Выбранная форма договора является определяющим фактором для применения того или иного налогового режима. Программы для ЭВМ могут поставляться электронным способом или на физических носителях. Типизация схемы дистрибуции выглядит следующим образом: изначальный правообладатель заключает лицензионный договор с дистрибьютором, наделяя его правом на последующий ввод программного продукта в гражданский оборот. Далее дистрибьютор заключает сублицензионные соглашения с ритейлерами. На практике каждая такая операция по передаче прав часто исключалась из-под налогообложения НДС на основании подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ [6].

Однако Федеральный закон от 6 марта 2024 года № 21-ФЗ [7] системным образом исключил сублицензионные договоры из перечня операций, освобождаемых от обложения НДС. В настоящее время налоговая льгота сохраняет своё действие исключительно для случаев реализации прав на программы для ЭВМ и базы данных на условиях лицензионных договоров, заключенных непосредственно с правообладателем. Это законодательное решение обосновано тем, что организация-дистрибьютор, как правило, не приобретает самостоятельного права использования произведения; её правомочие ограничивается его распространением в материальном носителе. Таким образом, дистрибьютор, не обладая необходимым объёмом правомочий, не может выступать легитимным сублицензиаром.

2. Договор возмездного оказания услуг как альтернативная модель регулирования

Второй по популярности вид договора, применяемый к SaaS, — это договор оказания услуг, что подтверждается судебной практикой не только в Российской Федерации, но и в зарубежных странах [8]. Ряд исследователей обосновывают выбор данной модели, апеллируя к самой терминологии, используемой для обозначения разновидностей облачных технологий: «Программное обеспечение как услуга» (SaaS), «Платформа как услуга» (PaaS) и другие. Эта лингвистическая особенность, по их мнению, указывает на сервисную, а не имущественную сущность возникающих правоотношений.

В условиях отсутствия легальной дефиниции понятия «услуга» в Гражданском кодексе РФ, правоприменительная

практика и доктрина вынуждены обращаться к научным разработкам. Согласно позиции профессора Л. Б. Ситдиковой, услуга определяется как действие услугодателя, направленное на достижение определенного нематериального результата, удовлетворяющего потребности услугополучателей, имеющее самостоятельную имущественную ценность и потребляемое в процессе оказания [1].

Анализируя данное определение, можно сделать вывод, что отнесение облачных технологий к информационным услугам в юридическом смысле происходит в виду выполняемой ими экономически-правовой функции, а не из-за их технической природы. К экономически-правовым функциям относится целенаправленная обработка информации. Согласно Федеральному закону № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], информационная услуга характеризуется именно действиями по обработке информации, предоставляемыми для удовлетворения потребностей субъектов информационных отношений. В качестве примеров можно привести поисковые системы, основная сущность которых заключается в обработке пользовательского запроса, и облачные хранилища, предоставляющие услугу по обеспечению хранения данных.

В российском законодательстве правовая природа договора возмездного оказания услуг раскрывается в статье 779 ГК РФ через юридически значимые действия исполнителя, совершаемые в интересах заказчика. Существенным условием является только предмет договора.

В быстро изменяющихся реалиях цифровой экономики классическая договорная модель, описанная в ст. 779 ГК РФ, сталкивается с необходимостью адаптации к облачным сервисам. Основным элементом такой адаптации является **соглашение об уровне сервисного обслуживания (Service Level Agreement, SLA)**. Данное соглашение, представляющее собой комплексный технологико-правовой инструмент, является важным дополнением к договору оказания услуг и включает в себя основные технические требования к оборудованию, параметры технической поддержки, сроки реагирования на инциденты, параметры производительности и механизмы восстановления системы.

Анализируя российское законодательство, данное соглашение является не просто приложением к договору. Его условия, будучи надлежащим образом согласованными, приобретают статус существенных, поскольку именно через них определяется предмет исполнения. В случае нарушения установленных метрик (например, превышения допустимого времени простоя) у заказчика возникают конкретные правомочия, вытекающие из статьи 723 ГК РФ, — требовать соразмерного уменьшения цены услуги или возмещения убытков.

Выбирая договор возмездного оказания услуг, заказчик получает значительные преимущества в части адаптации условий под свои нужды.

— **Регулирование качества:** В отличие от лицензионного договора, предметом которого является немате-

риальное право, качество работы программного обеспечения в модели оказания услуг подлежит регулированию через SLA.

— **Учёт локализации данных:** Договор оказания услуг в сочетании с SLA позволяет предусмотреть условие о территориальной локализации данных, что крайне важно в свете требований Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Важность этого условия подтверждается международной практикой, как, например, в случае со штрафом компании Meta* в 2023 году за передачу данных из Европы в США [10].

— **Гибкая модель оплаты:** Оплата по договору предоставления услуг кардинально отличается от лицензионного соглашения. В соответствии с пунктом 1 статьи 781 ГК РФ, заказчик обязан оплатить услуги в установленные договором сроки и порядке, и оплата происходит за фактически выполненный объём услуг. Такой подход, часто называемый моделью «pay-as-you-go», является экономически обоснованным и гибким, так как пользователь платит только за реально предоставленный объём ресурсов.

— **Гибкость в расторжении:** Статья 782 ГК РФ содержит положение, позволяющее расторгнуть договор возмездного оказания услуг в одностороннем порядке для любой стороны, что предоставляет сторонам инструмент для управления рисками, недоступный в более жёстких рамках лицензионного соглашения.

3. Договор аренды как еще одна разновидность договора для SaaS-технологий

Третий вид договора, применяемый при SaaS, является договор аренды программного обеспечения. Согласно законодательству РФ, а именно в гражданском кодексе в ст. 607 перечисляется что именно может быть дано в аренду.

Объектами аренды могут быть только непотребляемые вещи и индивидуально-определённые вещи, такие как земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования. Руководствуясь данной статьей договор аренды программного обеспечения не может существовать априори.

Договор аренды возможен только для «около облачных» отношений, например, аренда оборудования для сервера, на которое устанавливается ПО, попадает под статью 607 ГК РФ, также как аренда помещения для этого сервера.

4. Смешанный договор как комплексное решение

Проведённый анализ показывает, что ни лицензионный договор, ни договор возмездного оказания услуг не охватывают все правовые аспекты, которые могут возникать в SaaS-отношениях. Поэтому в соответствии с п. 2 ст. 421 ГК РФ стороны могут заключать смешанный договор, который включает в себя элементы различных договоров, предусмотренных законом.

По мнению автора, смешанный вид договора более полно охватывает правовые особенности для SaaS-сделок.

Договоры в облачной сфере нередко содержат условия, типичные для лицензионного договора (такие как право на эксплуатацию программы для ЭВМ), с одной стороны. С другой стороны, в них присутствуют условия, характерные для договора оказания услуг (например, техническая поддержка пользователей, обеспечение резервного копирования и бесперебойной работы программы). Кроме того, несомненным преимуществом смешанного вида договора является его гибкость, которая позволяет в зависимости от конкретной ситуации применять нормы, регулирующие соответствующий тип обязательств.

Важным условием заключения смешанного вида договора является то, что он не должен противоречить императивным нормам, действующим в момент его заключения (п. 1 ст. 422 ГК РФ). Это означает необходимость исключить все противоречия императивных норм, применимых к различным элементам смешанного договора, и обеспечить согласованность всех его пунктов.

Не менее значимыми являются фискальные последствия выбранной договорной конструкции. Ключевой вопрос заключается в правомерности применения освобождения от НДС по подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ, которое охватывает исключительно операции по предоставлению прав на использование программ для ЭВМ. Следовательно, если в смешанном договоре не удастся обоснованно выделить и оценить отдельно лицензионный компонент, высока вероятность утраты права на льготу и доначисления налогов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в настоящее время в российской правовой системе отсутствует единообразный подход к определению договорной природы отношений в сфере SaaS-технологий. Эмпирические данные свидетельствуют о параллельном использовании на практике трех основных моделей: лицензионного договора, договора возмездного оказания услуг и договора аренды смешанного договора.

Доминирование лицензионной конструкции в договорной практике зачастую объясняется не её имманентным соответствием существу возникающих правоотношений, а комплексом прагматических факторов. К ним относятся стремление к унификации договорной документации, использование проверенных отраслевых шаблонов, а также налоговые соображения, связанные

с применением льготы по НДС, которая, однако, с 2024 года более не распространяется на сублицензионные договоры. Несмотря на правовые аргументы, основанные на толковании способов использования произведения (ст. 1270 ГК РФ), лицензионная модель не в полной мере охватывает сервисную природу SaaS, в частности, вопросы качества функционирования сервиса и его технической поддержки.

Договор возмездного оказания услуг, в свою очередь, в большей степени отражает экономическую сущность SaaS («программное обеспечение как услуга»). Его ключевыми преимуществами являются гибкость в определении условий об оплате по модели «pay-as-you-go», возможность детальной регламентации качества услуг через SLA, а также более адаптивный режим расторжения. Однако данная модель может создавать сложности в части квалификации передаваемых прав на использование программного обеспечения.

Наиболее полной договорной конструкцией, отражающей комплексную юридическую сущность отношений в сфере облачных вычислений, представляется **смешанный договор** (ст. 421 ГК РФ), интегрирующий в себе элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг. Такой подход позволяет одновременно урегулировать как вопросы использования объекта интеллектуальных прав, так и аспекты, связанные с предоставлением сервисного обслуживания. Основным вызовом при его применении остается необходимость четкого разграничения лицензионной и сервисной составляющих в целях корректного налогообложения, а также обеспечение непротиворечивости всех условий договора императивным нормам закона.

Перспективы развития правового регулирования в данной области связаны с законодательной формализацией понятийного аппарата. Проект поправок в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обнародованный Минцифры России в 2024 году, в котором дается определение облачным услугам по предоставлению программного обеспечения (SaaS) именно как услугам, предоставляемым **без заключения лицензионного договора**, указывает на возможный вектор дальнейшего движения в сторону сервисной модели. До внесения таких изменений смешанный договор остается наиболее сбалансированным и гибким инструментом для правового оформления стремительно развивающихся SaaS-отношений.

Литература:

1. Ситдикова Л. Б. Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: автореферат дисс. докт. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2009. — 57 с.
2. Guth S. Contract Negotiation Handbook: Software as a Service // Guth Ventures, 2013. — 215 p.
3. Melanson R. Sales Taxes and the Shadow of Cloud Computing: Searching the Horizon for a Workable, National Solution // Tax Lawyer. — 2012. — Vol. 65. — No. 4. — P. 874–880.
4. Рынок SaaS-продуктов в России за год вырос почти в полтора раза // SaaS Market. — 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://saasmarket.ru/blog/news/rynok-saas-produktov-v-rossii-za-god-vyros-pochti-v-poltora-raza>

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 08.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 08.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
7. Федеральный закон от 06.03.2024 № 21-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Savelyev A. Software-as-a-service: Legal nature: Shifting the existing paradigm of copyright law // Computer Law & Security Review. — 2014. — Vol. 30. — P. 560–568.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
10. Meta fined £1bn over data breach // Techerati. — 2023.. [Электронный ресурс] URL: <https://www.techerati.com/news-hub/meta-facebook-fined-gdpr-breach/>

Распространение наркотиков с использованием сети Интернет: вопросы, касающиеся действий соучастников

Гераскина Дария Сергеевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В данной статье поднимается вопрос квалификации незаконного сбыта наркотиков группой лиц с использованием сети Интернет. Залог успешного противодействия нелегальным интернет-магазинам — правильная квалификация совершаемых криминальными структурами преступлений, в том числе верное определение формы соучастия в них, так как это позволяет реализовать принципы справедливости и индивидуализации наказания, разрушить сплоченность криминальных коллективов.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, организованная преступность, наркотические средства, преступность через интернет, соучастие, распределение ролей соучастников.

Drug trafficking using the Internet: issues related to the actions of accomplices

Geraskina Daria Sergeevna, master's student
Russian New University (Moscow)

This article addresses the issue of qualifying the illegal sale of drugs by a group of individuals using the Internet. The key to successfully combating illegal online drug stores lies in the correct qualification of crimes committed by criminal organizations, including the accurate determination of the forms of complicity involved. This approach enables the implementation of principles of justice and individualized punishment, as well as the disruption of the cohesion of criminal groups.

Keywords: drug trafficking, organized crime, narcotics, internet crime, complicity, distribution of roles of accomplices.

Учитывая скорость распространения наркотических средств, появление многочисленных возможностей сбыта посредством «Интернет», хотелось бы обратить особое внимание на отдельный аспект квалификации преступлений исследуемой категории в части распределения ролей соучастников при сбыте наркотических средств через «Интернет», а именно, их действия

Термин «наркотики» в настоящей статье используется как собирательный, обозначающий наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры, а также психоактивные и сильнодействующие вещества, сбыт которых уголовно наказуем [1].

Вопрос определения формы соучастия лиц, занимающихся деятельностью, связанной со сбытом наркотиков через интернет является актуальным ввиду сложностей при определении роли, а также влияние этого вида соучастия при назначении наказания [2].

При определении формы соучастия и квалификации содеянного в сфере наркотических преступлений, необходимо учитывать степень вовлеченности лица в организованную преступную деятельность, выражающуюся в наличии системной структуры, масштабах и объеме реализуемых наркотиков, а также роли и положения данного лица в общей цепи распространения запре-

ценных веществ, что позволяет установить, является ли содеянное тривиальным сбытом наркотика или частью более глобального рынка с соответствующей правовой оценкой.

В частности, необходимо выделить критерий или признак, по которому дается уголовно-правовая оценка — рассматривается ли деяние как тривиальный сбыт наркотика или как его часть более крупного рынка запрещённых веществ.

Наркотизм — явление древнее. Мифология, археология и история сохранили немало свидетельств употребления психоактивных и одурманивающих веществ людьми разных эпох и народов [3].

До XIX века наркосодержащие растения и производимые из них препараты чаще использовались в обрядах, ритуалах и медицине. Однако после «опиумных войн» в Китае оборот наркотиков преобразился по форме и масштабам, что привело к возникновению социально опасного явления — наркомании.

Под термином «опиумная война» стоит понимать военный конфликт на территории Китая в XIX веке между западными державами и Империей Цин, касаемо имеющих разногласий относительно опиума, в связи с тем, что произошел перекоп торгового баланса в пользу Китая. Стоит обратить особое внимание на тот факт, что выше описываемые события имели место быть в 1840–1860 гг., однако уже тогда продажа опиума запрещалась на императорском уровне [4].

Опиум (из лат. *opium*, также *опий*) — сильнодействующий наркотик, высохший на воздухе млечный сок из надразов на недозрелых коробочках снотворного мака (лат. *Papaver somniferum*) [5].

Этому последовало усиление ответных мер со стороны государственных и международных структур. В этот период в уголовном законодательстве начали закреплять ответственность за распространение наркотиков, а вопросы наркотической зависимости стали предметом интенсивных исследований социологов и юристов [6].

Примерно до 2010-х гг. сбыт наркотиков происходил путем обмена из рук преступника в руки, так называемого, покупателя. После 2010-х г. г. реализация наркотиков кардинально изменилась, а именно в наши дни, продажу путем передачи из рук в руки практически не осталось. Это произошло в связи с развитием информационных технологий. Теперь наркотики распространяются по большей мере бесконтактным путем. Общение происходит в сети Интернет», в различных анонимных мессенджерах. Чаще всего, это специализированные интернет-магазины на «черном» рынке. Сама передача осуществляется путем тайников — закладок.

Деятельность данных «магазинов» осуществляется в условиях высокой секретности: их состав, количество сотрудников и личности «работников» скрыты не только от общественности и правоохранительных органов, но зачастую и друг от друга. Это создаёт существенные сложности при определении и доказывания причастия к со-

вершению преступления против здоровья населения и общественной нравственности. При таком виде сбыта, сложность установления лица (а чаще всего, лиц), распространявших наркотик, правоохранительными органами, значительно возрастает, поскольку им сохраняется максимальная анонимность, лично с покупателем он не общается, на встречу для передачи не приходит, не раскрывает свои данные, что усложняет поиск даже при проведении оперативно-розыскного мероприятия [2].

Как и любая отрасль криминального бизнеса (торговля оружием, работоторговля, проституция, рэкет и т. д.), наркоторговля тесно связана с организованной преступностью, для которой характерны устойчивость и долговременность существования, тщательное планирование своей деятельности, стремление к максимизации прибыли, наличие материальной и финансовой базы, разделение «труда» и «трудовая дисциплина», дифференциация на руководителей разного уровня и исполнителей — «специалистов» разного «профиля».

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [2].

Наркопреступность невозможна без коллективного взаимодействия изза объёмов и специфики выполняемой деятельности. Кроме того, при установлении и поддержании устойчивых связей между многочисленными участниками таких так называемых «экономических» отношений возникает проблема «транзакционных издержек». В таких условиях необходим лидеравторитет, способный направлять ресурсы в нужное русло (вид соучастия — организатор) [2].

Таким образом, распределение ролей при сбыте наркотиков через «Интернет» можно рассмотреть в форме пирамиды: на вершине находятся непосредственно «генеральные директора» или «авторитеты», например, создатели интернет-магазина, непосредственные руководители исполнением преступления, обеспечение наркотиками на продажу (вид соучастия — организатор).

Далее, под ними располагаются их подчинённые — так называемые, наемные работники, которые могут быть как постоянными, так и временными, например, лица, непосредственно раскладывающие тайники — закладки, те, кто ведет общение с покупателем и обобщают место, время закладки, передают координаты, назначают цену (вид соучастия — исполнитель).

Также, могут привлекаться лица извне, которые не являются сотрудниками, но оказывают те ил иные услуги. Так называемая, компания по предоставлению услуг аутсорсинга, например, размещение рекламы магазина (вид соучастия — физический пособник), разработка девайса

по сокрытию сайта из общего доступа (вид соучастия — интеллектуальный пособник).

Для достижения цели в виде совершения преступления, могут также привлекаться иные лица, ранее не желающие принимать участие, например, лицо не добровольно становится исполнителем, а в результате угроз и шантажа от иного лица, например, угроз в виде распространения информации о том, что последний является лицом, употребляющим наркотики (вид соучастия — подстрекатель).

Данную модель организации преступности в виде пирамиды представил профессор В. В. Колесников [8].

Так, по результатам оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок», проведенного по одному из уголовных дел, сотрудниками полиции осуществлен выход в чат интернет-магазина в сети «Телеграм», где была размещена информация о приеме на «работу» на различные должности, с указанием ее условий, оплаты «труда», а также о наличии наркотических средств и приведен перечень городов, где их можно приобрести (приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 18 мая 2023 г. по делу N 1–13/2023 [9]).

Именно в этих признаках, а также в усвоении всеми участниками принципов «работы» в преступных организациях и норм поведения в них находит воплощение их сплоченность между собой.

Показателями системности криминальной деятельности служат также объемы изымаемых и приобщаемых к материалам уголовных дел вещественных доказательств. Это включает многочисленные килограммы наркотиков различного происхождения (как натурального, так и синтетического), предназначенных для расфасовки и упаковки в мелкие розничные партии. Кроме того, к таким доказательствам относятся сотни рулонов липкой ленты, тысячи полимерных пакетов с застёжкой молнией, электронные весы, мобильные телефоны и банковские карты, используемые для орга-

низации оплаты и доставки наркотиков к «пунктам выдачи» товара.

На системность криминальной деятельности указывают и объемы изымаемых и приобщаемых к материалам уголовных дел вещественных доказательств — приготовленных для незаконного сбыта многих килограммов различных видов наркотиков естественного и синтетического происхождения и предназначенных для их расфасовки и упаковки малыми розничными партиями, оплаты и доставки к местам оборудования «пунктов выдачи товара» десятков и сотен рулонов липкой ленты, тысяч полимерных пакетов с шов-застежкой, электронных весов, ложек, мобильных телефонов и банковских карт.

В заключение хотелось бы отметить, что формы соучастия в таких «магазинах» могут быть только «организованными», т. е. предусмотренными ч. 3 и 4 ст. 35 УК в зависимости от того, действует ли магазин как единое образование, либо у него есть обособленные структурные подразделения со своими «руководителями отделов».

Уровень общественной опасности наркоторговли напрямую возрастает по мере усложнения форм соучастия вовлечённых лиц. Можно также утверждать, что при «кустарном» способе ведения наркотрафика полностью исключается его развитие как полноценной «отрасли» криминального бизнеса. Экономика организованной преступности в юридическом смысле является преступной по своему содержанию, нелегальной по форме, а по последствиям — социально деструктивной и в основном паразитирует на человеческих пороках.

Ключевым условием эффективной борьбы с нелегальными интернет-магазинами является правильная квалификация преступлений, совершаемых криминальными структурами, включая точное установление форм соучастия. Такое руководство позволит реализовать принципы справедливости и индивидуализации наказаний, а также нарушить единство и сплочённость криминальных группировок.

Литература:

1. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ (последняя редакция)
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
3. Золотов Я. А. Наркотики: историческая ретроспектива // Экономика образования. 2013. N 1. С. 174–177.
4. Финнистон, Монти. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. — Инфра-М, Весь мир, 2000.
5. ОПИЙ • Большая российская энциклопедия — электронная версия. old.bigenc.ru. Дата обращения: 25 мая 2024. Архивировано 25 мая 2024 года.
6. Валькова У. В. История наркотизма от древних времен до современности (социологический анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2011. Вып. 130. С. 271–275.
7. Ларичев Д. А. Организованная преступность в сфере экономики // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежегодный альманах. 2003. N 1. С. 59–70
8. Колесников В. В. Организованная экономическая преступность и криминальная экономика // Ученые записки. 2002. Вып. 9. С. 56–57.
9. https://oksud-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=209549074&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

Условия возмещения убытков как меры гражданско-правовой ответственности

Гилязетдинов Эльдар Фаридович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Актуальность возмещения убытков обусловлена необходимостью совершенствования правоприменительной практики и единообразного толкования условий возмещения убытков. Автор раскрывает основные условия возмещения убытков, предлагает новшества в действующее законодательство. При написании данной статьи автором использованы нормативные правовые акты и действующая судебная практика.

Ключевые слова: возмещение убытков, упущенная выгода, ответственность, вина.

Современные рыночные отношения характеризуются высокой динамичностью и многообразием гражданско-правовых связей, в рамках которых особое значение приобретает обеспечение исполнения обязательств и защита нарушенных прав. Одним из ключевых инструментов восстановления имущественной сферы потерпевшего лица выступает возмещение убытков, представляющее собой универсальную меру гражданско-правовой ответственности. Через механизм компенсации убытков реализуется принцип полного восстановления нарушенного права, закрепленный в ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3].

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования правоприменительной практики и единообразного толкования условий возмещения убытков. На практике возникают сложности в установлении состава гражданско-правовой ответственности, в частности доказанности размера убытков, причинной связи между действиями нарушителя и наступившими последствиями, а также наличия вины. Кроме того, существенное значение имеет разграничение убытков и иных форм гражданско-правовой ответственности, таких как неустойка и компенсация морального вреда.

Институт возмещения убытков воплощает принцип полного восстановления нарушенного права (реститутивный принцип) и выступает базовой мерой гражданско-правовой ответственности (ст. 15, 393 ГК РФ). Для возложения на обязанное лицо ответственности по модели «убытки» в российской доктрине и судебной практике традиционно выделяют совокупность условий: противоправность поведения (или иного юридического факта), причинную связь между поведением и имущественным вредом, вину причинителя (за исключением случаев объективной ответственности) и наличие самих убытков как негативного имущественного результата. Отсутствие хотя бы одного из названных элементов, как общее правило, исключает взыскание (подход последовательно отражен в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ 2015 и 2016 гг. [4; 5]).

1. Противоправность как исходная предпосылка ответственности. Под противоправностью понимается несоответствие поведения модели должного, вытекающей из императивной нормы закона, договора, обычая или общего принципа недопустимости причинения вреда другому

лицу. В обязательственных отношениях противоправность выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности (п. 1 ст. 393 ГК РФ), во внедоговорной сфере — в нарушении общего запрета причинять вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Пленум ВС РФ подчеркивает: при квалификации противоправности суд исходит не только из формального нарушения, но и из оценки добросовестности и разумности поведения стороны; никто не вправе извлекать преимущество из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ) [5].

В научной литературе противоправность рассматривается как «ворота» в охранительное обязательство: при ее отсутствии речь может идти о распределении договорного риска без санкционного эффекта (например, в моделях замещающих сделок (ст. 393.1 ГК РФ)), однако в типовой конфигурации взыскание убытков все же предполагает фиксацию нарушения обязанности как юридического факта. Ю.Э. Монастырский, анализируя европейские подходы, обращает внимание, что в ряде систем критерии вины и противоправности «сдвигаются» в плоскость распределения рисков и влияют скорее на объем удовлетворения, чем на саму возможность взыскания; российское право, напротив, сохраняет классическую четырехэлементную модель состава (ущерб — противоправность — причинная связь — вина) [11, с. 157].

2. Наличие убытков и их состав. Убытки в смысле ст. 15 ГК РФ включают реальный ущерб (затраты и/или утрата, повреждение имущества) и упущенную выгоду (неполученные доходы при обычных условиях оборота). Закон и Пленум ВС РФ исходят из принципа полного возмещения: кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы при надлежащем исполнении обязательства. Для упущенной выгоды действует правило минимального порога: если нарушитель получил доход вследствие нарушения, упущенная выгода потерпевшего взыскивается как минимум в размере такого дохода (п. 2 ст. 15 ГК РФ) [5].

В научной доктрине активно обсуждаются стандарты доказывания, применяемые к упущенной выгоде. Исследователи, в частности Л. С. Елисеева, К. П. Храмцов, подчеркивают, что требование «разумной степени достоверности» не тождественно арифметической точности: допускаются расчетные модели, основанные на нормальной хозяйственной динамике, статистике продаж,

договорных ценах и т. п. [9; 12]. Вместе с тем суды оценивают: а) предпринятые истцом меры и приготовления для извлечения дохода (п. 4 ст. 393 ГК РФ); б) предвидимость соответствующих потерь для должника в момент заключения договора (доктрина *foreseeability*, отраженная в научных работах В. В. Байбака [8] и реализованная в правоприменении при толковании ст. 393 и 15 ГК РФ) [9, с. 142; 12, с. 86].

В обзорах ВС РФ указано: при взыскании упущенной выгоды истец может основать расчет на обычном уровне маржи и оборота, подтвержденном отчетностью и договорной конъюнктурой; одновременно суд проверяет, предпринимал ли кредитор разумные меры для получения дохода (п. 4 ст. 393 ГК РФ). При этом нельзя отказать лишь по мотиву приблизительности калькуляции: при доказанности факта и механизма ее образования суд вправе определить размер с разумной степенью достоверности [6].

3. Причинная связь: фактическая и юридически значимая. Причинная связь служит связующим звеном между противоправностью и убытками, обеспечивая атрибуцию потерь нарушителю. В доктрине выделяют два уровня: фактическую (*conditio sine qua non*) и юридически значимую причинность, ограниченную критериями адекватности и предвидимости. В. В. Байбак показывает, что российская практика де-факто применяет фильтры «необычности», «отдаленности» и «предвидимости», отсекая чрезмерно удаленные последствия нарушения [8, с. 126]; параллели проводятся с Принципами УНИДРУА [2] и Венской конвенцией 1980 г. (ст. 74) [1].

Пленум ВС РФ указывает: при оценке причинной связи суд учитывает совокупность обстоятельств, в том числе поведение кредитора (вклад в возникновение и/или увеличение убытков) и обычный ход вещей «при нормальном развитии событий»; при договорных нарушениях используется также тест предвидимости соответствующих потерь [5].

Отдельный «полевой» блок составляют дела о замещающих сделках по ст. 393.1 ГК РФ: если договор прекращен вследствие нарушения, кредитор вправе требовать разницу между текущей ценой и договорной, а также иные разумные расходы; добросовестность и разумность выбора замещающей сделки презюмируются, пока должник не докажет обратное. Связь убытков с нарушением в таких делах выводится из самого механизма «замещения»: убытки являются прямым следствием рыночной переоценки и необходимости оперативного обеспечения интереса кредитора [5].

4. Вина: презумпция и пределы. Вина нарушителя презюмируется (п. 2 ст. 401 и п. 2 ст. 1064 ГК РФ), бремя опровержения лежит на должнике/причинителе вреда. Пленум ВС РФ 2015 г. специально подчеркнул: отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство; при внедоговорном вреде действует аналогичное правило. Вместе с тем из закона известны режимы ответственности без вины (повышенная опасность (ст. 1079 ГК РФ) и иные случаи), а также договорные модели, усиливающие ответственность (например, гарантийные обязательства) [4].

Вина кредитора (п. 1 ст. 404 ГК РФ) влияет на объем возмещения: если кредитор содействовал увеличению убытков или не принял разумных мер к их уменьшению (*duty to mitigate*), суд уменьшает ответственность должника, в том числе при объективной ответственности. Эта корректировка «взвешивает» причинную связь и исключает компенсацию потерь, возникших по вине самого потерпевшего. Доктрина рассматривает данный механизм как проявление принципов добросовестности и справедливого распределения рисков [7, с. 175].

В подборке ВС РФ и правоприменительных обзорах регулярно встречаются ситуации, когда отказ кредитора от разумной замещающей сделки или бездействие по поиску альтернативного контрагента приводит к снижению взыскиваемой упущенной выгоды; напротив, активные действия кредитора по минимизации потерь подтверждают причинную связь и усиливают доказательственную позицию по размеру убытков [6].

5. Бремя доказывания и стандарты доказанности. Общее правило распределения бремени доказывания при взыскании убытков основано на положениях ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: истец доказывает факт нарушения (или юридически значимого события), причинную связь и размер убытков; ответчик — отсутствие вины, отсутствие противоправности (например, форс-мажор, исполнение в натуре), вклад кредитора и иные обстоятельства, снижающие размер убытков. Пленум ВС РФ разъяснил, что приблизительность расчета не тождественна недоказанности: суд не вправе отказывать лишь потому, что размер не может быть установлен с математической точностью; достаточно разумной степени достоверности. При этом к упущенной выгоде добавляется критерий предвидимости и проверки мер истца по извлечению дохода (п. 4 ст. 393 ГК РФ) [5].

В обзорах ВС РФ 2024–2025 гг. подтверждается подход: если истец показывает устойчивую деловую модель (объемы продаж, портфель заказов, норму маржи), то даже при отсутствии «идеального» доказательства суд может определить размер упущенной выгоды с учетом обычного хода вещей; одновременно оценивается, мог ли ответчик предвидеть соответствующие последствия нарушения [6].

По делам о замещающих сделках (ст. 393.1 ГК РФ) взыскивается разница между договорной и текущей ценой независимо от заключения замещающего договора; оспаривание разумности выбора контрагента и цены лежит на должнике [5].

6. Соотношение с иными способами защиты и специфика отдельных категорий дел. Возмещение убытков соотносится с иными способами защиты (неустойка, признание права, реституция и др.) как самостоятельная мера; применение других способов не лишает кредитора права требовать убытки, если иное не установлено законом или договором (позиция Пленума 2016 г.). В от-

дельных категориях дел право на убытки развивается особыми правилами: ответственность органов регистрации, корпоративные иски о взыскании убытков с директоров, внедоговорный вред по рисковому основанию и т. п. Научные публикации и обзоры практики фиксируют усиление стандартов добросовестности управленцев и причинной атрибуции их решений к имущественному ущербу организации [10, с. 303].

Таким образом, российская модель возложения обязанности по возмещению убытков базируется на четырехэлементной конструкции: противоправность, наличие убытков, причинная связь и вина. Эта конструкция сохраняет системообразующее значение даже при расширении договорных инструментов распределения рисков. Развитие практики ведет к «уточнению» критериев причинной связи и размера убытков за счет тестов адекватности/предвидимости и должной минимизации потерь; суды оперируют реалистичным стандартом доказанности («разумная степень достоверности») вместо математической точности. Презумпция вины ответчика сочетается с коррективом вины кредитора (ст. 404 ГК РФ), позволяющим справедливо «разделить» убытки, вызванные недобросовестным или неразумным поведением самого потерпевшего. В сег-

менте договорных нарушений усиливается роль ст. 393.1 ГК РФ (замещающие сделки и «ценовая» модель расчета), что упрощает атрибуцию причинности и снижает конфликт относительно доказательств размера убытков.

Представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования законодательства: 1) закрепить на законодательном уровне критерии разумной степени достоверности при определении размера убытков, особенно упущенной выгоды, с целью унификации судебной практики; 2) разработать нормативное определение адекватной причинной связи, уточняющее пределы ответственности нарушителя и исключающее взыскание отдаленных и непредвидимых убытков; 3) внести изменения в ст. 393 ГК РФ, предусматривающие расширение возможностей взыскания убытков при нарушении принципа добросовестности, в том числе в корпоративных и предпринимательских отношениях.

Таким образом, институт возмещения убытков продолжает эволюционировать, укрепляя правовые гарантии участников гражданского оборота. Его дальнейшее развитие должно быть направлено на повышение предсказуемости судебных решений, баланс интересов сторон и обеспечение эффективной защиты нарушенных прав.

Литература:

1. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. — 1994. — № 1.
2. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 г. Москва «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — 23 июня.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 г. Москва «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. — 2016. — 4 апр.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2024. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491650/
7. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть : учеб. для вузов / А. П. Анисимов ; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 435 с.
8. Байбак, В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства / В. В. Байбак // Закон. — 2016. — № 8. — С. 124–130.
9. Елисеева, Л. С. Возмещение убытков как вид гражданско-правовой ответственности / Л. С. Елисеева // Синергия наук. — 2019. — № 39. — С. 140–145.
10. Ламбаев, Ж. Т. Гражданско-правовая ответственность органа государственной регистрации прав / Ж. Т. Ламбаев // Пермский юридический альманах. — 2021. — № 4. — С. 299–308.
11. Монастырский, Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук / Монастырский Юрий Эдуардович. — Севастополь, 2020. — 357 с.
12. Храмцов, К. П. Возмещение убытков как общая мера гражданско-правовой ответственности / К. П. Храмцов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сб. ст. XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Наука и Просвещение, 2022. — С. 84–88.

Проблемы квалификации договора финансовой аренды (лизинга) в российском гражданском праве

Гогаев Дамир Асланбекович, аспирант

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Настоящая статья посвящена исследованию одной из наиболее дискуссионных проблем современной отечественной цивилистики — проблеме юридической квалификации договора финансовой аренды (лизинга). Анализируется доктринальная неопределенность правовой природы лизинга, порожденная дуализмом его законодательного регулирования в Гражданском кодексе РФ и специальном законе. В работе рассматриваются и критически оцениваются основные концептуальные подходы к определению места лизинга в системе гражданско-правовых договоров: арендная, кредитная и концепция договора особого рода (sui generis). Автор приходит к выводу, что юридическая конструкция лизинга не может быть сведена к известным классическим договорным типам и представляет собой самостоятельный, неопределенный в полной мере Кодексом, договор, направленный на реализацию сложной экономической цели — финансирование приобретения основных средств. Обосновывается тезис, что существующая законодательная модель, помещающая лизинг в главу об аренде, является юридико-технической ошибкой, порождающей существенные правоприменительные коллизии, в особенности в вопросах распределения рисков, ответственности и при рассмотрении дел о банкротстве.

Ключевые слова: финансовая аренда, лизинг, правовая природа договора, квалификация договора, аренда, кредит, договор sui generis, кауза договора, выкупная цена, банкротство лизингополучателя.

В системе обязательственного права, как и в любой строго организованной материи, не должно оставаться места для двусмысленности и неопределенности. Каждый договорный тип, каждая юридическая конструкция призвана занимать свое, строго очерченное место, обусловленное ее правовой природой и экономической каузой. Однако развитие хозяйственного оборота, нередко опережающее консервативную законодательную мысль, привносит в правопорядок конструкции, которые с трудом поддаются втискиванию в прокрустово ложе классических институтов. Едва ли не самым ярким примером такого рода в современном российском праве является договор финансовой аренды (лизинга).

Появившись в отечественном правопорядке как заимствованная из англо-американской правовой системы экономическая модель, лизинг до сего дня остается предметом острейших доктринальных споров, а его правовое регулирование — образцом непоследовательности и внутреннего противоречия. Центральная проблема, порождающая весь узел практических коллизий, заключается в фундаментальной неопределенности его юридической природы. Является ли лизинг лишь разновидностью договора аренды, как это формально следует из его местоположения в главе 34 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]? Или же его экономическое содержание — финансирование приобретения имущества — заставляет видеть в нем завуалированную кредитную сделку? А, может, перед нами совершенно самостоятельный, особый договорный тип, не сводимый ни к аренде, ни к кредиту, ни к купле-продаже? От ответа на эти вопросы зависит решение множества прикладных задач: от распределения рисков случайной гибели предмета лизинга до судьбы этого имущества в процедуре банкротства одного из участников лизинговой сделки.

Корень проблемы квалификации лизинга следует искать в двойственности его законодательного оформления. С одной стороны, Гражданский кодекс РФ в ст. 665 помещает параграф о финансовой аренде в главу «Аренда». Тем самым законодатель, казалось бы, однозначно указывает на арендную природу данного договора. Его сущностным элементом, согласно этой логике, выступает предоставление имущества во временное владение и пользование за плату. Лизингодатель предстает в этой модели как типичный арендодатель, а лизингополучатель — как арендатор.

Однако даже поверхностный анализ норм самого кодекса, не говоря уже о положениях специального Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» [2], немедленно разрушает эту стройную, но искусственную картину. Конструкция лизинга принципиально трехсубъектна: в ней всегда присутствует фигура продавца, не являющегося стороной самого договора лизинга, но неразрывно с ним связанного. Лизингодатель, в отличие от классического арендодателя, не просто передает в пользование имеющееся у него имущество; он обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить это имущество лизингополучателю (ст. 665 ГК РФ).

Таким образом, кауза договора для лизингодателя состоит не в извлечении выгоды из эксплуатации принадлежащей ему вещи, а в размещении финансовых средств с целью получения инвестиционного дохода в виде лизинговых платежей. Его экономическая функция сродни функции банка, выдающего целевой кредит. Как справедливо отмечалось в цивилистической доктрине, «лизингодатель выполняет... функцию финансирующей организации, а не функции собственника, сдающего свое имущество внаем» [3, с. 451].

Специальный закон о лизинге еще более усугубляет отход от арендной модели. Он закрепляет нетипичные для аренды положения:

– **Переход риска случайной гибели:** по общему правилу, риск случайной гибели или порчи арендованного имущества несет арендодатель-собственник (ст. 211 ГК РФ). В лизинге же этот риск переходит к лизингополучателю с момента передачи ему имущества, если иное не предусмотрено договором (п. 1 ст. 669 ГК РФ). Это положение явно сближает статус лизингополучателя со статусом собственника, а не временного пользователя.

– **Прямые требования к продавцу:** лизингополучатель наделяется правом предъявлять требования, вытекающие из договора купли-продажи, непосредственно продавцу имущества, хотя стороной этого договора он не является (п. 1 ст. 670 ГК РФ). Это установленное законом исключение из принципа относительности обязательственных правоотношений подчеркивает, что лизингополучатель рассматривается как конечный бенефициар всей трехсторонней сделки.

– **Право выкупа:** хотя и не являющийся обязательным, элемент выкупа предмета лизинга по окончании срока договора является неотъемлемой экономической характеристикой большинства лизинговых сделок. Зачастую выкупная цена носит символический характер, что свидетельствует о том, что стоимость имущества была практически полностью амортизирована в составе лизинговых платежей.

Этот законодательный дуализм, когда формальная юридическая оболочка (аренда) вступает в непримиримое противоречие с экономическим содержанием (инвестирование, финансирование), и порождает основные доктринальные подходы к осмыслению правовой природы лизинга.

В современной российской цивилистике можно выделить три основные концепции, пытающиеся разрешить указанное противоречие.

Арендная концепция. Сторонники данного подхода, апеллируя к прямому указанию законодателя в ГК РФ, рассматривают лизинг как особый вид аренды. Все его специфические черты трактуются ими как специальные нормы, модифицирующие, но не отменяющие общую арендную природу договора. Главным и определяющим признаком, по их мнению, остается передача имущества во временное владение и пользование. Однако такая позиция представляется чрезмерно формальной. Она игнорирует тот факт, что для лизингодателя передача имущества в пользование — не самоцель, а лишь способ возврата вложенных средств и получения прибыли. Воля сторон направлена на более сложный экономический результат, нежели тот, что характерен для обычной аренды. Уподобление финансовой аренды традиционной — это не более чем юридическая фикция, удобная для законодателя, но не отражающая сути явления.

Кредитная концепция (концепция обеспечительной собственности). Данный подход, напротив, акцентирует внимание на финансовой составляющей лизинга. Его сторонники утверждают, что лизинг по своей экономической

суть является формой товарного кредита, предоставленного лизингополучателю. Лизинговые платежи рассматриваются как возврат суммы кредита и уплата процентов, а право собственности лизингодателя на предмет лизинга — лишь как способ обеспечения исполнения обязательств лизингополучателя, аналогичный залого с оставлением вещи у залогодержателя (твердому залого) или удержанию.

Эта концепция, безусловно, глубже вскрывает экономическую подоплеку лизинга, однако и она уязвима для критики с позиций строгого догматического анализа. Во-первых, объектом кредитного договора являются денежные средства, а не индивидуально-определенная вещь. Во-вторых, правовой режим собственности лизингодателя кардинально отличается от прав залогодержателя. Собственник обладает всей полнотой правомочий (владение, пользование, распоряжение), в то время как залогодержатель имеет лишь ограниченное вещное право — право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами. Сведение права собственности к обеспечительной функции размывает фундаментальные устои вещного права, превращая абсолютное право в некий суррогат акцессорного обязательства. Высший Арбитражный Суд РФ в свое время справедливо указывал на недопустимость смешения этих институтов, подчеркивая, что право собственности лизингодателя не может быть квалифицировано как залог [4].

Концепция договора особого рода (*sui generis*). Наиболее взвешенной и адекватно отражающей сложность и уникальность рассматриваемого правоотношения представляется третья концепция. Согласно ей, договор лизинга является самостоятельным, непоименованным в ГК РФ в качестве отдельного типа, договором. Его юридическая конструкция синтезирует в себе элементы различных договорных моделей: купли-продажи (в отношениях между лизингодателем и продавцом), поручения (поскольку лизингодатель действует в интересах и по указанию лизингополучателя при выборе имущества и продавца), аренды (в части предоставления имущества в пользование) и кредита (в части финансовой функции).

Однако этот синтез порождает новое юридическое качество. Кауза договора лизинга не сводится к сумме кауз составляющих его элементов. Она уникальна и состоит в организации сложного имущественного оборота, направленного на содействие лизингополучателю в приобретении необходимых ему средств производства за счет финансового участия лизингодателя. Именно эта комплексная цель и формирует самостоятельную правовую природу лизинга, не позволяя разобрать его на составные части без утраты сущности. Данный подход позволяет объяснить все специфические черты лизинга (трехсторонний характер отношений, особое распределение рисков, прямые требования к продавцу) не как аномальные исключения из правил об аренде, а как органичные и необходимые элементы единой и целостной юридической конструкции.

Доктринальные споры о правовой природе того или иного института отнюдь не являются самоцелью юридической науки. Их конечное предназначение — выработка адекватных и справедливых моделей правового регулирования, обеспечивающих стабильность гражданского оборота. Игнорирование подлинной сущности лизинга и попытка искусственно подчинить его арендным нормам неизбежно порождают клубок практических проблем, наиболее остро проявляющихся в стрессовых для обязательства ситуациях: при его досрочном прекращении и в особенности при банкротстве одной из сторон.

Проблема судьбы предмета лизинга при банкротстве лизингополучателя. Пожалуй, нигде так ярко не проявляется несостоятельность арендной концепции, как в делах о несостоятельности (банкротстве). Если исходить из того, что лизинг — это аренда, а лизингодатель — собственник-арендодатель, то при банкротстве лизингополучателя он, на первый взгляд, вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения (посредством виндикационного иска) либо заявить требование о возврате вещи в рамках дела о банкротстве, не вступая в реестр кредиторов наравне с прочими. Его право собственности, будучи абсолютным, должно противопоставляться всем третьим лицам, включая конкурсных кредиторов.

Однако такой формально-юридический подход приводит к результатам, глубоко несправедливым по своей экономической сути. К моменту банкротства лизингополучатель, как правило, уже выплатил значительную, если не большую, часть стоимости предмета лизинга. Эта выплаченная часть стоимости представляет собой актив, сформированный за счет средств должника, а, значит, должна входить в состав его конкурсной массы для справедливого распределения между всеми кредиторами. Изъятие лизингодателем всего предмета лизинга, стоимость которого уже частично оплачена должником, означает не что иное, как получение им необоснованного преимущества перед другими кредиторами. Он получает и уплаченные ему ранее лизинговые платежи, и сам актив, стоимость которого может многократно превышать остаток его задолженности.

Осознав это вопиющее противоречие между юридической формой и экономическим содержанием, высшие судебные инстанции были вынуждены пойти по пути, по сути, перекалфикации правоотношений. В своем постановлении от 14 марта 2014 г. № 17 Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ [5] занял революционную для правоприменения позицию. Суд указал, что если договор лизинга предусматривает переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю (так называемый выкупной лизинг), то для целей банкротства его следует рассматривать как сделку, преследующую ту же экономическую цель, что и купля-продажа в кредит, обеспеченная залогом.

В этой парадигме право собственности лизингодателя выполняет лишь обеспечительную функцию. Следовательно, предмет лизинга подлежит включению в конкурсную массу должника-лизингополучателя. Требование же лизингодателя в размере невнесенных лизинговых пла-

тежей (за вычетом той их части, что составляет плату за финансирование) подлежит удовлетворению как требование залогового кредитора, то есть преимущественно за счет средств, вырученных от продажи предмета лизинга. Такой подход, хотя и вступающий в определенное противоречие с буквой Гражданского кодекса, является единственно верным с точки зрения защиты интересов всего сообщества кредиторов и соответствует подлинной экономической каузе лизинговой сделки. Судебная практика, таким образом, была вынуждена исправлять дефекты законодательного регулирования, фактически признав кредитную, а не арендную природу выкупного лизинга.

Проблема определения сальдо взаимных предоставлений при досрочном расторжении договора. Другой комплекс проблем возникает при досрочном расторжении договора лизинга по вине лизингополучателя (например, ввиду просрочки внесения платежей). Формальное применение норм об аренде и общих положений об ответственности за нарушение обязательств (ст. 15, 393 ГК РФ) нередко приводило к тому, что суды взыскивали с лизингополучателя не только просроченную задолженность, но и всю сумму будущих, еще не наступивших, лизинговых платежей в качестве упущенной выгоды. При этом изъятый у должника предмет лизинга оставался у лизингодателя.

Подобный результат очевидно ведет к неосновательному обогащению лизинговой компании. Она получает и полную сумму финансирования с процентами, и сам актив, который может быть реализован или повторно сдан в лизинг. Высшие судебные инстанции и здесь были вынуждены выработать специальный механизм для восстановления баланса интересов сторон. Была сформулирована концепция «сальдо встречных обязательств» [6]. Ее суть заключается в том, что при расторжении договора его стороны должны вернуть друг другу все исполненное (либо возместить его стоимость), а также возместить убытки. Финансовый результат расторжения договора определяется путем сопоставления взаимных предоставлений: суммы, уплаченной лизингополучателем (аванс, лизинговые платежи), и суммы, предоставленной лизингодателем (стоимость приобретения предмета лизинга, расходы на его содержание), с учетом стоимости возвращенного лизингодателю предмета лизинга.

Если итоговое сальдо складывается в пользу лизингополучателя (то есть он уплатил больше, чем составила стоимость финансирования и износ предмета лизинга), разница подлежит возврату ему. Если же сальдо в пользу лизингодателя, он вправе требовать с лизингополучателя соответствующую сумму. Этот механизм по своей сути также является отказом от арендной модели в пользу модели финансирования. Он не рассматривает лизинговые платежи как простую плату за пользование, а трактует их как возврат предоставленного финансирования, требуя при прекращении отношений произвести окончательный расчет, как это было бы при досрочном погашении кредита.

Проведенный анализ со всей очевидностью демонстрирует, что квалификация договора финансовой аренды

(лизинга) как разновидности аренды является юридико-технической ошибкой, допущенной при кодификации гражданского законодательства. Эта ошибка порождает системное противоречие между правовой формой и экономическим содержанием, которое судебная практика вынуждена преодолевать путем создания специальных, по сути преторских, конструкций, корректирующих дефектные законоположения.

Наиболее адекватной доктринальной концепцией, отражающей уникальную природу лизинга, является концепция договора особого рода, основной каузой которого выступает не предоставление имущества в пользование, а осуществление инвестиционной деятельности в форме финансирования приобретения основных средств.

В порядке *de lege ferenda* представляется назревшей необходимостью кардинального пересмотра законодательного

подхода к регулированию лизинговых отношений. Наиболее последовательным шагом стало бы исключение параграфа 6 из главы 34 Гражданского кодекса РФ и выделение для договора финансовой аренды (лизинга) самостоятельной главы, возможно, в рамках раздела IV Кодекса, посвященного отдельным видам обязательств. Такое законодательное решение позволило бы привести юридическую форму в соответствие с действительным экономическим содержанием, устранить внутренние противоречия в правовом регулировании и закрепить на законодательном уровне те справедливые и экономически обоснованные подходы к разрешению споров, которые сегодня с таким трудом вырабатываются судебной практикой. Лишь тогда этот важнейший для экономики инструмент получит адекватное его природе правовое облачение, необходимое для стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СПС КонсультантПлюс.
3. Гражданское право : учебник: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — М., 2008.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17389/10 // СПС КонсультантПлюс.

Ответственность сторон по договору финансовой аренды (лизинга): пробелы законодательства и парадоксы правоприменения

Гогаев Дамир Асланбекович, аспирант

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В настоящей статье исследуются системные проблемы и пробелы в законодательном регулировании ответственности сторон по договору финансовой аренды (лизинга). Автор исходит из тезиса о том, что неверная квалификация лизинга как разновидности аренды порождает неразрешимые коллизии в распределении ответственности между лизингодателем, лизингополучателем и продавцом. В работе анализируются ключевые проблемные аспекты: ответственность за недостатки предмета лизинга и парадокс пассивного статуса лизингодателя; правовые последствия неисполнения продавцом обязанности по передаче имущества; ответственность самого лизингодателя за неисполнение им основной обязанности по приобретению и оплате предмета лизинга — ситуация, парадоксальным образом оставленная законодателем без специального регулирования. Особое внимание уделяется специфике распределения риска случайной гибели имущества и ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Автор приходит к выводу о дефектности действующей законодательной модели и необходимости ее кардинального пересмотра в пользу признания лизинга самостоятельным договорным типом с особым, имманентно присущим ему режимом ответственности.

Ключевые слова: ответственность по договору лизинга, лизингодатель, лизингополучатель, продавец, недостатки предмета лизинга, риск случайной гибели, пробелы в праве, неисполнение обязательства, источник повышенной опасности.

Институт гражданско-правовой ответственности является тем краеугольным камнем, на котором зиждется вся система обязательственного права. Он не

только обеспечивает восстановление нарушенных прав кредитора, но и служит мерилom справедливости и сбалансированности любой договорной конструкции.

Именно через призму распределения ответственности наиболее отчетливо проявляется подлинная правовая природа того или иного договора, его экономическая кауза и действительная воля сторон. Применительно к договору финансовой аренды (лизинга) анализ режима ответственности сторон вскрывает глубокие внутренние противоречия и зияющие пробелы законодательного регулирования, являющиеся прямым следствием его искусственной привязки к институту аренды.

Трехсторонняя экономическая модель лизинга (лизингодатель — продавец — лизингополучатель) предполагает и особую, не укладывающуюся в классические двусторонние обязательства, систему распределения рисков и ответственности. Законодатель, пытаясь урегулировать этот сложный механизм, пошел по пути создания специальных норм (ст. 669, 670 ГК РФ), которые, по его замыслу, должны были адаптировать арендную модель к нуждам лизингового оборота. Однако результат оказался плачевным: созданная конструкция породила больше вопросов, чем дала ответов, оставив за рамками правового поля целый ряд типичных конфликтных ситуаций.

Центральной нормой, регулирующей ответственность за качество предмета лизинга, является ст. 670 Гражданского кодекса РФ. В ее основу положена идея о том, что поскольку выбор продавца и самого имущества осуществляет лизингополучатель, именно на него должны быть переложены все риски, связанные с ненадлежащим исполнением со стороны продавца. Лизингополучатель, не будучи стороной договора купли-продажи, наделяется правами покупателя и вправе предъявлять требования по качеству, комплектности, срокам передачи и иным условиям непосредственно продавцу.

При этом лизингодатель, по общему правилу, освобождается от ответственности за выполнение продавцом этих требований. Он предстает в роли пассивного финансиста, который лишь приобретает указанный актив и передает его в пользование. На первый взгляд, такая модель выглядит логичной. Однако она рушится при столкновении с реальностью.

Во-первых, законодатель делает оговорку: лизингодатель и продавец несут солидарную ответственность, если право выбора продавца было возложено на лизингодателя (п. 1 ст. 670 ГК РФ). Данная норма, призванная защитить лизингополучателя от недобросовестного выбора, сделанного финансирующей организацией, на практике порождает правовую неопределенность. Закон не устанавливает механизм реализации этой солидарной ответственности. Вправе ли лизингополучатель по своему усмотрению предъявить требование к любому из солидарных должников? Что происходит, если продавец к моменту обнаружения недостатков уже ликвидирован? Может ли лизингополучатель в этом случае обратиться к лизингодателю? Отсутствие четких процессуальных и материально-правовых механизмов делает эту норму во многом декларативной.

Во-вторых, и это главное, полное освобождение лизингодателя от ответственности (когда выбор делал лизингополучатель) нарушает баланс интересов. Лизингодатель является профессиональным участником рынка, зачастую он имеет с продавцами (поставщиками) долгосрочные партнерские отношения, скидки, особые условия. Его экономическое положение несравненно сильнее, чем у лизингополучателя. Перекалывание на последнего всех рисков общения с третьим лицом — продавцом — выглядит как уход от ответственности со стороны сильной стороны договора. Лизингополучатель оказывается в крайне уязвимом положении: он связан обязательством по уплате лизинговых платежей, но при этом вынужден самостоятельно вести порой изнурительную борьбу за качество с продавцом, с которым у него нет прямой договорной связи.

Еще более острый характер носит проблема, когда продавец вовсе не передает предмет лизинга или существенно нарушает сроки передачи. Пункт 2 ст. 670 ГК РФ устанавливает, что лизингодатель не несет ответственности перед лизингополучателем за неисполнение продавцом данной обязанности, опять же, за исключением случаев, когда выбор продавца лежал на лизингодателе.

Здесь мы сталкиваемся с юридическим тупиком. Лизингополучатель не получает имущества, которое является объектом и целью всего договора. Однако он не является стороной договора купли-продажи и, следовательно, не может его расторгнуть. Он вправе требовать от продавца исполнения обязательства в натуре, но что, если это невозможно? Вправе ли он в таком случае расторгнуть сам договор лизинга и потребовать возврата уплаченного аванса?

Закон не дает прямого ответа на этот вопрос. Формально со стороны лизингодателя нет нарушения: он заключил договор купли-продажи и, предположим, даже оплатил товар. Но кауза договора лизинга — получение имущества в пользование — не достигнута. Лизингополучатель оказывается связанным договором, по которому он должен платить, не получая ничего взамен, и при этом его единственное средство защиты — иск к третьему лицу, который может оказаться безрезультатным. Дефектность законодательной конструкции, построенной на искусственном уподоблении лизинга аренде (где арендодатель всегда отвечает за предоставление вещи), здесь проявляется с максимальной силой.

Наиболее парадоксальным, с точки зрения догматики обязательственного права, является то, что законодатель, детально урегулировав (хотя, как мы видели, и небезупречно) ответственность за действия третьего лица — продавца, практически обошел молчанием вопрос об ответственности самого лизингодателя за неисполнение его собственных, притом ключевых, обязанностей.

Основная обязанность лизингодателя, составляющая ядро его участия в правоотношении, — своевременно и в полном объеме оплатить продавцу стоимость приобретаемого для лизингополучателя имущества. Что проис-

ходит, если лизингодатель, получив от лизингополучателя авансовый платеж, нарушает эту обязанность? Продавец, не получив оплату, закономерно отказывается передавать предмет лизинга лизингополучателю. Возникает та же ситуация: лизингополучатель не получает имущества, но уже по прямой вине своего контрагента — лизингодателя.

Ни Гражданский кодекс, ни специальный закон о лизинге [1] не содержат специальных норм, регулирующих последствия такого нарушения. Это зияющий пробел, неоднократно подвергавшийся критике в цивилистической доктрине [2, с. 524]. Разумеется, в силу общих принципов гражданского права, здесь подлежат применению общие положения об ответственности за нарушение обязательств (глава 25 ГК РФ). Лизингополучатель вправе потребовать от лизингодателя возмещения убытков, включая упущенную выгоду (ст. 15, 393 ГК РФ). Однако этого очевидно недостаточно. Имеет ли он право на расторжение договора? Вправе ли он требовать понуждения лизингодателя к исполнению обязанности по оплате в пользу третьего лица? Практика показывает, что суды применяют здесь общие нормы, однако отсутствие специального регулирования для столь типичной и важной для лизингового оборота ситуации является серьезнейшим законодательным просчетом. Это «слепое пятно» еще раз доказывает, что законодатель, конструируя нормы о лизинге, видел в лизингодателе исключительно аналог арендодателя, забыв о его первейшей функции — функции инвестора и плательщика.

Специфика ответственности в лизинге проявляется и в иных аспектах, которые с беспощадной ясностью обнажают искусственность и чужеродность для него арендной модели. Так, норма о переходе на лизингополучателя риска случайной гибели или порчи имущества с момента его передачи (ст. 669 ГК РФ) является прямым отступлением от диспозитивного правила для аренды, где риск несет собственник-арендодатель (*res perit domino*), закрепленного в ст. 211 ГК РФ. Данное положение, которое для аренды выглядит как аномалия, для лизинга является абсолютно органичным и соответствующим его экономической сути: поскольку лизингополучатель является экономическим хозяином вещи, на которого и рассчитан весь хозяйственный эффект от ее использования, именно он и должен нести связанные с ней риски [3, с. 455].

Не менее показателен и вопрос об ответственности за вред, причиненный предметом лизинга как источником повышенной опасности (например, транспортным средством). Согласно ст. 1079 ГК РФ, ответственность за такой вред несет юридическое лицо или гражданин, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании. Лизингополучатель, без всякого сомнения, является законным (титულным) владельцем, а значит, именно он, а не лизингодатель-собственник, будет нести ответственность перед третьими лицами за причиненный вред. Эта устоявшаяся позиция находит подтверждение и в разъяснениях

высшей судебной инстанции [4]. И вновь мы видим, как юридическая оболочка собственности лизингодателя оказывается пустой: вся полнота рисков и ответственности, как договорных, так и деликтных, смещается на фигуру пользователя. Его право собственности — не более чем титульное обеспечение его финансовых интересов, а не полноценный институт, влекущий за собой традиционный для собственника груз ответственности (*onus*).

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что действующая система регулирования ответственности по договору лизинга страдает от системных дефектов, обусловленных неверной первоначальной квалификацией этого договора. Попытка вписать сложную трехстороннюю финансовую сделку в рамки двусторонней аренды привела к созданию фрагментарной и противоречивой модели, где ответственность распределяется не в соответствии с действительной ролью и интересами сторон, а сообразно искусственной юридической фикции.

Правоприменительная практика, в особенности в лице высших судебных инстанций, вынуждена заниматься своего рода ремонтом законодательства, вырабатывая подходы, которые бы соответствовали экономическому смыслу лизинга и восстанавливали баланс интересов сторон. Так, именно судебной практикой был выработан механизм определения сальдо встречных обязательств при досрочном расторжении договора, не допускающий неосновательного обогащения лизингодателя [5]. Именно суды, вопреки формальному праву собственности, стали рассматривать предмет лизинга при банкротстве лизингополучателя как актив последнего, а требования лизингодателя — как обеспеченные залогом [6]. Однако такое судебное правотворчество при всей его важности не может заменить собой полноценное и последовательное законодательное регулирование. Оно лишь латает прорехи, но не способно устранить первопричину проблемы.

Назрела острая необходимость в реформе законодательства о лизинге. Она должна идти по пути отказа от арендной фикции и закрепления за лизингом статуса самостоятельного договорного типа (*contractus sui generis*). В порядке *de lege ferenda* видится целесообразным выделение для договора финансовой аренды (лизинга) самостоятельной главы в Гражданском кодексе РФ. В рамках этой новой главы необходимо четко и недвусмысленно распределить ответственность между всеми тремя участниками отношений, предусмотрев эффективные механизмы защиты прав лизингополучателя как в его отношениях с продавцом, так и, что не менее важно, в отношениях с самим лизингодателем. В частности, следует прямо закрепить право лизингополучателя на расторжение договора и возмещение убытков в случае неисполнения лизингодателем обязанности по оплате предмета лизинга. Только такой подход позволит создать правовую основу, адекватную тому значению, которое лизинг имеет для современной российской экономики, и обеспечить столь необходимую гражданскому обороту стабильность и предсказуемость.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СПС КонсультантПлюс.
2. Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М. : Статут, 2011.
3. Гражданское право : учебник: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Волтерс Клувер, 2008.
4. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17389/10 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // СПС КонсультантПлюс.

Различия между коммерческими и некоммерческими организациями

Гусак Павел Владимирович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье анализируются правовые различия между коммерческими и некоммерческими организациями, закрепленные в гражданском законодательстве Российской Федерации. Определены основные отличия данных организационно-правовых форм по целям деятельности, объему правоспособности, источникам формирования имущества и особенностям участия в гражданском обороте. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования посредством внесения изменений в статью 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленных на закрепление дополнительных правовых критериев дифференциации коммерческих и некоммерческих организаций, а также на введение новой организационно-правовой формы.

Ключевые слова: коммерческая организация, некоммерческая организация, правоспособность, цели деятельности, источники имущества, гражданский оборот, законодательство Российской Федерации.

Коммерческие и некоммерческие организации различаются по своей правовой природе, что выражается в целях их деятельности, особенностях формирования имущества, организационно-правовых формах, источниках финансирования и характере правоспособности. Гражданское законодательство Российской Федерации проводит основное разграничение между ними в статье 50 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], где юридические лица подразделяются на коммерческие и некоммерческие организации.

Прежде всего, коммерческие организации преследуют получение прибыли как основную цель, тогда как некоммерческие — достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих задач. А. С. Кольцова указывает, что в некоммерческих организациях извлечение прибыли не рассматривается в качестве конечной цели деятельности, поскольку она направлена на удовлетворение общественных потребностей и обеспечение защиты определенных социальных интересов [2, с. 292]. Различие целевой направленности предопределяет особенности их организационно-правовых форм: коммерческие организации создаются в формах хозяйственных обществ, товариществ, кооперативов и унитарных предприятий, тогда как некоммерческие — в формах фондов, учреждений, автономных некоммерческих организаций, ассоциаций и религиозных объединений.

Организационно-правовая форма хозяйствующего субъекта, по мнению Д. Г. Колдаева [3, с. 61], представляет собой юридическое выражение порядка закрепления и использования имущества, а также определяет объем прав и обязанностей учредителей и самого юридического лица. Критериями ее классификации являются порядок формирования имущества, объем прав учредителей, пределы их ответственности и способы управления организацией. При этом, как отмечает автор, Гражданский кодекс Российской Федерации не охватывает всех классификаций, применяемых в гражданско-правовой науке: вне его содержания остаются деления юридических лиц на корпорации и учреждения, на субъекты публичного и частного права, а также на правосубъектные и неправосубъектные объединения.

Волков В. Ю., рассматривая административно-правовой статус организаций, указывает, что различие между коммерческими и некоммерческими субъектами проявляется в характере их правоспособности [4, с. 305]. Коммерческие организации обладают общей правоспособностью, которая позволяет им осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законодательством, тогда как некоммерческие организации наделены специальной правоспособностью, ограниченной целями, определенными в их учредительных документах. Правоспособность юридического лица возникает с момента его государственной

регистрации, что является общим правилом для обеих категорий. Однако коммерческие организации регистрируются в Федеральной налоговой службе, а некоммерческие — в Министерстве юстиции Российской Федерации. Вместе с тем, как отмечает А. Б. Агапов, административная дееспособность связана с возможностью участия организации в публично-правовых отношениях и приобретения прав и обязанностей в сфере исполнительской деятельности [5, с. 44]. По мнению О. А. Серовой, правоспособность юридического лица совпадает с его дееспособностью, поскольку категория «степени зрелости» неприменима к организации; обе они возникают одновременно с момента государственной регистрации.

В то же время С. Н. Прошин рассматривает дееспособность как самостоятельную правовую категорию и указывает на необходимость ее разграничения с правоспособностью для более полного раскрытия правовой природы юридического лица [6, с. 24]. Данная позиция получила развитие в исследованиях В. Ю. Волкова, который раскрывает разграничение правоспособности и дееспособности в административно-правовом аспекте, указывая, что гражданская и административная дееспособность отличаются моментом возникновения и содержанием предоставляемых правомочий [4, с. 306]. Административно-правовой статус, как отмечает Н. М. Конин, представляет собой совокупность прав и обязанностей, реализуемых в управленческих правоотношениях между организациями и государственными органами [7, с. 179]. А. Б. Панов предлагает структурировать этот статус по четырем блокам: целевому, организационному, содержательному и блоку административной ответственности. Из этого следует, что коммерческие организации в большей степени вовлечены в гражданский оборот, тогда как некоммерческие — в публично-правовые отношения, что определяет различие их административных прав и обязанностей [8, с. 12].

Таким образом, исходя из содержания действующих норм, коммерческая организация представляет собой юридическое лицо, создаваемое для систематического извлечения прибыли от осуществления разрешенной за-

коном деятельности и ее последующего распределения между участниками. Для нее характерна общая правоспособность, выражающаяся в возможности осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законодательством, и участвовать во всех гражданско-правовых отношениях. Некоммерческая организация, напротив, учреждается для реализации социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и иных общественно полезных целей, не связанных с получением и распределением прибыли. Ее правоспособность является специальной и ограничивается задачами, закрепленными в уставе. Формирование имущества коммерческих организаций осуществляется за счет доходов от предпринимательской деятельности, инвестиций и кредитных средств, тогда как у некоммерческих источниками выступают пожертвования, гранты, субсидии, членские взносы и иные безвозмездные поступления. Управление в коммерческих организациях строится на принципах иерархии и подчиненности, в некоммерческих — на началах коллегиальности и самоуправления. Другими словами, различия между ними проявляются в целях деятельности, характере правоспособности, источниках формирования имущества и структуре управления, что определяет их разное место в системе гражданского оборота и публично-правовых отношений.

Вместе с тем, можно рассмотреть вопрос о том, чтобы закрепить в ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации дополнительные критерии для разграничения коммерческих и некоммерческих организаций не только по цели их деятельности, но также по источникам финансирования, форме участия в гражданском обороте и степени имущественной ответственности.

Кроме того, представляется целесообразным рассмотреть возможность введения гибридной организационно-правовой формы — социально ориентированной предпринимательской организации, сочетающей признаки обеих категорий. Такая форма, предложенная в доктрине корпоративного права, позволила бы реализовать общественно полезные проекты с сохранением ограниченной прибыли, направляемой исключительно на уставные цели.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 1994. — № 238–239.
2. Кольцова А. С. Восемь основных различий между коммерческими и некоммерческими организациями / А. С. Кольцова // Аллея науки. — 2018. — Т. 1, № 1(17). — С. 292–294.
3. Колдаев Д. Г. Коммерческие и некоммерческие организации: особенности, критерии классификации / Д. Г. Колдаев // Научные записки молодых исследователей. — 2015. — № 5. — С. 61–64.
4. Волков В. Ю. Особенности административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций / В. Ю. Волков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72), № 3. — С. 304–311.
5. Агапов А. Б. Административное право: учебник / А. Б. Агапов. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2011. — С. 44.
6. Прошин С. Н. Дееспособность юридического лица — одна из составляющих его правоспособности / С. Н. Прошин // Нотариус. — 2012. — № 2. — С. 26.

7. Конин Н. М. Административное право Российской Федерации. Общая часть / Н. М. Конин. — Саратов, 2010. — С. 179.
8. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц: монография / А. Б. Панов. — М.: Норма, 2013. — С. 191.

Понятие и элементы правового статуса коммерческой организации

Гусак Павел Владимирович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассматриваются понятие и структура правового статуса коммерческой организации как субъекта гражданского права, участвующего в имущественных отношениях. Определяется соотношение правосубъектности и организационно-правовой формы как элементов статуса, их значение и роль в обеспечении участия организации в гражданском обороте. На основе анализа положений Гражданского кодекса Российской Федерации и научных трудов О. А. Красавчикова, С. Н. Братуся, К. К. Лебедева, Е. А. Суханова, Г. Г. Осокиной, Т. Н. Пономаревой и других авторов обосновывается, что правосубъектность включает правоспособность и дееспособность, а организационно-правовая форма выражает систему взаимоотношений между учредителями и созданной ими организацией. Сформулированы предложения по совершенствованию гражданского законодательства — введение легального определения понятия «организационно-правовая форма», открытого перечня таких форм и классификации правоспособности коммерческих организаций на общую, специальную и исключительную.

Ключевые слова: коммерческая организация, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, организационно-правовая форма, правовой статус, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Правовой статус коммерческой организации отражает ее место в системе гражданско-правовых отношений, охватывает закрепленные законом права, обязанности и пределы правоспособности и неразрывно связан с категорией юридического лица. Согласно ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), юридическим лицом признается организация, обладающая обособленным имуществом, которая отвечает этим имуществом по своим обязательствам, может от своего имени приобретать права, нести обязанности, а также выступать истцом и ответчиком в суде [1].

О. А. Красавчиков определял юридическое лицо как организацию — субъект гражданского права, мера участия которого в гражданских правоотношениях определяется его правосубъектностью, то есть признанную законом способность лица быть носителем гражданских прав (правоспособности) и одновременно осуществлять их посредством совершения юридически значимых действий (дееспособности) [2, с. 254]. С. Н. Братусь напротив считал эти понятия тождественными [3, с. 6], тогда как К. К. Лебедев рассматривал правосубъектность как способность лица участвовать в определенном круге общественных отношений, регулируемых нормами соответствующей отрасли права [4, с. 19]. При этом большинство авторов, включая Е. А. Суханова [5, 136] и Г. Г. Осокину [6, с. 35], полагают, что у юридических лиц правоспособность и дееспособность возникают одновременно с момента их государственной регистрации.

Исследователи указывают, что правовой статус коммерческой организации выражается в сочетании ее правосубъектности и организационно-правовой формы [7,

с. 139]. Первоначально понятие «правовой статус» применялось в государственно-правовой сфере, однако впоследствии стало использоваться и в гражданском праве. Т. Д. Карлина рассматривает правовой статус как совокупность субъективных прав и юридических обязанностей субъекта [8, с. 105]. Аналогичного подхода придерживается С. Э. Корх, связывая содержание правового статуса предпринимателя с его правоспособностью и компетенцией [9, с. 17–18].

Признаком, по которому различаются коммерческие и некоммерческие организации, выступает прежде всего цель их деятельности, состоящая в извлечении прибыли. Названная цель следует из ст. 50 ГК РФ и выражается в организационно-правовых формах, допускающих осуществление предпринимательской деятельности. К таким формам относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, производственные кооперативы, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия. Коммерческая организация может создаваться и действовать только в одной из установленных законом форм, перечень которых является исчерпывающим. Форма определяет внутреннее устройство организации, порядок распределения прав и обязанностей между участниками, принятие решений и пределы имущественной ответственности. Например, статус хозяйственного товарищества отличается от статуса хозяйственного общества, так как различаются характер участия и степень имущественного риска участников. Организационно-правовая форма коммерческой организации включает правовой и организационный эле-

менты. Правовой элемент закреплён в гражданском законодательстве, тогда как организационный отражает состав учредителей, а также характер их взаимосвязей между собой и с созданной ими организацией.

Коммерческая организация как субъект гражданского оборота реализует свои функции посредством системы прав и обязанностей, установленных законом. Её имущество формируется за счёт вкладов участников — паев, долей, акций и имущества, произведенного или приобретенного в ходе предпринимательской деятельности. Исключение составляют унитарные предприятия, имущество которых закрепляется на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления [10, с. 57]. Таким образом, правосубъектность является основным элементом правового статуса коммерческой организации и выражает её способность участвовать в гражданском обороте, заключать сделки, нести имущественную ответственность и обращаться в суд. В отличие от физических лиц, у которых дееспособность формируется постепенно, юридическое лицо приобретает её в полном объёме с момента государственной регистрации. Как справедливо отмечал Ю. Г. Басин, дееспособность юридических лиц не рассматривается в качестве самостоятельной категории, поскольку их правоспособность изначально включает возможность действовать от собственного имени [11, с. 592].

Другая особенность правосубъектности коммерческой организации заключается в её реализации через органы управления. Субъектом прав выступает сама организация, а действия её органов и работников признаются действиями юридического лица. Каждая коммерческая организация имеет один или несколько органов, включая исполнительный орган, представляющий её интересы во внешних отношениях. Исполнительные органы обязаны действовать добросовестно и разумно, руководствоваться интересами организации и несут ответственность за причиненные убытки. Наличие органов управления обеспечивает фактическую реализацию коммерческой организацией принадлежащих ей прав и обязанностей.

Таким образом правовой статус коммерческой организации представляет собой обобщенную правовую категорию, закрепляющую её положение в системе гражданско-правовых отношений в качестве самостоятельного субъекта права. Он выражает совокупность правоспособности, дееспособности и организационно-правовой формы, определяющей внутреннюю структуру и систему взаимоотношений между учредителями и созданной ими организацией. Правосубъектность обеспечивает способность действовать от собственного имени и участвовать в гражданском обороте, а организационно-правовая форма предопределяет специфику реализации данной способности. В совокупности эти элементы образуют юридическую характеристику коммерческой организации как участника имущественных отношений, наделенного компетенцией, системой управления и установленными законом механизмами ответственности

В целях совершенствования теоретических основ и правового регулирования статуса коммерческих организаций представляется целесообразным, во-первых, законодательно закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации легальное определение понятия «организационно-правовая форма» как установленной нормами гражданского права формы юридического лица, содержание которой включает состав учредителей, порядок их взаимодействия между собой и с созданной ими организацией.

Во-вторых, следует внести дополнения в статью 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, установив, что перечень организационно-правовых форм коммерческих организаций носит открытый характер для того, чтобы предусмотреть появление новых форм хозяйственной деятельности в системе частного права.

В-третьих, необходимо законодательно закрепить классификацию правоспособности коммерческих организаций на общую, специальную и исключительную, исходя из объёма допустимых видов деятельности и характера установленных законом ограничений.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 1994. — № 238–239.
2. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2-х т. М.: Статут, 2005. Т. 2. — С. 254.
3. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права / Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР. М.: Госюриздат, 1950. — С. 6
4. Лебедев К. К. Понятие и содержание хозяйственной правосубъектности // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву: межвуз. сб. Л., 1983. — С. 318.
5. Гражданское право: в 4-х т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. Т. 1. Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция». — С. 736
6. Осокина Г. Гражданская процессуальная право- и дееспособность / Г. Осокина // Российская юстиция. — 2009. — № 5. — С. 35–37.
7. Пономарева Т. Н. Правовой статус коммерческой организации: понятие и структурные элементы / Т. Н. Пономарева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7–2(33). — С. 139–143.

8. Карлина Т. Д. Развитие законодательства о политических партиях / Т. Д. Карлина // Сборник научных статей преподавателей и аспирантов. Чебоксары: Салика, 2001. Вып. XV. С. 104–106.
9. Корх С. Э. Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве: автореф. дисс. ... к.ю.н. Ростов н/Д, 1998. — С. 23.
10. Алхатеми Ф. А. Д. Правовой статус коммерческих организаций / Алхатеми Ф. А. Д. // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 12(192). — С. 56–58.
11. Басин Ю. Г. Избранные труды по гражданскому праву. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. — С. 610.

Специфика правового регулирования указания данных о потребителе (пациенте) и заказчике при заключении договора об оказании платных медицинских услуг

Давиденко Надежда Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье проведён правовой анализ особенностей оформления договоров об оказании платных медицинских услуг с учётом требований действующего законодательства Российской Федерации. Исследуются юридические характеристики и порядок указания сведений о потребителе (пациенте) и заказчике, а также специфические вопросы заключения договоров с участием несовершеннолетних пациентов и юридических лиц в роли заказчиков. В заключительной части представлены практические рекомендации по снижению правовых рисков при заключении и исполнении подобных договоров, направленные на обеспечение правовой защищённости медицинских организаций.

Ключевые слова: договор, платные медицинские услуги, потребитель, пациент, заказчик, несовершеннолетний, медицинская организация.

Правовое регулирование отношений, связанных с оказанием платных медицинских услуг, имеет существенное значение для обеспечения баланса интересов медицинских организаций, пациентов и иных лиц, участвующих в оплате медицинской помощи. Вопрос о корректном отражении в договоре оказания платных медицинских услуг (далее — договор ПМУ) сведений о потребителе (пациенте) и заказчике медицинской услуги не является лишь техническим: от него зависит надлежащая идентификация сторон, определение объема их прав и обязанностей, а также возможность защиты прав участников правоотношения в случае возникновения спора.

Нормативной основой регулирования указанных отношений выступают положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 (ранее — № 736) [1].

Для целей заключения договора ПМУ законодатель использует ряд специальных терминов, имеющих принципиальное значение для квалификации сторон договора. Согласно абзацу 3 пункта 2 Правил № 736, заказчиком признается физическое или юридическое лицо, имеющее намерение приобрести или приобретающее платные медицинские услуги в пользу потребителя, а потребителем, согласно абзацу 4, 5 пункта 2 Правил № 736 — физическое лицо, получающее медицинские услуги лично, то есть пациент [2].

Таким образом, в зависимости от состава участников договор может быть двухсторонним (если заказчик и потребитель совпадают в одном лице) или трехсторонним, когда услуги оплачиваются иным лицом, действующим в интересах пациента. Применение данной конструкции согласуется с положениями ст. 154 и 420 ГК РФ, закрепляющими общие принципы заключения и исполнения гражданско-правовых договоров.

Вариант 1. Особенности указания сведений при совпадении потребителя и заказчика. В практике гражданского оборота наиболее распространена ситуация, когда физическое лицо обращается за медицинской помощью для себя и самостоятельно оплачивает оказываемые услуги. В этом случае лицо одновременно выступает и заказчиком, и потребителем.

Правила № 736 не содержат обязательного требования о строгом соблюдении терминологии в обозначении сторон договора ПМУ. Следовательно, использование в тексте договора терминов «Пациент», «Потребитель» или «Заказчик» допустимо, если из содержания договора ясно, кто именно является стороной, получающей услугу. Судебная практика исходит из того, что правовая квалификация договора осуществляется исходя из действительного намерения сторон, определяемого по смыслу ст. 431 ГК РФ и разъяснениям, данным в п. 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 [3].

Таким образом, выбор терминологии при совпадении потребителя и заказчика не имеет самостоятельного юри-

дического значения, но должен обеспечивать однозначное понимание роли лица в договоре ПМУ.

Вариант 2. Указание сведений при различии заказчика и потребителя. В случае, когда заказчик и потребитель не являются одним и тем же лицом, возникает трехсторонняя конструкция договора. Например, оплата медицинских услуг может производиться работодателем, образовательной организацией или родственником пациента. В таком случае в договоре ПМУ необходимо четко разграничить сведения о каждом из участников: медицинской организации (исполнителе), заказчике и потребителе.

Согласно подпунктам «б» и «г» п. 23 Правил № 736, в договоре ПМУ должны быть указаны данные о заказчике и о потребителе, включая фамилию, имя, отчество (при наличии), адрес места жительства и контактную информацию. Кроме того, необходимо четко обозначить, в чью пользу осуществляется приобретение медицинских услуг, а также на кого возлагается обязанность по оплате.

Такое распределение ролей имеет не только организационное, но и правовое значение: именно заказчик несет обязанность по внесению платы, в то время как потребитель реализует право на получение медицинской услуги в соответствии с принципом личного характера оказания медицинской помощи (ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ).

Особое регулирование установлено для случаев, когда получателем платных медицинских услуг выступает несовершеннолетний гражданин. Степень участия его законных представителей при заключении договора ПМУ напрямую зависит от возраста и объема дееспособности несовершеннолетнего.

Согласно положениям ст. 28 и 26 Гражданского кодекса РФ, за лиц, не достигших четырнадцати лет (так называемых малолетних), сделки совершаются исключительно их родителями, усыновителями или опекунами. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет обладают частичной дееспособностью и вправе самостоятельно заключать договор ПМУ, но только при наличии письменного согласия законного представителя.

Таким образом, при оформлении договора ПМУ с несовершеннолетним пациентом медицинская организация должна удостовериться, что родитель или иной представитель действительно выразил согласие на заключение договора. При этом в преамбуле документа указывается не только сам несовершеннолетний потребитель, но и сведения о лице, давшем согласие на сделку. Это согласие может быть выражено либо отдельным документом, либо включено в сам договор.

В соответствии с подпунктом «в» пункта 23 Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31.05.2023 № 736, договор ПМУ обязательно должен содержать данные о законном представителе несовершеннолетнего пациента. К ним относятся фамилия, имя, отчество (при наличии), адрес проживания, контактный телефон, а также реквизиты документа, удостоверяющего личность.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда заказчиком медицинских услуг выступает юридическое

лицо, а их получателем является несовершеннолетний гражданин. В этом случае необходимо учитывать не только гражданско-правовой, но и медицинско-правовой аспект. Так, в силу пункта 1 части 2 статьи 20 Федерального закона № 323-ФЗ, информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в отношении лиц, не достигших пятнадцати лет, дается их родителями или иными законными представителями. Следовательно, даже если оплата услуг осуществляется юридическим лицом, заключение договора без согласия родителя недопустимо.

В отношении подростков старше пятнадцати лет сохраняется требование о наличии письменного согласия законного представителя на получение медицинских услуг. Данное условие имеет значение не только для правомерности оказания помощи, но и для последующего урегулирования возможных споров, связанных с качеством или оплатой медицинских услуг.

Таким образом, если договор ПМУ заключается между медицинской организацией, юридическим лицом (в качестве заказчика) и несовершеннолетним пациентом, необходимо документально зафиксировать:

- сведения о заказчике (наименование, правовой статус, представитель и основание его полномочий);
- данные о несовершеннолетнем потребителе (Ф. И. О., дата рождения, место жительства, паспорт или свидетельство о рождении);
- сведения о законном представителе, выразившем согласие на заключение договора.

В тексте договора ПМУ следует четко определить распределение обязанностей сторон — кто оплачивает услуги, кто является получателем, и кто несет ответственность за предоставление согласия. Во избежание правовой неопределенности рекомендуется прямо указать, что получателем медицинских услуг является потребитель (пациент), действующий с согласия своего законного представителя.

В целом договор ПМУ, заключенный с несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет при наличии письменного согласия родителей, по своей структуре и правовым последствиям аналогичен договору, заключаемому с полностью дееспособным гражданином. Основное отличие состоит лишь в необходимости документального подтверждения участия законного представителя и указания его данных в тексте соглашения.

Корректное указание сведений о потребителе (пациенте) и заказчике имеет принципиальное значение для правовой определенности и действительности договора ПМУ. Ошибки в идентификации сторон, неполнота или неточность данных могут привести к оспариванию сделки, нарушению прав пациента и финансовым претензиям со стороны контролирующих органов.

Во избежание подобных рисков медицинским организациям рекомендуется соблюдать ряд ключевых правовых и организационных мер.

1. Тщательная идентификация сторон договора ПМУ. При заключении договора ПМУ необходимо точно фиксировать

сировать персональные данные потребителя (пациента) и заказчика, включая их фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес и реквизиты документа, удостоверяющего личность. В случае с юридическими лицами следует указывать полное наименование, организационно-правовую форму, ИНН, ОГРН и данные представителя.

2. Корректное определение правового статуса сторон. Следует чётко разграничивать, кто именно является потребителем (лицом, получающим медицинскую помощь) и кто выступает заказчиком (оплачивающим услуги). Если заказчик и потребитель совпадают, договор ПМУ может быть двусторонним; если различаются — необходимо заключение трёхстороннего договора.

3. Фиксация согласия законных представителей несовершеннолетних. При оказании услуг несовершеннолетним обязательным условием является письменное согласие родителей, усыновителей или попечителей. Его отсутствие делает оказание услуг юридически небезопасным, а договор МПУ — потенциально уязвимым с точки зрения последующего контроля или судебных споров.

4. Указание всех обязательных сведений в соответствии с Правилами № 736. В тексте договора ПМУ должны быть отражены сведения, предусмотренные подпунктами «б», «в» и «г» пункта 23 Правил, утверждённых Постановлением Пра-

вительства РФ от 31.05.2023 № 736, включая информацию о лице, заключающем договор ПМУ от имени потребителя. Отсутствие этих данных может рассматриваться как нарушение порядка оформления платных медицинских услуг.

5. Чёткое распределение прав и обязанностей сторон. В договоре ПМУ следует прямо указывать, кто оплачивает услуги, кто является получателем, а также порядок предоставления информации, уведомлений и согласий. Для юридических лиц-заказчиков важно предусматривать порядок отчётности и подтверждения факта оказания услуг.

6. Хранение доказательств заключения и исполнения договора. В целях правовой защиты медицинским организациям следует хранить копии подписанных договоров ПМУ, согласий и платёжных документов не менее установленного законом срока, а при спорах — до их окончательного разрешения.

Таким образом, минимизация рисков при заключении договоров ПМУ достигается за счёт строгого соблюдения требований законодательства, внимательной проработки договорных положений и фиксации всех юридически значимых сведений о сторонах. Грамотно оформленный договор ПМУ не только обеспечивает законность оказания услуг, но и служит эффективным механизмом защиты интересов пациента, заказчика и медицинской организации в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 N 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Е. А. Суханова. — М.: Статут, 2024.

Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности как средства обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации

Дмитриева Софья Валерьевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматривается роль гражданско-правовой ответственности при обеспечении защиты информации на примере правового регулирования защиты коммерческой тайны. Исследованы нормативно-правовые акты в части обеспечения защиты коммерческой тайны и гражданско-правового регулирования, затрагивающие тему конфиденциальности коммерчески ценной информации, а также судебная практика по спорам, возникающим в данном направлении.

Ключевые слова: коммерческая тайна, гражданско-правовая ответственность, информационная безопасность, ущерб.

В связи с развитием информационных технологий и увеличением производства и потребления данных

информационная безопасность становится одним из ключевых аспектов современного бизнеса. Стремление орга-

низаций иметь превосходство над конкурентами тесно связано с обладанием информацией, которая бы позволила получить ряд преимуществ на рынке.

На уровне организации защита информации может быть реализована посредством применения такого механизма, как режим коммерческой тайны. Одним из принципов обеспечения информационной безопасности является принцип конфиденциальности, подразумевающий требование в отношении лица, получившего конфиденциальную информацию, не осуществлять ее передачу без согласия обладателя [1]. Однако, помимо обладания такой информацией, важным аспектом является обеспечение ее защиты, например, посредством установления гражданско-правовой ответственности, возникающей при нарушении обязательств.

Под гражданско-правовой ответственностью (далее — ГПО) понимают ответственность за неисполненные или исполненные ненадлежащим образом обязательства при наличии вины, умысла или неосторожности, кроме случаев, предусмотренных законодательством и договором, в отсутствие принятия всех мер для надлежащего исполнения обязательств, затребованных характером обязательства и условиями оборота (на основании статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [далее — ГК РФ]) [2].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ (далее — закон о КТ) коммерческая тайна (далее — КТ) подразумевает под собой такой режим конфиденциальности информации, при котором ее обладатель имеет возможность получить коммерческую выгоду. Для отнесения информации к информации, составляющей КТ, необходимо соблюдение трех основных условий: коммерческая ценность; неизвестность третьим лицам, не имеющим свободного доступа к информации на законном основании; введение режима КТ в отношении данных сведений, который считается установленным при соблюдении следующих пяти мер охраны (на основании статьи 10 закона о КТ) [3].

Во-первых, это определение перечня сведений, составляющих КТ, в который не могут входить сведения, перечисленные в ст. 5 закона о КТ. Работники должны быть ознакомлены с данным перечнем под подпись. С контрагентами должны быть заключены соглашения о неразглашении конфиденциальной информации (далее — NDA [Non-disclosure agreement]), в которых должно быть определено, информация какого типа будет передаваться, а также способ ее передачи.

Во-вторых, установление порядка обращения с информацией, составляющей КТ, и контроль за его соблюдением. Данный пункт подразумевает утверждение локальных актов о введении режима КТ, а также ознакомление с ними сотрудников под подпись. Помимо этого, работники должны быть осведомлены об ответственности в случае нарушения режима КТ. В рамках взаимодействия с контрагентами в NDA должны быть предусмотрены

способы передачи информации, а также требования по защите полученной/передаваемой КТ.

В-третьих, необходимо осуществлять учет следующих лиц: 1) лиц, получивших доступ к КТ; 2) лиц, которым была передана или предоставлена КТ. В данном случае с работниками заключается обязательство о неразглашении, которое остается на хранении у работодателя для осуществления обеспечения учета предоставления доступа к КТ. При взаимодействии с контрагентом в NDA обычно имеется оговорка о том, что контрагент обязуется предоставить доступ только тем своим сотрудникам, с кем подписаны обязательства о неразглашении, а также обозначена обязанность предоставить передающей КТ стороне доказательство подписания данного документа при запросе.

В-четвертых, необходимо регулирование отношений с работниками (на основании трудовых договоров: например, включение в трудовой договор условия о необходимости сохранения конфиденциальности КТ или подписание отдельного обязательства), с контрагентами (на основании гражданско-правовых договоров: включение в договор оговорки о сохранении конфиденциальности КТ или подписание отдельного обязательства).

В-пятых, нанесение грифа «КТ», включающего в себя наименование и указание местонахождения организации, для ИП — Ф. И. О. и место жительства.

Однако даже при наличии мер, закрепленных в законе о КТ и направленных на обеспечение неразглашения КТ, существуют проблемы, которые могут затруднить привлечение к ответственности лица, допустившего разглашение КТ.

В рамках ГПО в части КТ при разглашении КТ в качестве защитного механизма, указанного в обязательствах и/или договорах с работниками и контрагентами, выступают санкции за нарушение установленного режима КТ: штраф и/или возмещение убытков (реального ущерба и/или упущенной выгоды). Статьей 11 закона о КТ предусмотрено, что при трудовых отношениях убытки могут быть взысканы не только с действующих работников, но и с тех, трудовые отношения с которыми уже прекращены. Так, при наличии установленного режима конфиденциальности, подписании обязательств о неразглашении конфиденциальной информации, принятии мер по защите и предоставлении доказательств нарушения суды взыскивают неустойку с нарушителя-работника [4]; при несоблюдении хотя бы одного из условий (например, при отсутствии реализации мер по ограничению доступа уволившегося работника к ресурсам [5]) судом может быть вынесено решение об отказе в удовлетворении требований обладателя КТ.

Помимо этого, при восстановлении прав в рамках судебных разбирательств обладатель КТ может затребовать не возмещения денежных средств, а возвращения документации, составляющей КТ (например, в случае ее удаления работником). Однако при этом должны быть также соблюдены условия, описанные выше, иначе судом будет вынесено решение об отказе в исполнении исковых требований [6].

Более того, организации — обладателю КТ при осуществлении работником неправомерных действий в отношении КТ необходимо предоставить доказательства факта нарушения и причинно-следственной связи между данным нарушением и действиями работника. В случае отсутствия такового судом может быть принято решение об отказе в удовлетворении требований по возмещению убытков [7; 8; 9].

В то же время следует отметить: условие соблюдения конфиденциальности не подразумевает, что конфиденциальная информация может быть доступна только двум сторонам — обладателю и получателю КТ. Согласно статьям 727 и 771 ГК РФ [10], разрешено сообщать КТ третьим лицам с согласия обладателя информации. Чтобы действия по предоставлению КТ могли считаться легальными, данное согласие должно быть письменным. Например, по одному из дел судом было удовлетворено требование о взыскании штрафа за разглашение, так как ответчик

(ИП) не обратился к истцу (ИП) за получением письменного согласия на осуществление данных действий [11].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность является одним из эффективных компенсаторных и превентивных механизмов обеспечения информационной безопасности коммерческого сектора экономики. Организации должны внимательно подходить к процессу внедрения организационно-правовых мер защиты КТ, так как необходимо предусмотреть меры и средства, позволяющие обеспечить доказательную базу и расчет понесенных убытков. Данное основание применимо и в отношении нарушителя-работника, и в отношении нарушителя-контрагента. В то же время работники организаций, в которых введен режим КТ, также должны быть осведомлены о своих обязанностях и ответственности при нарушении данного режима для исключения неправомерных дисциплинарных мер и мер, касающихся взыскания ущерба и/или упущенной выгоды.

Литература:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264/>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>
3. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088094>
4. Мотивированное решение Головинского районного суда г. Москвы от 14.04.2025 по делу № 02-2183/2025. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/efd80361-ee8f-11ef-892f-a961482b8295>
5. Определение Московского городского суда от 26.06.2024 по делу № 33-25291/2024. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/9b373e60-1c13-11ef-9563-9b3a33b92d24>
6. Мотивированное решение Перовского районного суда г. Москвы от 19.11.2024 по делу № 2-6046/2024. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/civil/details/2605c630-3abc-11ef-bd5e-e709955b1fa0>
7. Определение Московского городского суда от 15.08.2023 по делу № 02-11455/2022. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/civil/details/03385a50-d790-11ec-83e5-17fb28d17b58>
8. Определение Московского городского суда от 16.12.2021 по делу № 02-1974/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/civil/details/899e8e70-7779-11eb-b0bc-ade387110e83>
9. Решение Преображенского районного суда г. Москвы от 12.10.2020 по делу № 02-2564/2020. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/civil/details/650c2753-2ee8-4e36-a193-3cdc6e5f4327>
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276>
11. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 14.08.2020 по делу № А53-3578/20. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/58577b8b-1a69-456b-a5f3-9a1d87bfe2a8>

Способы защиты прав работника при незаконном увольнении: восстановление на работе и компенсация

Дяговец Илона Руслановна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена комплексному анализу системных проблем, возникающих при защите прав работника в случаях незаконного увольнения. Особое внимание уделяется практическим трудностям, с которыми сталкиваются работники при попытке восстановления на работе и взыскания компенсаций.

В работе выявляются ключевые проблемы правоприменительной практики. На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию трудового законодательства и правоприменительной практики, направленные на усиление гарантий защиты прав работников.

Ключевые слова: незаконное увольнение, восстановление на работе, компенсация, моральный вред, трудовой договор, судебная защита.

Незаконное увольнение — одна из наиболее серьезных проблем в сфере трудовых отношений в России. Ежегодно тысячи работников сталкиваются с неправомерным расторжением трудового договора, влекущим ряд серьезных последствий [6]. По данным судебной статистики, большинство трудовых споров связано именно с оспариванием увольнений, и многие из них решаются в пользу работников [1].

Незаконное увольнение представляет собой расторжение трудового договора по инициативе работодателя с нарушением установленных трудовым законодательством оснований или процедуры:

1. Нарушение материальных оснований для увольнения, когда работодатель ссылается на несуществующие или неправильно примененные основания, предусмотренные статьей 81 ТК РФ. Например, увольнение за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей при отсутствии достаточных доказательств вины работника [11].

2. Нарушение установленной процедуры увольнения. Это может выражаться в несоблюдении порядка применения дисциплинарного взыскания [8], отсутствии предварительного уведомления при сокращении штата, либо в увольнении в период временной нетрудоспособности работника [4].

3. Увольнение дискриминационного характера или нарушение специальных гарантий, предусмотренных для определенных категорий работников: увольнение женщин, беременных или имеющих детей в возрасте до трех лет, одиноких матерей с детьми-инвалидами [9, ст. 261].

Восстановление на прежней работе — основной способ защиты прав работника при незаконном увольнении. Работник имеет право обратиться за защитой в Государственную инспекцию труда (ГИТ), однако она не обладает полномочиями по восстановлению на работе, а лишь может выдать обязательное для исполнения предписание о прекращении нарушения трудовых прав. Эффективным способом защиты является обращение в суд. Работник имеет право обратиться в суд за разрешением трудового спора в течение одного месяца со дня вручения копии приказа об увольнении или выдачи трудовой книжки [9, ст. 392].

Правовые последствия восстановления на работе включают в себя:

- допуск к исполнению прежних трудовых обязанностей;
- аннулирование записи об увольнении в трудовой книжке;

- выплату среднего заработка за все время вынужденного прогула.

Параллельно с восстановлением на работе работник вправе требовать компенсации причиненного ему материального и морального вреда.

Основным видом материальной компенсации является оплата времени вынужденного прогула. При признании увольнения незаконным и восстановлении на прежней работе должен быть выплачен средний заработок за все время вынужденного прогула. Расчет среднего заработка производится в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 540 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» [5].

Компенсация морального вреда взыскивается в соответствии со ст. 237 ТК РФ. Размер компенсации определяется судом исходя из конкретных обстоятельств дела, учитывая степень физических и нравственных страданий работника, их длительность, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства [7].

Защита прав работников при незаконном увольнении сопряжена с комплексом системных проблем процессуального характера:

1. Неэффективность досудебного порядка разрешения трудовых споров. Выданные ГИТом предписания носят рекомендательный характер и могут быть оспорены работодателем в судебном порядке. Таким образом, работник вынужден проходить многоступенчатую процедуру защиты, теряя время и неся дополнительные материальные потери.

2. Уклонение работодателя от исполнения судебного решения. Работодатели нередко прибегают к различным тактикам противодействия: от создания невыносимых условий труда до затягивания процесса исполнения через механизмы судебного обжалования [2]. Фактически, работник остается лишенным возможности своевременно вернуться к трудовой деятельности и получать заработок.

3. Определение размера компенсации морального вреда. Зачастую выплаты не соответствуют перенесенным работником трудностям. Символический характер большинства присуждаемых компенсаций не компенсирует реальный ущерб, а также позволяет работодателям рассматривать судебные издержки как незначительные операционные расходы [10].

4. Доказывание. Несмотря на установленную законом презумпцию вины работодателя в спорах о незаконном увольнении, работник сталкивается с трудностями до-

ступа к доказательствам, находящимся в распоряжении работодателя.

Совокупность этих проблем свидетельствует о необходимости системного реформирования как материальных, так и процессуальных аспектов защиты трудовых прав работников. Для их решения считаем целесообразным предложить следующие изменения в трудовом законодательстве:

1. реализация возможности предварительного обеспечения иска о восстановлении на работе, когда работодатель обязан выплачивать работнику средний заработок с момента подачи искового заявления до вступления решения суда в законную силу;

2. усиление ответственности работодателей за неисполнение судебных решений о восстановлении на работе: значительное ужесточение штрафных санкций, дисквалификация должностных лиц за повторные нарушения;

3. разработка методических рекомендаций по расчету размера компенсации морального вреда с установкой четких критериев оценки с учетом длительности вынужденного прогула, возраста работника, наличия издержек и других значимых обстоятельств;

4. внедрение процедуры обязательного досудебного урегулирования для снижения нагрузки на суды и обеспечение более быстрого восстановления нарушенных прав работников.

Литература:

1. Ключевые тренды в судебной практике по трудовым спорам в 2024 году [Электронный ресурс] // AO Journal. — URL: <https://ao-journal.ru/klyuchevie-trendi-v-sudebnoy-praktike-po-trudovim-sporam-v-2024-godu/> (дата обращения: 18.10.2024).
2. Крапивина, Г. М. Защита прав работников и работодателей: уклонение от участия в примирительных процедурах / Г. М. Крапивина // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 1 (15).
3. Лютов, Н. Л. Дискриминация в сфере труда: вопросы эффективности норм и правоприменительной практики / Н. Л. Лютов, Е. С. Герасимова // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 3 (64).
4. Пятыхин, В. С. Актуальные проблемы возникновения и прекращения трудовых отношений / В. С. Пятыхин, К. В. Гришина // Вестник науки. — 2024. — № 10 (79).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2025 г. № 540 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 17. — Ст. 2155.
6. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: Весь Мир, 2021. — 400 с.
7. Сакаева, К. У. Некоторые проблемы доказывания морального вреда в случае незаконного увольнения работника / К. У. Сакаева // Современная научная мысль. — 2016. — № 1.
8. Смирнов, А. К. Проблемы применения дисциплинарных взысканий на государственной гражданской службе / А. К. Смирнов // Н.Экс.Т. — 2021. — № 2.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
10. Шаяхметова, Л. Р. Некоторые проблемы определения размера компенсаций морального вреда / Л. Р. Шаяхметова, А. М. Никифорова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 2–2.
11. Шейгец, А. А. Расторжение трудового договора за однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей / А. А. Шейгец // Вестник магистратуры. — 2019. — № 6–3 (93).
12. Зыкина, Т. А. Реализация прав работников: проблемы теории и практики: монография / Т. А. Зыкина. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. — 135 с.

Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: проблемы разграничения

Евдокимова Анна Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ключенко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье проведен сравнительный анализ таких уголовно-наказуемых преступлений как злоупотребление и превышение должностных полномочий. На основе исследования элементов составов исследуемых преступлений выявлены проблемы и характерные особенности в целях правильной квалификации.

Ключевые слова: должностные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, компетенция, действия, корыстная заинтересованность, привилегия, превышение.

Abuse of power and exceeding official authority: problems of delineation

Evdokimova Anna Andreevna, master's student

Scientific advisor: Klochenko Larisa Nikolaevna, d. in law, ph.d. in philology, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article provides a comparative analysis of such criminal offenses as abuse of office and exceeding of official powers. Based on the analysis of the elements of the crimes under study, problems and characteristic features are identified for the purpose of proper legal qualification.

Keywords: official occupational crimes, abuse of official powers, competence, actions, self-interest, privilege, exceeding of powers.

Каждое правовое государство обязано защищать права, свободы и интересы своих граждан, общества и самого государства. Если государство стремится эффективно реализовывать данные задачи, тогда приоритетными направлениями деятельности власти, должны быть именно защита данных факторов, а также соблюдение всех правовых принципов. В ситуации, когда государство ведет малоэффективную деятельность в данной области, уже нельзя будет говорить о том, что страна соблюдает данные принципы. Именно поэтому, следует больше внимания уделять правопорядку, функционированию аппарата власти и его служащих, реализации политических, экономических и социальных мер.

Если говорить о статистических данных, то в нашей стране ежегодно увеличивается количество преступлений, совершаемых служащими государственных органов и организаций, соответственно, повышается и количество лиц, которые подлежат административной и уголовной ответственности. В целях результативной борьбы с подобными негативными явлениями, следует вовремя и оперативно предотвращать подобные преступления, внедрять профилактические мероприятия, направленные на формирование правовой среды существования и функционирования общества. Кроме того, следует больше внимания уделять научным разработкам новых методов противостояния данным преступлениям.

Наибольшие проблемы в разграничении составов преступлений указанной главы возникают между ст. ст. 286 и 285 УК РФ [1]. На фоне того, что подобные виды преступлений также зафиксированы в статье 30 УК РФ, необходимо рассмотреть аналогичность определенных признаков состава преступления.

Стоит начать с того, что объект посягательства одинаковый — общественные отношения, защищающие государственную власть и органы местного самоуправления, обеспечивающие их нормальное существование и функционирование. Если должностные лица позволяют себе злоупотреблять властью, это оказывает негативное воздействие на работу органов власти всех уровней, подрывает авторитет государства, которое теряет доверие граждан и свою репутацию.

Второй аспект, это субъект преступления, коим является должностное лицо. В действующем законодательстве отмечено, что все государственные служащие обладают

полномочиями, обязанностями и профессиональными правилами выполнения своей служебной деятельности. Следовательно, опираясь на все ранее изложенное, можно сделать вывод, что указанные выше статьи УК РФ распределяют рассматриваемые преступления по объективным и субъективным признакам.

Как ранее было отмечено, рассматриваемые преступления осуществляются должностными лицами в основной массе в тот момент, когда они выполняют свои служебные обязанности. В частности, служащий может принять решение, которое либо не входит в его полномочия, либо превышает их, что и является преступными действиями, которые предусмотрены в действующем УК РФ.

Следовательно, при рассмотрении подобного преступного действия, его необходимо квалифицировать в качестве преступления, при котором чиновник не выполняет своих прямых обязанностей. В ситуации, когда необходимо разделить статьи 285 и 286 УК, важно выявить все полномочия должностного лица, что позволит точно определить каким именно образом, служащий злоупотребил своими полномочиями.

Здесь необходимо отметить, что должностные преступления могут характеризоваться как реализацией неких действий, так и посредством бездействия. Именно поэтому, согласно действующему законодательству, превышение служебных обязанностей относится к действиям. Так, эксперт Яни П. С. отмечает, что преступные действия, относящиеся к указанным выше статьям, характеризуются более полным объективным составом преступления, чем те преступные действия, которые относятся к бездействию [2]. Автор статьи соглашается с подобной точкой зрения эксперта, т. к. превышение своих полномочий чиновником, является осознанным действием, которое вызывает нарушение служебных полномочий с корыстными стремлениями, личным интересом служащего.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 наказание за нарушение своих служебных обязанностей — это активные действия должностного лица, которые точно превышают границы его полномочий, которые служащий сознательно реализовывал, стремясь получить определенную выгоду. Иными словами, в момент превышения служебных обязанностей, должностное лицо реализует те действия, которые не входят в зону его компетенции.

В свою очередь, исследователи Воробьева С. В. и Волков И. А. говорят о том, что в процессе превышения служебных полномочий, должностное лицо пытается придать данным действиям вид служебной деятельности, хотя по сути, он выходит за рамки своих должностных обязанностей [3]. Опираясь на все сказанное, можно сделать вывод, в действующее законодательство целесообразно ввести перечень границ должностных полномочий государственных служащих с их обязанностями и правами, что позволит проводить более точную квалификацию рассматриваемых преступлений.

Здесь необходимо также отметить, что важным является и субъективная сторона данных преступных действий, т. е. именно данный фактор позволяет отделить подобные должностные преступления друг от друга.

Так, субъективная сторона подобных преступных действий заключается в том, что служащий осознанно совершает данные действия, реализовывает их с прямым умыслом, что выражается в принятии тех решений, которые выходят за рамки его полномочий, не входят в перечень его служебных обязанностей, а также не включены в зону его служебной ответственности.

В любом случае, в процессе совершения преступных действий, должностное лицо осознает наступление возможных последствий, которые будут выражаться в нарушении прав, свобод и интересов населения, общества и государства. Кроме того, своими действиями он наносит ущерб деятельности государственной структуры.

Также нельзя забывать о том, что подобные преступления совершаются с корыстными целями, когда слу-

жащие преследуют свои личные интересы либо интересы третьих лиц. Так, данный фактор нашел свое отражение в статье 285 УК РФ. В данном акте отмечено, что должностные лица, совершающие подобные преступления, желают реализовать свои интересы, выгоды в свою пользу либо в пользу третьих лиц [4].

По мнению исследователя Трухиной В. Г., должностное преступление нельзя квалифицировать как таковое в том случае, если не определены корыстные мотивы преступника и поэтому придется искать иные обстоятельства, на основании которых можно квалифицировать преступление в качестве должностного злоупотребления [5]. Иначе говоря, мотивация преступника в данном случае является вторичным, дополнительным признаком, который относится к субъективным признакам преступного действия. Но с точки зрения ст. 285 УК РФ, это основной признак, посредством которого отделяется злоупотребление полномочиями от превышения служебных обязанностей.

Опираясь на все изложенное в данной статье, можно сделать вывод, что разница между рамками злоупотребления полномочиями и превышением служебных обязанностей, все еще досконально не рассмотрена действующим законодательством, что вызывает множество противоречий в судебной практике. Именно поэтому, экспертам и законодателям необходимо оперативно решить проблемы, связанные с рассматриваемыми преступлениями, чтобы процесс квалификации подобных преступлений, проходил правильно и справедливо, суды не допускали ошибок в процессе судебного рассмотрения подобных дел.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) URL: <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=md8raadngk504314174> (дата обращения: 17.07.2025).
2. Яни П. С. Вопросы квалификации должностных преступлений в постановлении Пленума ВС РФ и судебной практике // Законность. — 2014. — № 4. — С. 28. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77639-voprosy-kvalifikacii-dolzhnostnykhprestuplenij-postanovlenii-plenuma-sudebnoj> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Воробьева С. В., Волков И. А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — № 14. — С. 206–215. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=md8r3puty7283875087&id=43103558> (дата обращения: 17.07.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8117/> (дата обращения: 17.07.2025).
5. Трухина В. Г. Проблемы отграничения превышения должностных полномочий от смежных составов преступлений // Экономика и социум. — 2020. — № 6- 2 (73). — С. 448–455. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43171852&ysclid=md8r8thxeg201194018> (дата обращения: 17.07.2025).

Проблемы законодательной регламентации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ)

Елисеев Радик Русланович, студент;

Павлов Владимир Валерьевич, студент

Научный руководитель: Писаревская Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются вопросы уголовно-правовой оценки жестокого обращения с животными, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: ответственность, жестокое обращение, животные, нравственность, садизм.

Проблема жестокого обращения с животными актуальна по нескольким причинам. Во-первых, с каждым годом количество преступлений, связанных с жестоким обращением с животными возрастает. Во-вторых, данное преступление обладает высокой степенью латентности.

Согласно пункту 5 части 1 статьи 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», под жестоким обращением с животными следует понимать обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, и иными действиями) [1].

Объективные признаки жестокого обращения с животным включают в себя общественно опасное деяние, последствие, и причинно-следственную связь между ними. Иными словами, жестокое обращение с животными должно повлечь их гибель или увечье. Субъективный признак характеризуется умыслом и целью причинить животному боль и (или) страдания, а равно должны быть установлены хулиганские или корыстные побуждения.

Как отмечают В. С. Тищенко и С. С. Медведев, на практике отсутствует единое понимание целей «боль» и «страдания», причиняемые животному, они «создают сложности в правоприменительной сфере, следствием чего является невозможность применить статью 245 УК РФ на практике» [2, с. 242]. В некоторых случаях, которые можно было бы расценивать, как уголовно наказуемое жестокое обращение с животными, такие действия не признаются таковыми, поскольку не были установлены цель причинения боли и страданий животному, хулиганские или корыстные мотивы, а также применение садистских методов. Так, в соответствии с решением суда, действия Б., приведшие к смерти котенка, не могут быть квалифицированы как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 245 УК РФ, поскольку они не соответствуют объективной стороне данного преступления, которая предполагает длительное жестокое обращение с животным. Таким образом, в действиях Б. отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, и он подлежит оправданию [3].

Для решения указанной проблемы высказываются идея о пересмотре статьи 245 УК РФ, а именно исключении обязательного установления хулиганских, корыстных или иных побуждений, то есть сфокусироваться на самом факте жестокого обращения с животными. Данная идея подкреплена мнением общественности, в частности, авторы петиции «О необходимости внесения изменений в статью 245 УК РФ» указывают следующее: «умышленное действие, выразившееся в жестоком обращении с животными, уже в силу самого определения «жестокости» посягает на общественную нравственность в сфере гуманного отношения к животным и не требует дополнительных квалифицирующих признаков, таких как «из хулиганских побуждений», «из корыстных побуждений» и «в присутствии малолетнего» [4]. С данным утверждением следует согласиться, поскольку деяние в виде жестокого обращения с животным, повлекшее его гибель или увечье, представляет общественную опасность, даже если отсутствуют дополнительные признаки, такие как цель причинения боли и (или) страданий, хулиганские или корыстные побуждения. Кроме того, цель причинения боли и страданий животному в основном составе преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, излишняя, поскольку жестокое обращение уже подразумевает под собой неподобающее с точки зрения общественной морали отношение к животному. Включение данного признака в основной состав преступления приводит к тому, что правоприменитель в основном составе исследуемого преступления стремится установить особую степень жестокости по отношению к животному, которая уже находит свою оценку в квалифицированном составе преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 245 УК РФ. Так, К. В. Колесникова считает, что законодательная формулировка создаёт противоречия в правоприменении: термины «жестокое обращение» и «садистские методы» не имеют чёткого разграничения [5, С. 125].

Таким образом, теория и практика показывают необходимость пересмотра основного и квалифицированного составов преступления, предусмотренных статьёй 245 УК РФ. Одним из путей совершенствования может стать исключение из основного состава (часть 1 статьи 245 УК РФ) хулиганских, корыстных побуждений и цели причинения

животному боли и страданий, то есть сохранение в диспозиции только факта жестокого обращения с животными, которое повлекло гибель или увечье животного. При этом

признаки, связанные с хулиганскими или корыстными побуждениями, могут быть перенесены в квалифицированный состав.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2018. — № 53 (ч. 1). — Ст. 8424.
2. Тищенко В. С., Медведев С. С. Правовые проблемы жестокого обращения с животными // Скиф. — 2021. — № 6 (58). — С. 240–245.
3. Оправдательный приговор № 1–45/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 1–45/2020 Усть-Куломский районный суд (Республика Коми).
4. О необходимости внесения изменений в статью 245 УК РФ. URL: <https://www.change.org/p/президент-российской-федерации-путин-в-о-необходимости-внесения-изменений-в-статью-245-ук-рф-жестокое-обращение-с-животными?ysclid=mgjx8hai1301747407> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Колесникова К. В. Установление содержания оценочных признаков состава преступления в ст. 245 УК РФ: современные проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 12–3. — С. 124–126.

Проблемы квалификации деятельности по перевозке пассажиров без лицензии

Ипатов Никита Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дерюга Артем Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье автор исследует проблемы квалификации деятельности по перевозке пассажиров без лицензии. Анализируется разграничение составов административных правонарушений, предусмотренных статьями 14.1.2 и 19.20 КоАП РФ, а также особенности их применения в судебной практике.

Ключевые слова: административное право, лицензирование деятельности по перевозке пассажиров, предпринимательская деятельность.

В соответствии с подпунктом 24 пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», осуществление деятельности по перевозке пассажиров и иных лиц автобусами подлежит обязательному лицензированию [1]. Следовательно, каждый потенциальный перевозчик обязан получить соответствующую лицензию в уполномоченном органе. Тем не менее, на практике данное требование соблюдается не всеми хозяйствующими субъектами. Нередко деятельность по перевозке пассажиров осуществляется без надлежащего оформления лицензии, что создает угрозу безопасности перевозок и нарушает установленный порядок государственного контроля в сфере автотранспорта. Отсутствие указанной лицензии квалифицируется как административное правонарушение и влечёт ответственность, предусмотренную частью 1 статьи 14.1.2 КоАП РФ — осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии, либо частью 1 статьи 19.20 КоАП РФ — осуществление деятельности, не связанной с извлечением прибыли, без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (лицензия) обязательно (обязательна)

[2]. Следует отметить, что ключевое различие данных составов административных правонарушений заключается именно в характере осуществляемой деятельности: в первом случае — предпринимательской (коммерческой), направленной на систематическое извлечение прибыли, во втором — некоммерческой, осуществляемой без цели получения дохода.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [3]. Согласно пункту 3.2 Письма ФНС России от 07.05.2019 № СА-4-7/8614 «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения», к деятельности, не соответствующей данному определению, относятся случаи нерегулярной реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг. При этом разовое оказание личных услуг также не может однозначно свидетельствовать о наличии признаков си-

стематичности в деятельности физического лица и о её предпринимательском характере. В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» отмечено, что отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состава административного правонарушения в виде осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли.

Доказательствами, подтверждающими факт занятия указанными лицами деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, в частности, могут являться:

- показания лиц, оплативших товары, работу, услуги, расписки в получении денежных средств,
- выписки из банковских счетов лица, привлекаемого к административной ответственности, акты передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг), если из указанных документов следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг),
- размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, закупку товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений.

Вместе с тем само по себе отсутствие прибыли не влияет на квалификацию указанного правонарушения, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом [4].

Из приведённого регулирования следует, что квалификация деятельности как предпринимательской зависит прежде всего от наличия признака систематичности и направленности на извлечение прибыли. Нерегулярные, эпизодические продажи товаров, выполнение работ или оказание услуг сами по себе не образуют предпринимательскую деятельность и, следовательно, не требуют государственной регистрации или лицензирования. Такой подход подтверждается как положениями статьи 2 ГК РФ, разъяснениями ФНС России, так и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Следуя данной позиции, надзорный орган при привлечении перевозчика к ответственности по части 1 статьи 14.1.2 КоАП РФ обязан доказать не только факт получения перевозчиком дохода (прибыли) за оказанные услуги, но и наличие признака систематичности такой деятельности, свидетельствующего о её предпринимательском характере. В результате разовая (эпизодическая) перевозка пассажиров по определённому маршруту за плату без лицензии подлежит квалификации не по части 1 статьи 14.1.2 КоАП РФ, а по части 1 статьи 19.20 КоАП РФ.

Таким образом, для достоверного установления предпринимательского характера деятельности перевозчика надзорный орган обязан зафиксировать несколько эпизодов оказания им услуг по перевозке пассажиров.

Однако подобный подход может повлечь определённые трудности, связанные с процессуальным оформлением и доказыванием состава административного правонарушения. Необходимость фиксации нескольких эпизодов деятельности усложняет работу надзорного органа, увеличивает объём собираемых доказательств и нередко приводит к затягиванию производства по делу. Вместе с тем, в судебной практике сформировался подход, который не всегда соответствует указанной позиции.

В Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 21-АД21-1-К5 рассматривался случай, связанный с единичным эпизодом перевозки семи пассажиров по автомобильной дороге общего пользования по маршруту «Пятигорск — Нальчик» без специального разрешения (лицензии), осуществлённой водителем Хавцуковым М. Х. Утверждение защитника о том, что 30 октября 2020 года Хавцуковым М. Х. осуществлялась разовая поездка, от которой прибыль он не получал, подвозил своих знакомых и родственников в количестве семи человек по различным личным нуждам, своего подтверждения не нашло, на что, в числе прочего, обоснованно указано в обжалуемом постановлении заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции [5]. Согласно Постановлению Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 05 марта 2021 г. по делу № 16-312/2021, обстоятельства вменяемого Хавцукову М. Х. административного правонарушения, нашедшие отражение в материалах дела, убедительно доказывают факт осуществления им предпринимательской деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что он следовал по маршруту «Пятигорск — Нальчик», более того, о том, что перевозка пассажиров, являющихся его родственниками и знакомыми, осуществлялась безвозмездно в ходе привлечения к ответственности Хавцуков М. Х. не заявлял. Напротив, в протоколе по делу об административном правонарушении, в котором изложено событие административного правонарушения и указано на перевозку пассажиров с взиманием платы за проезд, в объяснениях Хавцуков М. Х. указал только на незнание требования о получении лицензии, иных доводов и возражений не привел, о перевозке 30 октября 2020 года членов своей семьи и иных близких не сообщил. В рамках настоящей жалобы каких-либо доказательств в подтверждение своей позиции Хавцуков М. Х. не представил. Административное наказание назначено Хавцукову М. Х. в пределах санкции части 1 статьи 14.1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6].

В другом случае — в Постановлении по делу об административном правонарушении от 19 мая 2025 г. № 5-327/2025, вынесенном мировым судьёй судебного участка № 20 судебного района «Краснофлотский район г. Хабаровска», — было назначено административное на-

казание, предусмотренное частью 1 статьи 14.1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Основанием для такой квалификации послужили материалы дела, в частности протокол опроса пассажира, который пояснил, что приобрёл билет за плату, а также фотоматериалы, содержащие снимок данного билета. В то же время показания водителя, изложенные в протоколе его опроса, противоречили указанным сведениям — он утверждал, что перевозил знакомых и родственников безвозмездно. Таким образом, суд признал более достоверными показания пассажира, сочтя их подтверждёнными иными материалами дела, и именно на их основании сделал вывод о наличии в действиях водителя признаков предпринимательской деятельности по перевозке пассажиров без лицензии.

Интересно отметить, что в рассматриваемых ситуациях суд не стал исследовать такой обязательный признак предпринимательской деятельности, как систематичность извлечения прибыли. Между тем именно наличие данного признака, согласно определению предпринимательской деятельности, закреплённому в статье 2 ГК РФ, позволяет квалифицировать деятельность физического лица как предпринимательскую.

Итак, приведённые дела демонстрируют, что даже при наличии лишь одного зафиксированного эпизода перевозки пассажиров суды могут признать деятельность физического лица предпринимательской, если совокупность доказательств (маршрут, взимание платы, отсутствие возражений или подтверждения безвозмездного характера перевозки) свидетельствует о её коммерческой направленности. Данная позиция фактически смещает акцент с критерия систематичности на анализ обстоятельств конкретного случая и подтверждает, что в правоприменительной практике допускается квалификация единичной перевозки по части 1 статьи 14.1.2 КоАП РФ.

Анализ рассмотренных судебных актов позволяет сделать вывод о том, что проблема нелегальных перевозок за плату отнюдь не исчерпана. Несмотря на то что в ряде случаев суды квалифицируют даже единичные эпизоды перевозки как предпринимательскую деятельность, на практике остаются ситуации, когда доказать факт получения платы крайне затруднительно. Так, водитель в протоколе объясняет, что перевозил близких или знакомых безвозмездно, а пассажиры, опасаясь ухудшения отношений или

отказа в будущих поездках, отказываются от дачи пояснений либо подтверждают безвозмездный характер перевозки. В результате надзорному органу нередко оказывается сложно собрать достаточную доказательственную базу для привлечения лица к ответственности по части 1 статьи 14.1.2 КоАП РФ, что снижает эффективность борьбы с нелегальными перевозками.

Например, в Постановлении по делу об административном правонарушении от 11 июня 2025 г. № 5–426/2025, вынесенном мировым судьёй судебного участка № 23 судебного района «Краснофлотский район г. Хабаровска», было назначено административное наказание, предусмотренное частью 1 статьи 19.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Основанием для такой квалификации послужил протокол опроса водителя, который пояснил, что перевозил знакомых в количестве девяти человек безвозмездно. Пассажиры отказались давать пояснения, ссылаясь на опасения ухудшения отношений с водителем.

Вместе с тем, по нашему мнению, перевозка сразу девяти человек по одному маршруту свидетельствует о возможной организованности и систематичности таких поездок, что ставит под сомнение безвозмездный характер оказанной услуги.

Таким образом, в отсутствие доказательств получения платы за перевозку и сведений, подтверждающих систематичность осуществления такой деятельности, суд квалифицировал действия лица как осуществление деятельности без лицензии, не связанной с извлечением прибыли, то есть по части 1 статьи 19.20 КоАП РФ.

Сопоставление приведённых судебных решений позволяет сделать вывод о том, что в правоприменительной практике отсутствует единообразие в квалификации действий водителей, осуществляющих перевозку пассажиров без лицензии. В одних случаях суды усматривают признаки предпринимательской деятельности, ограничиваясь единственным фактом получения платы за проезд, в других — признают деятельность непредпринимательской, если доказательства извлечения прибыли отсутствуют либо носят спорный характер. Такая неоднородность судебных подходов свидетельствует о пробелах в действующем законодательстве и о необходимости более чёткого нормативного разграничения составов административных правонарушений, предусмотренных статьями 14.1.2 и 19.20 КоАП РФ.

Литература:

1. О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ. — Ст. 12 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/6a4a5b5468ba8b99831699f7d048d2a5d7710610/ (дата обращения: 21.10.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. — (ред. от 31.07. 2025 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.10.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноя. 1994 г. № 51-ФЗ. — Ст. 2 (ред. от 31.07. 2025 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (дата обращения: 21.10.2025).

4. О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения: письмо ФНС России от 07 мая 2019 г. № СА-4-7/8614 — П. 3.2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325223/8d115e39afb0f082d2f24ebc8e8a79f20fd36fc6/ (дата обращения: 21.10.2025).
5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2021 года № 21-АД21-1-К5 // Судебные и нормативные акты. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/401525662/paragraph/3/doclist/12669/1/0/0/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%205%20%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8F%202021%20%D0%B3.%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83%20N%203-1181|2020:0> (дата обращения: 21.10.2025).
6. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 05 марта 2021 г. по делу № 16-312/2021 // Судебные и нормативные акты. Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/319112057/paragraph/16:0> (дата обращения: 21.10.2025).

Ответственность за причинение вреда при использовании высокоавтоматизированных транспортных средств

Ипатов Никита Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дерюга Артем Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

Автор исследует правовые проблемы установления и распределения ответственности за вред, причинённый в результате эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств.

Ключевые слова: высокоавтоматизированное транспортное средство, искусственный интеллект, правовая ответственность.

Современное развитие технологий способствует активному внедрению в транспортную сферу высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС), способных передвигаться без постоянного участия водителя. Это явление трансформирует не только техническую инфраструктуру, но и порождает принципиально новые задачи для правовой науки и законодательной практики. Несмотря на очевидные преимущества — повышение безопасности дорожного движения, снижение количества аварий, рост мобильности — правовая система большинства стран, включая Российскую Федерацию, пока не готова к полному правовому сопровождению процесса внедрения ВАТС. Согласно статье 2 проекта Федерального закона Российской Федерации «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ВАТС определяется как инновационное транспортное средство, оснащённое автоматизированной системой управления. При этом в той же статье законопроекта автоматизированная система управления характеризуется как совокупность аппаратных и программных средств, обеспечивающих динамическое управление транспортным средством [4]. В данном случае термин «инновационное транспортное средство» используется в значении, закреплённом в Техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств». Инновационное транспортное сред-

ство — транспортное средство, в котором применены новые конструктивные решения, качественно изменяющие его основные эксплуатационные показатели, и которое не может быть оценено в соответствии с настоящим техническим регламентом (пункт 6 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств») [3].

Одной из ключевых проблем остаётся неопределённость в вопросе ответственности за причинение вреда при участии ВАТС в дорожном движении. Действующее законодательство РФ (в частности, Гражданский кодекс и Кодекс об административных правонарушениях) исходит из презумпции наличия водителя, способного контролировать транспортное средство и нести ответственность за его действия. Согласно статье 1064 ГК РФ, по общему правилу, вред, причинённый личности или имуществу гражданина, а также вред, причинённый имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред. Статья 1079 ГК РФ — устанавливает ответственность владельца источника повышенной опасности (в том числе транспортного средства) за причинённый вред, независимо от вины [2]. Это ключевая норма, применяемая к случаям ДТП и аналогичным ситуациям. Статья 12.24 КоАП РФ — предусматривает административную ответственность водителя за нарушение ПДД, повлекшее причинение вреда здоровью. Статья 12.27 КоАП РФ — закрепляет ответственность за

невыполнение обязанностей в связи с ДТП. Статья 2.1 КоАП РФ — общая норма, устанавливающая принцип вины лица в совершении административного правонарушения, подразумевающая наличие субъекта — водителя, совершающего действия [1]. При использовании ВАТС возникает ситуация, при которой традиционные субъекты ответственности — владелец и водитель — не в состоянии предотвратить наступление вреда, что вызывает сомнения в справедливости их привлечения к ответственности. Более того, в некоторых случаях такие субъекты могут отсутствовать вовсе, например, при эксплуатации полностью автономного транспортного средства без участия человека. В таком случае возникает вопрос: кого привлекать к ответственности за причинённый вред — владельца транспортного средства, производителя, разработчика программного обеспечения или оператора, обеспечивающего функционирование системы? Отсутствие однозначного ответа в законодательстве создаёт правовую неопределённость, что особенно важно при рассмотрении дел о ДТП с участием ВАТС.

Проще определить виновника ДТП, когда ВАТС управляется вручную и водитель находится за рулём, в таком случае традиционные нормы ответственности применимы напрямую. Например, в ноябре 2019 г. в Москве беспилотный автомобиль попал в ДТП по вине водителя, который находился за рулем [8].

Дело о гибели Элейн Херцберг приобретает особую юридическую значимость. 18 марта 2018 года беспилотный автомобиль компании Uber смертельно сбил 49-летнюю Элейн Херцберг, которая переходила улицу с велосипедом. На момент аварии автомобиль Volvo XC90 2017 года находился в режиме автономного вождения, однако внутри автомобиля присутствовала сотрудница Uber Рафаэла Васкес в качестве «назначенного водителя». Её обязанности включали мониторинг ключевых диагностических показателей автомобиля и вмешательство в управление вручную в случае сбоя системы. В ту ночь Васкес не выполняла свои официальные обязанности и, по сообщениям, смотрела телешоу за несколько минут до аварии. Элейн Херцберг стала первой пешеходкой, погибшей в результате столкновения с беспилотным автомобилем, принадлежащим компании Uber. По результатам судебного разбирательства к уголовной ответственности была привлечена Рафаэла Васкес, поскольку она нарушила правила эксплуатации ВАТС. В полицейском отчёте города отмечается, что Васкес постоянно отвлекалась и не следила за дорожной обстановкой. При этом прокуратура заявила, что компания Uber не несёт уголовной ответственности за происшествие [5]. Однако, по мнению исследователя Хелен Стемп, компания Uber также должна была быть привлечена к ответственности по следующим причинам:

1. Сотрудники Uber эксплуатировали тестовые автомобили с дефектной технологией на общественных дорогах;

2. Не были разработаны комплексные политики безопасности и управления усталостью водителей;

3. Решение Uber сократить количество операторов с двух до одного требовало от единственного оператора выполнения нескольких задач одновременно;

4. Uber игнорировала риск возникновения эффекта самодовольства у водителя в условиях автоматизации;

5. Были отключены системы безопасности Volvo, обеспечивающие защиту пассажиров и пешеходов;

6. Внедрён режим «подавления действий», при котором экстренное торможение могло быть заблокировано [6].

Таким образом, Рафаэла Васкес была привлечена к уголовной ответственности, хотя фактически не осуществляла управление транспортным средством в традиционном смысле. Её вина заключалась в бездействии, выразившемся в невыполнении возложенной обязанности по контролю за работой автоматизированной системы и несвоевременном вмешательстве в управление. Данный случай демонстрирует, что в условиях использования ВАТС границы между действием и бездействием оператора становятся размытыми, а правоприменительная практика вынуждена адаптировать традиционные институты ответственности к новым технологическим реалиям.

Ответственность за причинение вреда при эксплуатации ВАТС может быть возложена не только на оператора, но и на разработчиков программного обеспечения или владельцев транспортных средств, если будет установлено, что дорожно-транспортное происшествие произошло вследствие технической неисправности или дефекта системы искусственного интеллекта. Показательным примером является случай, произошедший в марте 2018 года в США, когда в результате аварии погиб инженер компании Apple Уолтер Хуанг. Его автомобиль Tesla Model X, оснащённый системой автопилота, столкнулся с бетонным разделителем, который система не смогла распознать как препятствие. Как выяснило следствие, ранее водитель уже сталкивался с ошибками в работе автопилота именно на этом участке дороги, однако дефект не был устранён. Таким образом, данный инцидент продемонстрировал потенциальную ответственность разработчиков искусственного интеллекта за ненадлежащее функционирование алгоритмов, создающих угрозу безопасности дорожного движения [9].

Вопрос об ответственности за вред, причинённый в результате сбоя программного обеспечения или неисправности сенсорных систем ВАТС, остаётся одним из наиболее спорных в юридической науке. С формальной точки зрения, в подобных случаях ответственность может быть возложена на производителя транспортного средства или разработчика программного обеспечения, если будет доказано, что сбой возник вследствие конструктивного или программного дефекта.

Однако в современных условиях, когда системы искусственного интеллекта обладают способностью к самообучению и автономному принятию решений, установить конкретное виновное лицо становится крайне затруднительно. Данную проблему отмечает и американский исследователь Майкл Л. Рустед, указывая, что «...традиционное программное обеспечение само по себе не убивает —

по крайней мере, без возможности человеческого вмешательства. Однако, когда программный код напрямую управляет физическими системами, сбои в коде приводят к физическим авариям» [6]. Производитель зачастую не контролирует процесс обучения нейронной сети и не может предсказать, каким образом алгоритм поведёт себя в нестандартной дорожной ситуации. В этом аспекте искусственный интеллект выступает как самостоятельный субъект технологического воздействия, чьи действия не всегда могут быть сведены к воле разработчика.

Таким образом, возникает правовая коллизия: с одной стороны, действующее законодательство требует наличия субъекта ответственности, с другой — технологии машинного обучения делают традиционные механизмы вменения вины неприменимыми. Это создаёт необходимость пересмотра существующих подходов к распределению ответственности между производителем, оператором и самим программным комплексом, а также постановки вопроса о возможности признания искусственного интеллекта особым субъектом права.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. — (ред. от 31.07. 2025 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.10.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ. — [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/5366:3> (дата обращения: 21.10.2025).
3. О безопасности колесных транспортных средств: Технический регламент Таможенного союза от 09 дек. 2011 г. № 018/2011 — п. 6 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/70106658/paragraph/1391:4> (дата обращения: 21.10.2025).
4. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закон от 10 июня 2021 г. — Ст. 2 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/56880577/paragraph/1:2> (дата обращения: 21.10.2025).
5. DeArman, A. The wild, wild west: a case study of self-driving vehicle testing in arizona / A. DeArman. — Текст: непосредственный // Arizona Law Review. — 2019. — № 61. — С. 983–1012.
6. Rustad, M. L. Products Liability for Software Defects in Driverless Cars / M. L. Rustad. — Текст: непосредственный // Southern California Interdisciplinary Law Journal. — 2023. — № 32. — С. 171–247.
7. Stamp, H. The Reckless Tolerance of Unsafe Autonomous Vehicle Testing: Uber’s Culpability for The Criminal Offense of Negligent Homicide / H. Stamp. — Текст: непосредственный // Journal of Law, Technology & the Internet. — 2024. — № 15. — С. 37–75.
8. В Москве беспилотник «Яндекса» попал в ДТП из-за своего водителя. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dcad00b9a7947e811bbc300?ysclid=mglz217oex518278524> (дата обращения: 22.10.2025).
9. Tesla settles lawsuit over Apple engineer’s death in 2018 crash involving Autopilot. — Текст: электронный // CBS News: [сайт]. — URL: <https://www.cbsnews.com/sanfrancisco/news/tesla-autopilot-fatal-crash-lawsuit-settlement-walter-huang-apple-engineer-mountain-view/> (дата обращения: 22.10.2025).

Классификация и функции источников конституционного права

Исаева Лейла Балаудиновна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется понятие, структура, классификация и функциональное назначение источников конституционного права Российской Федерации. Раскрываются теоретические подходы к определению форм выражения конституционно-правовых норм, приводится анализ действующей иерархии источников, их юридической силы и роли в обеспечении устойчивости правового регулирования. Особое внимание уделяется Конституции как основному источнику, обладающему высшей юридической силой, а также тенденциям развития системы источников в условиях цифровизации и международной интеграции. На основе анализа научных позиций и нормативно-правовых актов сделан вывод о возрастающем значении судебной практики и международных договоров как элементов современного механизма конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: источники конституционного права, классификация, функции, Конституция Российской Федерации, нормативно-правовые акты, закон.

Classification and functions of sources of constitutional law

The article examines the concept, structure, classification, and functional significance of the sources of constitutional law in the Russian Federation. The study explores theoretical approaches to defining the forms of constitutional and legal norms, analyzes the existing hierarchy of sources, their legal force, and their role in ensuring the stability of legal regulation. Particular attention is paid to the Constitution as the supreme source of law, as well as to current trends in the development of the system of sources under the conditions of digitalization and international integration. Based on the analysis of scientific perspectives and normative acts, the author concludes that judicial practice and international treaties are becoming increasingly important elements of the modern mechanism of constitutional and legal regulation.

Keywords: sources of constitutional law, classification, functions, Constitution of the Russian Federation, normative legal acts, law.

В структуре российской юриспруденции конституционное право занимает центральное положение, поскольку оно регламентирует фундаментальные общественные связи. Эти отношения затрагивают принципы государственного устройства, основы конституционного строя, правовой статус личности, а также порядок формирования и деятельности институтов публичной власти и муниципального управления. Глубокое постижение сущности и назначения источников данной отрасли права создает предпосылки для их действенного применения и точного определения их позиции в иерархии отечественного законодательства.

Актуальность данного исследования продиктована стремительной эволюцией законодательства и трансформацией общественно-политического ландшафта, что влечет за собой настоятельную потребность в переосмыслении места источников конституционного права. Наблюдаемое усиление авторитета судебной практики, в первую очередь постановлений Конституционного суда РФ, параллельно с растущим значением международно-правовых стандартов и цифровизации нормотворчества — всё это обуславливает настоятельную потребность в целостном анализе структуры и функционального назначения источников конституционного права.

Источники конституционного права представляют собой формы выражения и закрепления правовых норм, регулирующих основы государственного строя и правовой статус личности. Их классификация осуществляется по различным критериям: юридическая сила, форма выражения, субъект правотворчества, сфера действия и характер регулируемых отношений.

Классификация источников конституционного права позволяет систематизировать различные формы нормативного выражения правовых норм и выявить их место в правовой иерархии.

Проблематика понятия и сущности источников конституционного права занимает одно из центральных мест в отечественной теории права, поскольку именно через категорию «источник права» раскрывается форма существования и выражения правовых норм, их связь с системой государственной власти и обществом в целом. Несмотря на кажущуюся однозначность термина, в современной юридической науке сохраняются разные подходы

к его пониманию, что обусловлено различиями методологических позиций исследователей, а также изменениями в социально-политическом контексте развития государства.

В общем смысле источник права рассматривается как форма выражения и закрепления правовых норм, их официальный носитель. Однако уже в середине XX века в юридической науке утвердилось различие материального и формального понимания источников. Как отмечал С. С. Алексеев, в материальном смысле источниками права являются общественные отношения, социальные факторы и условия, порождающие потребность в правовом регулировании; в формальном — внешние формы, в которых находит свое закрепление государственная воля [2]. Таким образом, материальный подход акцентирует внимание на происхождении норм, а формальный — на их юридическом выражении.

Согласно позиции М. В. Баглая, источники конституционного права представляют собой «официальные формы выражения норм, регулирующих основы государственного строя, систему органов власти, статус личности и отношения между человеком и государством» [3]. Исходя из этого, автор относит к источникам не только Конституцию и федеральные законы, но и нормативные акты субъектов Федерации, а также судебные решения, обладающие нормативным содержанием.

Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин уточняют, что источники конституционного права — это «правовые формы, посредством которых выражается воля народа как носителя суверенитета и закрепляются основополагающие начала государственной и общественной жизни» [4]. Такой подход подчеркивает демократическую природу конституционного регулирования, связывая источник права с проявлением народного суверенитета.

В свою очередь, В. Е. Чиркин предлагает рассматривать источники конституционного права как систему правовых актов, «устанавливающих и регулирующих конституционно-значимые отношения, в том числе отношения между человеком, обществом и государством» [5]. Ученый обращает внимание на институциональный аспект, утверждая, что источники конституционного права отражают организационную структуру государства и распределение властных полномочий.

Ряд исследователей, среди которых С. А. Авакьян, предлагают более широкий подход, рассматривая систему источников конституционного права не только как совокупность юридических форм, но и как инструмент обеспечения устойчивости и верховенства Конституции [6]. По его мнению, источники выполняют не только правотворческую, но и охранительную функцию, так как через них реализуется принцип верховенства Основного Закона и обеспечивается согласованность всей системы законодательства.

Другие авторы, например Г. Н. Комкова и Е. В. Колесников, обращают внимание на доктринальный аспект источников. Они полагают, что в современных условиях доктринальные интерпретации — научные комментарии и правовые позиции ученых — оказывают всё большее влияние на развитие конституционного права, особенно при толковании норм Конституции [7]. Подобный подход отражает тенденцию расширительного понимания источников права, когда к ним причисляются не только нормативно-правовые акты, но и иные формы правового влияния, признанные государством и обществом.

В современных условиях понятие источников конституционного права приобретает интегративный характер. Как отмечает А. В. Малько, источники права представляют собой «единство юридической формы и социального содержания, что проявляется в сочетании нормотворческой деятельности государства с правовыми традициями, принципами и доктринами» [8]. Таким образом, источники конституционного права нельзя рассматривать исключительно как внешние формы; они отражают также содержание правовой системы, ее идеологическую и ценностную основу.

Следует отметить, что с точки зрения системного подхода источники конституционного права выполняют двойную функцию: они одновременно являются формой существования права и элементом правовой системы. Как подчеркивает И. А. Конюхова, источники выступают «средством институционализации и стабилизации правового пространства», благодаря чему обеспечивается единство федерального и регионального законодательства [9].

Таким образом, источники конституционного права можно определить как систему признанных государством форм выражения правовых норм, регулирующих основы государственного и общественного устройства, закрепляющих права и свободы личности и обеспечивающих верховенство Конституции. Это понятие включает как нормативные, так и институциональные элементы, отражающие принципы современного конституционного строя Российской Федерации.

Классификация источников конституционного права играет важную роль в осмыслении структуры и функционирования всей правовой системы государства. Она позволяет упорядочить различные формы выражения правовых норм, выявить их иерархию, определить внутренние взаимосвязи между различными уровнями правотворчества. От правильного понимания и система-

тизации источников зависит эффективность действия конституционно-правовых норм и степень реализации принципа верховенства Конституции в правовой системе Российской Федерации.

С точки зрения методологии правоведения, классификация выполняет не только теоретическую, но и практическую функцию. Она обеспечивает единство терминологии и подходов при анализе норм, способствует выработке правоприменительной практики и укреплению целостности правового пространства государства.

Как справедливо отмечает С. А. Авакьян, «упорядочение источников конституционного права — это не только теоретическая задача, но и механизм, обеспечивающий баланс между правотворчеством, правоприменением и конституционным контролем» [6].

В отечественной юридической науке источники конституционного права принято классифицировать по нескольким основаниям: юридическая сила, форма выражения и происхождение (табл. 1). Такая систематизация отражает не только иерархию нормативных актов, но и характер их правового действия в зависимости от субъектов правотворчества и сферы регулирования [10].

Представленная таблица отражает многоуровневый и системный характер источников конституционного права Российской Федерации. Внутренняя структура данной системы основывается на принципе иерархичности, что обеспечивает юридическое верховенство Конституции как основного закона. При этом каждое звено этой системы выполняет самостоятельную роль в обеспечении целостности правового регулирования.

Анализ классификации источников конституционного права показывает, что современная тенденция развития заключается в усилении роли правовых позиций Конституционного суда, а также в расширении доктринального и международного компонентов правовой системы. Цифровизация законодательства, открытые правовые базы данных и развитие правовой информатизации способствуют повышению прозрачности источников и упрощению доступа граждан к правовым нормам.

Таким образом, классификация источников конституционного права — это не просто теоретическая схема, а практический инструмент, обеспечивающий целостность, системность и согласованность всей правовой системы государства. Она позволяет разграничить компетенции различных уровней власти, определить приоритеты в применении норм и укрепить верховенство Конституции Российской Федерации как основополагающего источника всего отечественного законодательства.

Функции источников конституционного права представляют собой направления их воздействия на общественные отношения и государственные институты. Через выполняемые функции раскрывается социальное и юридическое назначение источников, а также их роль в обеспечении устойчивости конституционного строя и целостности правовой системы. Функциональный анализ источников конституционного права позволяет не только

Таблица 1. Классификация источников конституционного права Российской Федерации

Критерий классификации	Виды источников	Характеристика и примеры
Юридическая сила	1. Конституция РФ [1]	Обладает высшей юридической силой, прямым действием и верховенством по отношению ко всем другим правовым актам. Определяет основы конституционного строя, систему органов власти, права и свободы человека
	2. Федеральные конституционные законы	Конкретизируют положения Конституции (например, Федеральный конституционный закон «О Правительстве РФ», «О судебной системе РФ»)
	3. Федеральные законы	Развивают отдельные институты конституционного права, устанавливают механизмы реализации конституционных норм
	4. Законы субъектов РФ	Регулируют вопросы, относящиеся к ведению субъектов Федерации, не противореча Конституции РФ
	5. Подзаконные акты	Указы Президента РФ, постановления Правительства, приказы министерств и ведомств, направленные на исполнение законов
Форма выражения	1. Нормативно-правовые акты	Основная форма источников, выражающая государственную волю в письменной форме
	2. Правовые обычаи	Устоявшиеся практики поведения, признаваемые государством юридически обязательными (например, протокольные традиции парламентской работы)
	3. Судебные прецеденты	Решения Конституционного суда РФ, устанавливающие обязательные правовые позиции
	4. Договоры и соглашения	Федеративный договор, соглашения между Российской Федерацией и ее субъектами
	5. Доктринальные источники	Научные труды и правовые теории, оказывающие влияние на развитие конституционной доктрины
Происхождение	1. Национальные источники	Конституция, федеральные и региональные нормативные акты, решения органов власти
	2. Международные источники	Международные договоры, конвенции, общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 15 Конституции РФ)

определить их значение, но и выявить закономерности взаимодействия между различными элементами конституционно-правового регулирования.

В отечественной юридической науке выделяется несколько ключевых функций источников конституционного права (рис. 1) [11].

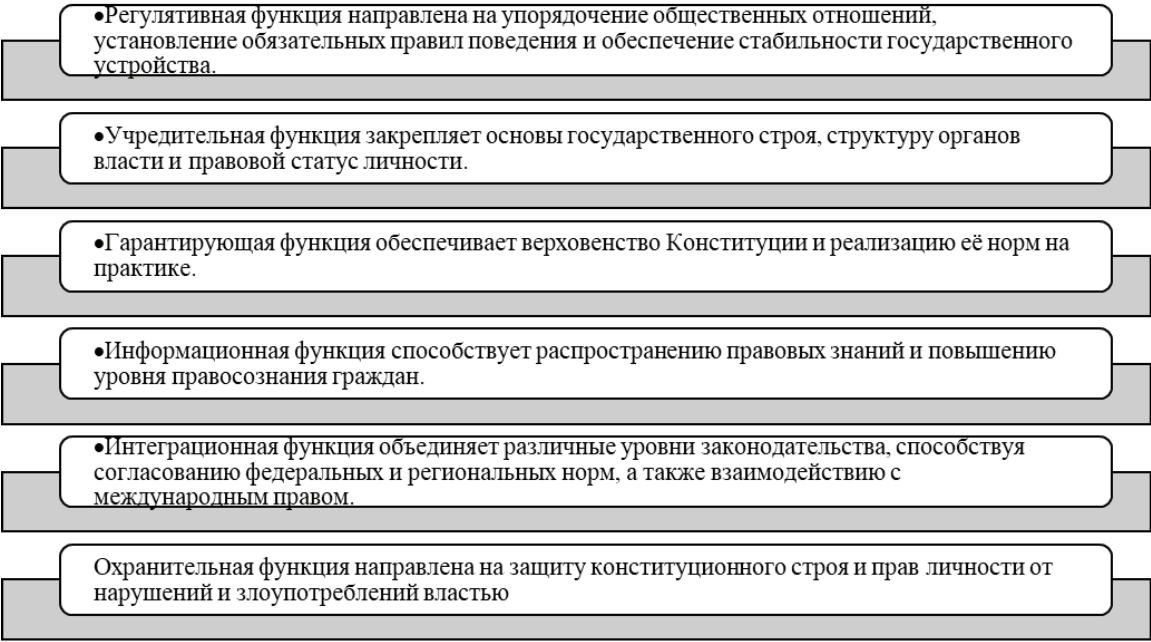

Рис. 1. Функции источников конституционного права

Таким образом, функции источников конституционного права представляют собой неотъемлемую часть механизма правового регулирования. Они обеспечивают согласованность и устойчивость действия правовых норм, закрепляют политико-правовые основы государства и создают условия для эффективной защиты прав человека.

Регулятивная и учредительная функции формируют основу правового порядка, гарантируя структурную и организационную устойчивость государственной системы. Гарантийная и охранительная функции направлены на сохранение конституционного строя и защиту прав граждан, а информационная и интеграционная — обеспечивают открытость, взаимодействие и адаптацию правовой системы к современным вызовам.

Совокупное действие всех функций источников конституционного права формирует единый правовой механизм, обеспечивающий верховенство Конституции, стабильность государственного устройства и развитие демократических институтов в Российской Федерации.

Стоит также отметить, что развитие системы источников конституционного права в современной России характеризуется рядом устойчивых тенденций. Одной из них является усиление роли судебных решений, особенно актов Конституционного суда РФ, которые обладают нормативным значением и выполняют функцию правового ориентира. Следует отметить и тенденцию к росту роли решений Верховного суда Российской Федерации, разъясняющих вопросы применения конституционно значимых норм. Судебные акты в этом контексте выполняют функцию правовых ориентиров, обеспечивающих единообразие правоприменения и устойчивость конституционного регулирования [12].

Второй тенденцией является возрастание влияния международных правовых актов, обеспечивающих гармонизацию российского законодательства с международными стандартами защиты прав человека. Следует отметить, что развитие международного компонента в системе источников конституционного права сопровождается процессами адаптации: Россия стремится согласовать внутренние правовые нормы с международными стандартами, не нарушая принципов государственного суверенитета. Это приводит к формированию гибридной модели, где международные акты действуют через механизмы имплементации и официального признания.

Третьей устойчивой тенденцией является цифровизация правотворческого процесса, которая выражается

в переводе нормативно-правовых актов и процедур их обсуждения в электронную форму. Электронные правовые базы данных (системы «КонсультантПлюс», «Гарант», «Право.ру», портал «Госуслуги») обеспечивают открытый доступ к текстам законов, постановлений, решений судов, повышая прозрачность и доступность права для граждан и специалистов.

Современная правовая информатизация способствует формированию нового типа источников — электронных правовых форм, включающих цифровые публикации нормативных актов, официальные электронные реестры и автоматизированные правовые системы. Эти формы не только повышают скорость распространения правовой информации, но и создают предпосылки для появления концепции «электронного права» [13].

Таким образом, развитие системы источников конституционного права в России характеризуется переходом от статичной иерархической структуры к динамической многоуровневой системе, основанной на взаимодействии национальных, судебных, международных и электронных источников.

Наблюдается постепенный отказ от узкоформального понимания источников, ограниченного нормативно-правовыми актами, в пользу более широкой модели, включающей правовые позиции судов, международные договоры и научные доктрины. Такая эволюция свидетельствует о зрелости российской правовой системы и ее способности адаптироваться к условиям глобального правового пространства.

Подводя итог, можно сделать вывод, что источники конституционного права представляют собой сложную, иерархически организованную систему, обеспечивающую устойчивое функционирование государственного механизма и защиту прав граждан. Их классификация по юридической силе, форме выражения и происхождению раскрывает внутреннюю логику правового регулирования. Выполняя широкий спектр функций, источники способствуют укреплению правопорядка, формированию правовой культуры и повышению уровня конституционного самосознания общества. Современные тенденции развития источников конституционного права — усиление судебного контроля, расширение международного влияния и цифровизация — свидетельствуют о динамичной эволюции этой отрасли, ориентированной на обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). — Текст : электронный // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Алексеев, С. С. Теория государства и права / С. С. Алексеев. — Москва : Проспект, 2021. — 496 с.
3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. — Москва : Юрайт, 2022. — 752 с.
4. Козлова Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — Москва : Проспект, 2023. — 584 с.

5. Чиркин, В. Е. Конституционное право : учебное пособие / В. Е. Чиркин. — Москва : Проспект, 2021. — 448 с.
6. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учебный курс / С. А. Авакьян. — Москва : Норма, 2023. — 784 с.
7. Комкова Г. Н. Конституционное право / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников. — Москва : Юрайт, 2023. — 449 с.
8. Малько, А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Малько. — Москва : Норма, 2022. — 480 с.
9. Конюхова, И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть / И. А. Конюхова. — Москва : Юрайт, 2024. — 392 с.
10. Белик, В. Н. Конституционные права личности и их защита / В. Н. Белик. — Москва : Юрайт, 2024. — 170 с.
11. Бялт, В. С. Основы конституционного права Российской Федерации / В. С. Бялт. — Москва : Юрайт, 2023. — 156 с.
12. Кененова И. П. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях / И. П. Кененова, А. А. Троицкая, Д. Г. Шустров. — Москва : Красанд, 2021. — 720 с.
13. Кабышев, С. В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях / С. В. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 2. — С. 2–7.

Особенности первоначального этапа расследования неуплаты средств на содержание несовершеннолетних детей

Исаева Кристина Константиновна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются особенности первоначального этапа расследования неуплаты средств на содержание несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: неуплата средств на содержание несовершеннолетних детей, первоначальный этап расследования неуплаты средств на содержание несовершеннолетних детей, типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования неуплаты средств на содержание несовершеннолетних детей.

При расследовании данного вида преступлений, как правило, складываются следующие типичные следственные ситуации первоначального этапа:

- 1) должник известен и задержан;
- 2) должник установлен, но не задержан. Возможна организация розыска;
- 3) лицо, подозреваемое в совершении преступления, установлено, однако его местонахождение неизвестно [1, с. 113].

В первую очередь, необходимо провести ряд следственных и процессуальных действий:

- 1) допросить заявителя. Выяснить, с какого времени плательщик не проживает с ребёнком, как часто он выплачивает алименты, оказывает ли материальную помощь;
- 2) допросить судебного пристава-исполнителя. Узнать, какие меры были предприняты для взыскания алиментов, как вёл себя плательщик, когда его привлекали к ответственности, а также уточнить дату составления протокола об административном правонарушении по статье 5.35.1 КоАП РФ [2];
- 3) провести осмотр жилища подозреваемого. Это позволит оценить материальное положение подозреваемого и его новой семьи, если таковая имеется;
- 4) допросить подозреваемого. Выяснить, с какого времени он не проживает с ребёнком, по какой причине образовалась задолженность, работает ли он, если нет, то почему, оказывает ли материальную помощь ребёнку;

5) допросить лиц, имеющих отношение к семье неплательщика алиментов. Это могут быть члены семьи, родственники или другие люди;

6) изъять или запросить документы, которые могут помочь в расследовании. Это можно сделать путём выемки или мотивированного запроса.

В процессе расследования уголовного дела, возбуждённого по ч. 1 статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации, одним из ключевых следственных действий является допрос [3].

Обычно первым допрашивают подозреваемого. Допрос подозреваемого по факту неуплаты средств на содержание детей начинается с установления его личности. Подозреваемому разъясняются его права, предусмотренные статьёй 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и обязанности. Также ему напоминают о его праве не свидетельствовать против себя, гарантированном статьёй 51 Конституции Российской Федерации [4]. При необходимости подозреваемому предоставляют возможность встретиться с защитником, но их встреча не может длиться более двух часов.

Допрос несовершеннолетнего потерпевшего имеет свои особенности, которые регулируются статьёй 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно этой статье, если потерпевшему не исполнилось 14 лет, то допрос должен проводиться с участием педагога.

Для детей до 7 лет продолжительность непрерывного допроса не должна превышать 30 минут, а общая продолжительность — одного часа. Для детей от 7 до 14 лет — не более одного часа, а общая продолжительность — не более двух часов. Для детей старше 14 лет — не более двух часов, а общая продолжительность — не более четырёх часов в день.

Учитывая особенности психологии несовершеннолетних и то, что вопросы касаются близкого родственника, рекомендуется заранее составить список вопросов и согласовать его с педагогом, психологом или законным представителем. Это поможет избежать психологической травмы у ребёнка и скорректировать тактику допроса.

Однако на практике несовершеннолетние потерпевшие по таким делам редко допрашиваются по ходатайству законного представителя из-за их возраста и психологической неустойчивости.

Следующим субъектом допроса является свидетель, которым может быть родственник или близкий человек подозреваемого или потерпевшего. Дознаватель выясняет место жительства и регистрации подозреваемого, информацию об источниках его дохода, о покупках за период уклонения от уплаты алиментов, о собственности лица.

Также допрашивается судебный пристав-исполнитель по факту неисполнения решения суда должником. Дознаватель выясняет, как долго должник уклоняется от исполнения решения суда без уважительных причин, начиная

с момента первого предупреждения, а также сумму долга за этот период.

Если показания допрошенных лиц противоречат друг другу, дознаватель проводит очную ставку для устранения противоречий.

В большинстве случаев по таким делам нет оснований для избрания меры пресечения, поэтому дознаватель выбирает другую меру принуждения — обязательство о явке. Однако эта мера не всегда эффективна, так как возникают проблемы с обеспечением явки подсудимых в суд.

Если подозреваемый скрывается от дознавателя, то последний выносит постановление о приостановлении предварительного расследования. Подозреваемый объявляется в розыск.

После завершения предварительного расследования по делу дознаватель составляет обвинительный акт. Если проводилось дознание в сокращённой форме, то составляется обвинительное постановление. Затем дело направляется прокурору для принятия решения в соответствии со статьёй 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В заключение стоит отметить, что грамотное планирование и организация расследования, определение типичной следственной ситуации позволяют оптимально провести следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, в результате чего будет сформирована соответствующая доказательственная база.

Литература:

1. Киселева М. А. Организация первоначального этапа расследования преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 13 (3 (49)). С. 113.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Финансирование третьими лицами в международном арбитраже: революция в доступе к правосудию в Африке

Йеман Бекхан Бру Джуниор, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Международный арбитраж, долгое время считавшийся золотым стандартом разрешения трансграничных коммерческих споров, теперь сталкивается с тревожным парадоксом. Хотя он обещает скорость, кон-

фиденциальность и специализированную экспертизу, его непомерно высокая стоимость превращает эти обещания в мираж для многих экономических субъектов, особенно в Африке. Именно в этом контексте финансирование

третьей стороной (TRF) становится революционной инновацией, способной кардинально изменить доступ к арбитражному правосудию.

Международный арбитраж требует значительных финансовых вложений, которые могут быстро достичь ошеломляющих размеров. С учётом гонораров арбитров, расходов на техническую экспертизу, административных расходов учреждений и расходов на слушания, окончательный счёт может достигать нескольких миллионов евро в случае сложных споров.

Африканские компании работают в особенно жестких экономических условиях. Их финансовые ресурсы, как правило, более ограниченные, чем у их коллег в развитых странах, ещё больше затрудняют доступ к международному арбитражу. Эта ситуация усугубляется рядом структурных факторов.

Относительная неопытность африканской экономики в сфере международного арбитража часто приводит к недооценке реальных затрат. Компании иногда слишком поздно осознают масштаб необходимых инвестиций, не имея возможности продолжить процедуру.

Логистические проблемы представляют собой ещё одно серьёзное препятствие. Поскольку слушания часто проходят в европейских или североамериканских арбитражных центрах, африканским сторонам приходится нести значительные расходы на проезд и проживание, особенно в условиях длительных разбирательств, требующих многочисленных поездок.

Наконец, волатильность африканских валют по отношению к референтным валютам (доллар США, евро, фунт стерлингов), в которых обычно номинированы арбитражные сборы, усиливает финансовую неопределённость и может превратить изначально контролируемый бюджет в финансовую дыру.

Финансирование третьей стороной основано на относительно простом, но революционном механизме. Внешний инвестор, обычно специализированный фонд, соглашается профинансировать арбитражные сборы стороны полностью или частично. В обмен на этот риск финансист получает процент от суммы, полученной в случае успеха, обычно от 20 % до 50 % в зависимости от сложности дела и связанных с ним рисков.

Это финансовое нововведение предоставляет африканским заинтересованным сторонам значительные преимущества. Во-первых, это помогает решать ситуации, когда законные права невозможно защитить из-за недостатка финансовых ресурсов. Компании с вескими делами, но ограниченным денежным потоком, теперь могут инициировать международные арбитражные разбирательства.

Программа TRF также высвобождает ресурсы компаний, позволяя им сосредоточить инвестиции на основном бизнесе, а не на оплате юридических услуг. Такое оптимизированное распределение ресурсов может иметь решающее значение для растущего бизнеса.

Безрегрессный аспект финансирования является ещё одним решающим преимуществом. В случае неудачи про-

цедуры финансируемая сторона не обязана возвращать авансированные суммы, что значительно ограничивает ее финансовые риски и позволяет ей принимать взвешенные риски.

Помимо простого финансирования, сторонние финансирующие организации предоставляют ценную стратегическую экспертизу. Их предварительный анализ дел и поддержка на протяжении всей процедуры представляют собой особенно ценную техническую поддержку для менее опытных сторон.

Несмотря на свои неоспоримые преимущества, программа TRF не является универсальным решением. Ее доступность остается ограниченной, поскольку финансирующие организации применяют особенно строгие критерии отбора. Рассматриваются только дела с высокой вероятностью успеха и значительным потенциалом взыскания, что исключает многие обоснованные иски. Эта избирательность также, как правило, благоприятствует истцам по сравнению с ответчиками, поскольку последним, как правило, сложнее доказать достаточный потенциал взыскания для привлечения финансирующей организации. Обязанность раскрытия информации о наличии стороннего финансирующего лица, требуемая во многих арбитражных юрисдикциях, может представлять собой стратегический недостаток. Такое раскрытие информации может быть истолковано противоположной стороной как признание финансовой слабости и использовано для того, чтобы поставить под сомнение обоснованность иска или платежеспособность в случае присуждения судебных издержек.

Для ответчиков присутствие стороннего финансирующего лица может значительно усугубить финансовые последствия проигрыша. Помимо традиционных убытков и судебных издержек, им может быть предписано нести расходы на финансирование, что создает потенциально проблемный дисбаланс.

Развитие финансирования по принципу «третий поток» (TRF) в Африке по-прежнему сталкивается со значительными правовыми препятствиями. В некоторых странах сохраняется запрет на этот вид финансирования, основанный на традиционных доктринах «шамперти» и «алиментов», поскольку третья сторона не может финансировать судебные разбирательства, в которых она не имеет прямого интереса.

В других юрисдикциях правовой статус финансирования по принципу «третий поток» остается неясным, что создает правовую неопределенность, которая препятствует его развитию и ограничивает интерес потенциальных финансирующих лиц.

Участие стороннего финансирующего лица поднимает фундаментальные этические вопросы, касающиеся независимости арбитражного разбирательства. Имея прямую экономическую заинтересованность в исходе спора, финансирующая сторона может испытывать искушение оказывать влияние на стратегические решения, выбор арбитров или ведение переговоров.

Это потенциальное влияние поднимает вопросы о балансе сил в разбирательстве и сохранении равенства сторон — основополагающего принципа международного арбитража.

Отсутствие требования о систематическом раскрытии информации создает риски конфликта интересов. Финансирующая сторона может поддерживать отношения с арбитрами или другими участниками разбирательства, не раскрывая эту информацию трибуналу или противоположной стороне, что потенциально ставит под угрозу беспристрастность решения.

Для сохранения честности арбитража при сохранении преимуществ FPT возникают два основных подхода. Первый заключается в обязательном систематическом раскрытии информации, гарантирующем полную прозрачность, но создающем риск отказа от финансирования из-за опасений раскрытия конфиденциальной информации. Второй, более детальный подход основан на обязанности по целенаправленному раскрытию информации, возлагая на финансирующую организацию обязанность проверять наличие потенциальных конфликтов интересов и раскрывать свою причастность только при необходимости. Такое решение обеспечивает конфиденциальность, сохраняя при этом приемлемый уровень контроля.

Проблемы развития Африки

Фонд третьего лица представляет собой серьезную проблему экономического развития Африки. Предоставляя африканским компаниям доступ к международному арбитражу на равных условиях, он может способ-

ствовать уменьшению асимметрии в международных торговых отношениях и укреплению конкурентоспособности континента.

Для реализации этого потенциала крайне важно устранить оставшиеся правовые барьеры и создать благоприятную экосистему для Фронта третьего лица, включая обучение юристов и повышение осведомленности бизнеса.

Финансирование третьими лицами представляет собой историческую возможность демократизировать доступ к международному арбитражному правосудию. Для африканских компаний это может стать решающим рычагом для защиты их прав и расширения деятельности на международных рынках.

Однако эта революция должна сопровождаться глубоким осмыслением ее этических и практических последствий. Арбитражным институтам, законодателям и всем заинтересованным сторонам в этой сфере предстоит создать сбалансированную нормативно-правовую базу, которая обеспечит как целостность арбитража, так и доступ к правосудию.

Будущее международного арбитража в Африке будет зависеть от нашей коллективной способности справиться с этой задачей, превратив Фонд содействия арбитражу в инструмент экономического развития и верховенства права, а не просто в финансовый механизм. Эта трансформация требует постоянной приверженности и бдительности, чтобы инновации действительно служили справедливости и объективности в международных коммерческих отношениях.

Литература:

1. <https://www.village-justice.com/articles/financement-par-des-tiers-dans-arbitrage-international-une-revolution-pour,53812.html>
2. <http://ifdpac.org/arbitrage/vers-une-reglementation-des-financements-par-des-tiers/>
3. https://www.avocatparis.org/system/files/publications/rapport_et_projet_resolution_tpf_0.pdf

Юридическая характеристика и сфера применения смарт-контрактов

Ковалевский Дмитрий Георгиевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена изучению понятия, юридической характеристики и особенностей применения смарт-контрактов. Выделены основные признаки смарт-контрактов, которые сформировались в процессе цифровизации и внедрении финансовых технологий на рынках. Определены основные сферы применения смарт-контрактов и требования к ним с точки зрения каждой.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровизация, финансы, инновации, сфера, применение транзакции.

Legal characteristics and scope of smart contracts

Kovalevsky Dmitry Georgiyevich, master's student
Moscow University «Synergy»

The article is devoted to the study of the concept, legal characteristics and application features of smart contracts. The main features of smart contracts that have been formed in the process of digitalization and the introduction of financial technologies in the markets

are highlighted. The main areas of application of smart contracts and the requirements for them from the point of view of each are defined.

Keywords: smart contract, digitalization, finance, innovation, sphere, transaction application.

Мировые финансовые рынки находятся под усиленным воздействием цифровизации и инноваций в сфере технологий взаимодействия. Это оказывает существенное влияние на принципы и инструменты, применявшиеся ранее. Инновации и новая инфраструктура привели к снижению необходимости личного присутствия в процессе осуществления различных операций. Также многие операции стали доступны для реализации по принципу «единого клика».

Некоторые инновации на финансовом рынке образовались не сегодня. Так, в 1994 году Ник Сабо, американский ученый, предложил использовать смарт-контракты. Для данного новшества Сабо, базируясь на исследованиях Дэвида Чаума, дал следующее определение — «цифровое представление набора обязательств между сторонами, включающее в себя протокол исполнения этих обязательств» [4]. По мнению Сабо, умные контракты посредством использования всех возможностей и механизмов цифровой безопасности с использованием криптографических протоколов позволят значительно улучшить взаимодействие между сторонами по сравнению с используемыми на тот момент традиционными юридическими контрактами.

На сегодняшний день смарт-контракт определяется договор, участниками которого выступают две или более стороны. Его предметом выступает установление, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей. Смарт-контракт отличается от традиционного договора тем, что в нем условия (часть или полностью)

записаны, исполнены и обеспечиваются автоматическим образом посредством компьютерного алгоритма, разработанного для специализированной программной среды.

Постепенно сфера применения смарт-контрактов расширялась, что представлено на рисунке 1.

Рассмотрим данные сферы подробнее.

В процессе автоматизации платежей программирование контракта позволяет гарантировать поступление определенной суммы для лиц или организаций в определенный срок.

При регистрации прав собственности в блокчейне устанавливается право собственности непосредственно с момента его наступления.

При реализации энергетических транзакций создается цифровая экосистема, которая позволяет осуществлять обмен энергией. Смарт-контракты в данной сфере для реализации источников электричества или топлива могут быть заключены только между физическими лицами или организациями, которые вовлечены в процесс взаимодействия. Данные стороны в дальнейшем имеют возможность персонализации потребления каждого клиента.

Смарт-контракты в сфере интеллектуальной собственности могут быть встроены в любой объект, имеющий возможность контроля цифровыми средствами. Включение смарт-контрактов в данном случае выступает основой для формирования «умной собственности», являющейся частью «интернета вещей (IoT)». Смарт-контракт в данном случае позволяет автоматизировать, например, аренду данных объектов [2].

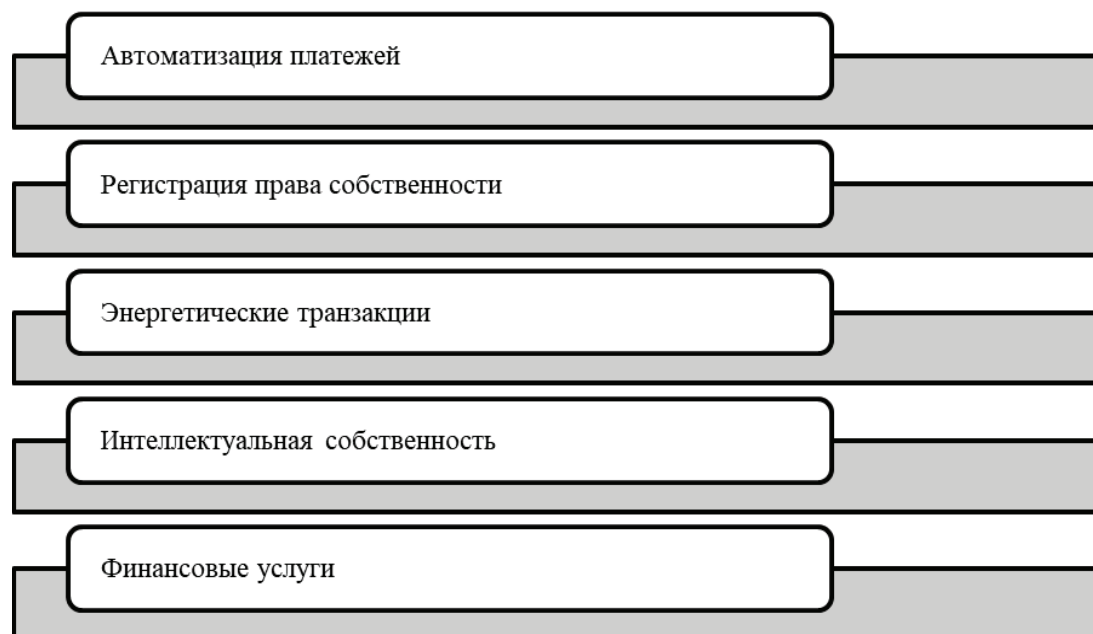

Рис. 1. Сферы применения смарт-контрактов на современном этапе [4]

Криптовалюта и ее движение — уже привычная характеристика современного финансового рынка. Для операций используются различные варианты смарт-контрактов [1].

Возрастающая роль смарт-контрактов на финансовом рынке диктует повышение внимания к юридическому оформлению. Необходимо указать, что в праве понятие «смарт-контракт» получило распространение сравнительно недавно. При этом для термина характерна множественность в подходах. В исследовании А. А. Карцхия дается следующее определение: «умные контракты (smart contracts) представляют собой следующий шаг в развитии блокчейн-технологии. Эти контракты являются договорами в традиционном юридическом смысле. Используя компьютерные программы, разрабатывают последовательность действий — код смарт-контракта для рутинных, повторяющихся операций (купля-продажа при биржевых финансовых сделках, электронные платежи, договоры страхования и возмещения ущерба и т. д.)» [4].

В работе А. Ю. Чурилова смарт-контракт определяется в качестве договорной конструкции, «заключаемой и существующей исключительно в сети блокчейн, особенностью которой является невозможность изменения после попадания в блокчейн, а также автоматическое исполнение возникающего встречного договорного обязательства без необходимости отдельного волеизъявления сторон договора» [6]. Автор указывает, что если данные признаки не будут соблюдены, то в данном случае представлены только элементы кода смарт-контракта, используемые в системе традиционного договора.

Доктрина толкования термина «смарт-контракт» включает и понятие Д. В. Федорова: «смарт-контракт является разновидностью договора, написанного на языке программирования» [4]. Очень важно, что формулирование условий смарт-контракта на языке программирования не может рассматриваться в качестве причины, которая снижает значимость договорной сущности сделки. Это происходит по той причине, что смарт-контракты позволяют записывать условия в программе с использованием цифровых кодов, которые подвержены тем же правилам, что и к другим языкам, тогда как российское законодательство позволяет заключать договор на любом языке. Язык программирования в данном случае не является исключением.

Однако, юридические тонкости диктуют необходимость разграничения компьютерных программ, используемых для заключения договоров, и непосредственно

правоотношение, которое и является юридическим договором. Право регулирует только договорные отношения, при этом учитывая технические возможности программ для создания договоров. С учетом данного нюанса можно признать правомерным понятие смарт-контракта, предложенное В. А. Беловым: «смарт-контракт в праве — это специальный правовой режим гражданско-правового договора. В этом значении смарт-контракт становится особой несамостоятельной договорной конструкцией, которую невозможно заключить отдельно от соответствующего договорного типа» [1].

Все предложенные определения указывают, что смарт-контракт основан на договорной сущности. Такое признание позволяет определять юридические важные признаки, возможные последствия и специфику функционирования договора при заключении его посредством использования криптографии в блокчейн-системе. При этом важно понимать, что изначально смарт-контракт базируется на компьютерном коде, формируя его особую правовую природу. В дальнейшем данный код должен осуществлять адаптацию под потребности сторон и различные обстоятельства. К ним можно отнести:

- алгоритмы, учитывающие исполнение принятых обязательств;
- процедуру заключения договора;
- электронная форма договора.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) российское законодательство на сегодняшний день не имеет закрепленного понятия «смарт-контракт». Определено, что смарт-контракт возможно рассматривать как программное обеспечение, имеющее соответствующего правообладателя. При этом важно понимать проблемы авторства и исключительных прав на коды, используемые в процессе формирования смарт-контрактов, что подлежит регулированию статьями ГК РФ;
- 2) смарт-контракт можно представить в виде способа исполнения принятых обязательств, а также как электронную форму договора, регулируемую общими положениями об обязательствах и договорах;
- 3) смарт-контракт основывается на правовой природе, базирующейся на компьютерном программном коде;
- 4) при использовании смарт-контракта код адаптируется под обстоятельства и стороны договора;
- 5) для современного рынка характерно широкое использование смарт-контрактов, однако, в основном они используются в области крупных сделок корпораций или банковских учреждений.

Литература:

1. Белов В. А. Смарт-контракты: применение в договорной практике [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.law.ru/article/22127-smart-kontrakty> Дата обращения, 15.10.2025.
2. Бычкова Н. П., Лаштабегер В. И., Мухина А. А. Смарт-контракты в предпринимательской деятельности // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 16.10.2025).

3. Мифтяхетдинов А. Т. Правовая природа смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontrakta-3> (дата обращения: 16.10.2025).
4. Смарт-контракты: юридическая природа и сфера их применения [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dfcg.ru/smart-kontrakty> Дата обращения, 15.10.2025.
5. Туркова И. М. Смарт-контракты в РФ и зарубежный опыт // Вестник магистратуры. 2023. № 4–1 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-rf-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 16.10.2025).
6. Чурилов А. Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права // Legal Concept. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-i-printsipy-obyazatelstvennogo-prava> (дата обращения: 16.10.2025).

Мошенничество с использованием информационных технологий: к вопросу о проблемах квалификации

Коваленко Олеся Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Меньшикова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

Статья посвящена анализу нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в части мошенничества с использованием информационных технологий. Выявлено отсутствие логики в построение системы общего и специальных составов мошенничества. Сформулированы предложения по внесению изменений в уголовное законодательство, устраняющее данный логический недочет.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, кража, компьютерные преступления, хищение, обман, злоупотребление доверием. статья 159.6 УК РФ.

Information technology-based fraud: addressing the challenges of qualification

Kovalenko Olesya Yurievna, master's student

Scientific advisor: Menshikova Natalya Alekseevna, phd in law, associate professor
Vladivostok State University

The article is devoted to the analysis of legal regulation and law enforcement practice in the field of fraud using information technologies. The lack of logic in the construction of the system of general and special fraud offenses has been identified. Proposals have been formulated to amend the criminal legislation to eliminate this logical flaw.

Keywords: criminal law, fraud, theft, computer crimes, embezzlement, deception, abuse of trust.

Информационные технологии пронизывают все сферы общественной жизни. По мере расширения данной тенденции все чаще преступные схемы переходят в цифровую среду, что приводит к криминализации новых составов преступлений. Но признаки состава преступления могут быть достаточно сложными для разграничения друг с другом. Технический прогресс оказал существенное влияние на все сферы жизни российского общества. Вместе с тем, развитие информационных технологий открыло широкий спектр деструктивных возможностей для представителей преступной среды, своевременный и релевантный учет которых законодателем и правоприменителем имеет прямое значение для организации эффективного уголовно-правового регулирования [4, с. 48].

В ст. 159 УК РФ криминализован общий состав мошенничества [1]. Что касается специальных составов, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 159.1, 159.2,

159.3, 159.5, 159.6 УК РФ, то способы совершения всех, кроме ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» составляют обман и злоупотребление доверием, используемые для оказания воздействия на владельца с целью передачи последними имущества или прав на него иному лицу либо в целях беспрепятственного изъятия имущества или приобретения права на него иным лицом.

Поскольку наряду с общим составом мошенничества, законодатель сконструировал обширный перечень специальных составов, то, если руководствоваться правилами формальной логики, становится очевидным, что для квалификации в рамках ст. 159 УК РФ, требуется отсутствие признаков, соответствующих специальным статьям. Но, например, мошенничество в сфере компьютерной информации как специальный состав, предусмотренный ст. 159.6 УК РФ, нельзя смешивать с использованием информационных технологий при совершении обычных мо-

шеннических действий. Если информационные технологии используются лишь опосредованно, фактически, в той степени, в которой они сегодня сопровождают нашу обычную жизнь, то основания для того, чтобы квалифицировать содеянное как совершение преступления в сфере компьютерной информации, нет.

Например, технологическая составляющая может найти проявление в том, что используется особый формат связи между преступником и жертвой, в частности, за счет социальных сетей, цифровой телефонии и пр. Так, Б. прошел процедуру регистрации на форуме, специализирующемся на торговле рептилиями, но сам не занимался ни их разведением, ни коммерческими операциями с ними. Несмотря на это, преследуя корыстные цели, он разместил на форуме объявление со своими контактными данными о том, что продает змей. Для осуществления перевода он попросил у своего приятеля банковскую карту. После переписки с потерпевшим и достижения договоренности о сделке с якобы имеющейся у него змеи, Б. попросил внести полную оплату на карту своего приятеля. Исполнять обязательство Б. не планировал. Содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ [8].

Но принципиально отличается состав мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Императивным признаком состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, выступает особый способ совершения посяательства, который не связан ни с обманом, ни со злоупотреблением доверием (о данных признаках объективной стороны в диспозиции состава упоминания отсутствуют) — «путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Как разъясняется в Постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» вмешательство есть «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), ... снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него» [7]. То есть предполагается работа не с пользовательским интерфейсом, а погружение на более глубокий уровень — в область функционирования программного обеспечения путем внесения модификаций в процессы обработки, хранения, передачи для достижения корыстной цели, соответствующей составу мошенничества. При этом, ни об обмане, ни о злоупотреблении доверием как о признаке «классического» мошенничества речи в данном случае не идет. Однако если подобное вмешательство получает выражение в создании или распространения вредо-

носных компьютерных программ, то содеянное предписывается дополнительно квалифицировать по ст. 272, 273, 274.1 УК РФ.

Но составы, охватываемые данными действиями, могут быть достаточно сложны для разграничения, во-первых, с хищением в форме кражи, сопряженной с получением доступа к определенным информационным ресурсам, а во-вторых, с мошенничеством, подлежащим квалификации по основному составу, если мошенничество хоть и было совершено в информационных системах, но не охватывалось признаками, предусмотренными ст. 159.6 УК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 на этот счет указывается, что квалификации по ст. 159 УК РФ подлежит мошенничество, если оно было совершено посредством распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, ... (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты). Данные разъяснения потребовались, поскольку продолжительное время правоприменитель рассматривал составы мошенничества, совершенные путем фишинговых атак как специальные, квалифицируя содеянное по ст. 159.6 УК РФ [7].

Например, действия М., похитившего деньги, были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ. Ш. создал двойник сайта официального банка для фишинга. Введенные в заблуждение пользователи переводили денежные средства, думая, что взаимодействуют с банковской структурой, оплачивая счета, но средства поступали на счет М. [9]. Суд счел, что в подобном случае речь идет о мошенничестве в сфере компьютерной информации.

Е. А. Харина обоснованно подчеркивала, что существовавшая до принятия разъяснений Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 практика приводила к кратному завышению показателей компьютерной преступности применительно к составу, предусмотренному ст. 159.6 УК РФ, что действительности не соответствовало [5, с. 30].

Руководствуясь текущей парадигмой в рамках квалификации данного состава, мошенничество в компьютерной сфере получает выражение в такой практике, как использование компьютерных разработок для того, чтобы вредоносные свойства программ позволяли путем обмана или злоупотребления доверием похитить то или иное имущество или имущественные права жертвы. Так, примером верной квалификации является приговор Центрального районного суда г. Тюмени в отношении Х., К., Ш., которые «использовали приобретенное вредоносное программное обеспечение для заражения вирусами мобильных устройств, тем самым обеспечивали доступ к ним на правах администратора с правом доступа к расчетным счетам, после чего удаленно отправляли сгенерированные команды посредством SMS-сообщений на перевод денежных средств на подконтрольные им банковские счета» [10].

Стоит согласиться с мнением ученых относительно того, что хоть и сама необходимость криминализации та-

кого рода посягательств в сфере компьютерных данных сомнений не вызывает, большие вопросы имеет криминализация данного состава в качестве мошенничества, а не иной формы хищения [5, с. 31].

Тем самым, в действительности, имеются явные отличия между составом мошенничества в рамках ст. 159 УК РФ, где способом хищения выступают обман или злоупотребление доверием, и хищением чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159.6 УК РФ).

В первую очередь, это связано с тем, что необходим некий адресат мошенничества — потерпевший, который непосредственно воспринимает определенные манипуляции в свой адрес, которые происходят в рамках взаимодействия с преступником. Но данная фигура в рамках состава мошенничества в сфере компьютерной информации отсутствует. В рамках тех деяний, которые в настоящее время квалифицируются как мошеннические по ст. 159.6 УК РФ, такое взаимодействие не происходит. Преступник лишь вмешивается в работу определенного алгоритма, что даже не всегда доступно для восприятия жертвой. В таком случае, не вполне ясно, чем подобный тип мошенничества отличается от тайного хищения чуждого имущества?

Рассуждая в подобном ключе, Е. А. Русскевич приходит к выводу о том, что наименование и сущность состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, вступают с другим в противоречие. Чтобы справиться с ним, следует изложить ч. 1 ст. 159 УК РФ следующим образом: «Хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-коммуникационных сетей» (соответственно, это приведет к видоизменениям в части прочих квалифицированных составов в рамках ст. 159.6 УК РФ) [3, с. 415].

Некоторые ученые вообще возражают против отнесения данного состава к группе посягательств против собственности, полагая, что указанный состав с точки зрения признаков его родового и видового объектов должен быть изложен в рамках гл. 28 УК РФ, где приводятся посягательства против компьютерной информации [6, с. 196]. Как представляется, посягательство направлено на отношения собственности, в то время как сфера компьютерной информации и, соответственно, данного рода объект, может быть наделен статусом субсидиарного.

Г. Р. Григорян обращает внимание на сложности в установлении форм хищения для преступлений против собственности в области компьютерной информации. Ключевым во всех подобных составах, к которым он относит преступления, предусмотренные п. г ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ, является именно причинение имуще-

ственного ущерба, притом, что отграничение тайного хищения чужого имущества от хищения путем обмана и злоупотребления доверием, может быть затруднительным или же полностью невозможным. Поэтому автором выдвигается предложение о необходимости дополнения уголовного закона новой ст. 165.1 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем неправомерного воздействия на объекты в сфере информационно-телекоммуникационной сети и компьютерной информации» [2, с. 186].

Если руководствоваться разъяснениями, которые были приведены в Постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48, то в п. 1 в перечне составов, по которым способами хищения имущества должны выступать такие признаки, обязательно присущие любому мошенничеству, а именно: обман или злоупотребление доверием, ст. 159.6 УК РФ не называется. Соответственно, устанавливать по данному составу совершение преступного посягательства данными способами не требуется.

Как верно по этому поводу отмечается в научной мысли, «основным принципом соотношения общей и специальной нормы является то, что специальная норма обладает всеми признаками общей нормы, при этом конкретизирует лишь определенные, специфические признаки преступления. Иначе говоря, эти два деяния в зеркале отображения должны быть идентичны по сути и различаться лишь по форме и характерным признакам» [5, с. 32]. Поэтому в отношении состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, налицо нарушение правил формальной логики. Это и явилось причиной разночтений в судебной практике, поскольку состав мошенничества в сфере компьютерной информации на текущий момент является единственным составом, где признаки мошенничества (способы совершения — обман и злоупотребление доверием) не называются. Данное преступное посягательство «выбивается» из перечня специальных составов мошенничества, одновременно не соответствуя признакам общего состава.

Руководствуясь вышеприведенными доводами, предлагается необходимым внести изменения в диспозицию ст. 159.6 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Хищение в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Данные изменения позволяют трансформировать по правилам логики систему преступных посягательств на собственность, совершаемых посредством мошеннических действий, исключив из существующего перечня составов неоднородное с точки зрения признаков объективной стороны посягательство, создав упорядоченную логически верную и внутренне непротиворечивую совокупность составов хищений, совершаемых посредством обмана или злоупотребления доверием.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1996. 18 июня. № 113.
2. Григорян Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: Дис.... канд. юрид. наук. Самара, 2021. С. 185–186.
3. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: Дис.... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 415.
4. Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 160 с.
5. Харина Е. А. К вопросу о проблемных аспектах квалификации и криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023. № 3. С. 29–33.
6. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 196.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. февраль, 2018.
8. Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 27.12.2019 по делу № 1–578/2019 // Практика URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-oktiabrskii-raionnyi-sud-g-omska-omskaia-oblast/> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 05.03.2014 № 1–74/2014 1–956/2013. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jA8GpwXbeBmJ/> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Приговор Центрального районного суда г. Тюмени от 3 сентября 2018 г. № 1–18/2018 1–528/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ruiCsHOBEBUQ/> (дата обращения: 15.10.2025).

Правовые проблемы системы регионального законодательства в сфере обращения с отходами

Конев Никита Антонович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор исследует правовые проблемы системы регионального законодательства в сфере обращения с отходами на основании данных федеральных государственных органов и структур законодательной, исполнительной и судебной власти, а также приводит возможные причины появления данных проблем.

Ключевые слова: правовая система, сфера обращения с отходами, система регионального законодательства, территориальные схемы по обращению с отходами, региональные программы по обращению с отходами, региональный оператор по обращению с отходами.

Сфера обращения с отходами является сложно регулируемой системой, так как имеет межотраслевой характер и охватывает деятельность всех физических и юридических лиц, как отходообразователей, а также деятельность специализированных лиц по обращению с отходами и государственных структур и ведомств, осуществляющих управление сферой обращения с отходами.

Основное правовое регулирование отрасли осуществляется Федеральным Законом от 24.06.1998 г. N 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (Далее Закон Об отходах). Данный закон характеризует систему регионального законодательства в сфере обращения с отходами. Согласно ст. 6 Закона Об отходах к элементам системы регионального законодательства кроме отраслевых

региональных законов и подзаконных актов относятся: региональные программы в области обращения с отходами, региональный кадастр отходов, предельные тарифы в области обращения с отходами, нормативы накопления и порядок накопления твердо-коммунальных отходов (далее ТКО), документы регулирующие деятельность региональных операторов, а также территориальные схемы по обращению с отходами [1].

Анализ данных элементов системы регионального законодательства в сфере обращения с отходами проведен на основании данных федеральных государственных структур, осуществляющих свою деятельность независимо друг от друга.

Так, аудиторами Счетной палаты РФ в 2020 г. проведен обширный анализ, проходящей в стране с 2019 г. «му-

сорной реформы». Аудиторы оценили выполнение мероприятий по формированию комплексной системы обращения с ТКО во всех субъектах РФ, а также провели оценку реализуемости достижения стратегических целей в области экологической безопасности, установленных Указами Президента РФ от 21.07.2020 N 474 и от 7 мая 2024 г. N 309 [2, 3]. Результат показал низкий уровень качества и соответствия федеральным нормам и требованиям региональных программ и территориальных схем (39 из 67 анализируемых, в остальных регионах на момент анализа данные документы отсутствовали), а также слабое использование и закрепление использования в региональных документах приоритетности наилучших достижимых технологий [5].

Свежее исследование развития отрасли, проведенные ППК «Российский экологический оператор» (РЭО) в 2024г. выявили 21 регион, которые находятся под угрозой срыва национальных целей из-за ошибок в территориальных схемах по проектированию потоков отходов и развитию инфраструктуры по экологически безопасному и экономически эффективному обращению с отходами [7].

Низкая эффективность региональных программ и территориальных схем, а также неиспользование на региональном уровне имеющихся возможностей федерального законодательства для решения проблем в сфере обращения с отходами, например, федеральных возможностей для ликвидации несанкционированных свалок, были обозначены Комитетом Госдумы РФ по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды на заседании 17.09.2024 [8].

Проблемы региональных систем управления отходами и региональных правовых систем по регулированию сферы обращения с отходами были отмечены Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023. Ключевыми проблемами, согласно данному обзору являются: неправомерное включение или исключение объектов по обработке, обезвреживанию, утилизации, размещению ТКО в территориальную схему; не целевое использование тарифных средств, полученных региональным оператором; деятельность по отклонению от положений территориальной схемы, которая наиболее часто проявляется у регионального оператора и муниципальных органов власти [4].

Неоднократно на проблемы с системой обращения с отходами в регионах обращала внимание Генеральная прокуратура РФ и ее отдельные подразделения. Например, по материалам Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры в 13 из 17 подконтрольных субъектов РФ сформировалась ситуация по недостижению целевых показателей федеральных проектов, вызванная в том числе неэффективным планированием и актуализацией территориальных схем, а также низким

качеством проработки документов, регламентирующих деятельность региональных операторов [6].

Обобщив все выше приведенные материалы по анализу систем регионального законодательства в сфере обращения с отходами, можно выделить следующие ключевые правовые проблемы:

- низкий уровень качества проработки региональных правовых систем в сфере обращения с отходами, в особенности территориальных схем и региональных программ, наличие большого количества ошибок, а также не учёт при планировании региональных потребностей в развитии инфраструктуры по обращению с отходами на территории региона;

- несоответствие региональных документов обязательным требованиям федерального законодательства, не включение имеющихся в федеральном законодательстве возможностей для решения проблем в сфере обращения с отходами, отклонения в процессе деятельности региональных операторов, муниципальных и региональных органов власти от требований федерального и регионального законодательства в сфере обращения с отходами;

- низкая взаимосвязь между компонентами региональной правовой системы по обращению с отходами, например, между региональными программами, территориальной схемой, документами регламентирующими деятельность региональных операторов и др.

Возможными причинами проявления данных проблем могут быть:

- отставание регионального законодательства от постоянных изменений федерального;

- неучет при составлении региональных документов, регулирующих сферу обращения с отходами, междисциплинарного характера отрасли, требующего учитывать географические, социальные, экономические, правовые факторы;

- составление региональных нормативно-правовых актов «для галочки», чтобы отчитаться перед федеральным центром без реальной привязки к действующей ситуации в сфере обращения с отходами на территории региона;

- отсутствие и нехватка грамотных исполнителей «на местах», которые понимают и правильно истолковывают федеральное законодательство в сфере обращения с отходами для применения его в реальном секторе экономики.

Таким образом, выявленные правовые проблемы системы регионального законодательства в сфере обращения с отходами показывают необходимость продолжения работы по совершенствованию правового механизма, как на федеральном, так и на региональном уровне. Возможные причины данных проблем могут служить опорными точками для совершенствования системы обращения с отходами в регионах при проведении более глубокого анализа их региональной принадлежности. Устранение правовых проблем позволит повысить эффективность, прозрачность и надлежащее функционирование системы по обращению с отходами в соответствии с национальными целями развития, обеспечивая экологическую безопасность населения и территорий.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон № 89-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 мая 1998 года; одобрен Советом Федерации 10 июня 1988 года] (последняя редакция). — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
2. Российская Федерация. Указы Президента РФ. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 № 309. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
3. Российская Федерация. Указы Президента РФ. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 N 474. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
4. Российская Федерация. Судебная практика ВС РФ. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами: Президиум Верховного Суда РФ от 13.12.2023. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
5. Бюллетень Счетной палаты РФ, 2020 № 9. Мусорная реформа / Счетная палата Российской Федерации. — Москва, 2020. — 159с. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/462/46234b3e3624fccbb8bace5c892f2f4.pdf> (дата обращения 18.10.2025). — Текст электронный;
6. Куницына Е. А. Надзор за исполнением законодательства в экологической сфере / Е. А. Куницына, А. В. Трудников. — Текст: непосредственный // Законность. — 2024. — № 6. — С. 9–13;
7. Основные проблемы реализации территориальных схем обращения с отходами. — Текст: электронный // Твердые бытовые отходы: [сайт]. — URL: <https://news.solidwaste.ru/2024/12/osnovnye-problemy-realizatsii-territorialnyh-shem-obrashheniya-s-othodami/> (дата обращения: 19.10.2025);
8. Рекультивацию свалок мусора могут не завершить в этом году. — Текст: электронный // Твердые бытовые отходы: [сайт]. — URL: <https://www.solidwaste.ru/news/view/31974.html> (дата обращения: 19.10.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (594) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 05.11.2025. Дата выхода в свет: 12.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.